

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ
АВСТРАЛИИ, НОВОЙ ГВИНЕИ
И ГАВАЙСКИХ
ОСТРОВОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С О Ю З А С С Р

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ имени Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НОВАЯ СЕРИЯ, ТОМ LXXX

ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ АВСТРАЛИИ,
НОВОЙ ГВИНЕИ
И ГАВАЙСКИХ ОСТРОВОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1962 ЛЕНИНГРАД

В. Р. КАБО

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ АВСТРАЛИЙЦЕВ

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая работа ставит своей целью охарактеризовать австралийские каменные орудия и исследовать их роль в качестве основных (до появления металла) орудий производства у австралийцев. Такое исследование дает возможность использовать материалы этнографии для выводов не только о характере материального производства и общественного строя австралийских аборигенов, но и о характере производства в первобытном обществе, в период его перехода к неолиту. Этнографический материал ценен, в частности, тем, что мы имеем здесь не только орудия, но самих людей, которые их изготавливают, ими работают. Изучение этого материала может оказать помощь в решении многих археологических проблем.

Общий характер австралийской каменной техники — мезолитический с некоторыми чертами неолита (шлифованные топоры и тесла, распространение которых до сравнительно недавнего времени ограничивалось восточной частью континента, накопечники типа Кимберли и т. п.). На культуре австралийцев лежит печать своеобразия, обусловленная особыми историческими и географическими условиями. Это своеобразие проявляется и в орудиях труда, например в применении полудисковидных долот с широким основанием (основание делается широким потому, что орудие не прилаживается к древку, а утапливается в смоле, соединяющей орудие с древком), в сравнительной неразвитости техники резцового скола, в таких уникальных формах орудий, как каменные клевцы на рукоятки, топоры *кодья*, копье-металки-долота, ножи-пилы из острых осколков камня случайных форм, стеклянные накопечники, в специфическом способе крепления с помощью смолы. До сравнительно недавнего прошлого (примерно до начала XX в.) каменные орудия все еще оставались важнейшими орудиями труда австралийцев.

В настоящей работе дается классификация каменных орудий австралийцев, описывается техника их изготовления, их применение в производстве. Рассмотрены далее собственность на каменные орудия, их роль во внутриобщинном и межобщинном разделении труда, а также обмен этими орудиями. Затронуты и такие вопросы, как отражение каменных орудий в искусстве, магии и мифологии австралийцев. Наконец, подвергаются рассмотрению и те последствия, которые вызваны внедрением металлических орудий и вытеснением ими каменных еще до колонизации и во время колонизации.

Наша работа построена на материале австралийских коллекций Музея антропологии и этнографии (МЛЭ) Академии наук СССР и Музея антропологии Московского государственного университета. Привлекаются и археологические материалы. Широко использованы литературные этно-

графические источники, относящиеся преимущественно к XIX и XX вв. и к тем группам населения, у которых каменные орудия в момент исследования сохранялись еще в качестве основных орудий производства.

История австралийских аборигенов с конца XVIII в., когда началась колонизация Австралии, была трагичной. Они испытали все, что выпадает на долю культурно отсталых народов в странах, ставших объектом капиталистической колониальной экспансии. Если к началу колонизации в Австралии насчитывалось около 300 тыс. человек коренного населения, то в настоящее время оно сократилось до 49 тыс. человек. Сохранившиеся население оттеснено в неблагоприятные для жизни области и вымирает. В некоторых районах оно сохраняет свой прежний образ жизни полукочевых охотников, собирателей и рыболовов, вооруженных примитивными орудиями труда.

Архаические формы общественно-экономического быта и идеологии, которые для большинства других народов мира стали уже пройденным этапом, все еще сохраняются у отдельных групп австралийцев в отдаленных районах страны — в резервациях Кимберли, Северной Территории и п-ова Йорк, на юго-западе континента и в Западной пустыне.

Экономика и технология у австралийских аборигенов изучены все еще очень недостаточно. Несмотря на большое количество рассеянных в литературе сведений о хозяйстве и орудиях труда австралийцев, в этой области остается еще очень много неясного, требующего проверки, новых полевых исследований. Например, если имеются неплохие описания способов изготовления каменных орудий, то их применение изучено много хуже. Что же касается проблемы социально-экономического значения орудий труда, то она еще не изучалась, так как буржуазная наука не идет дальше изучения технологии.

Интерес к изучению австралийских каменных орудий появился только во второй половине XIX в. Э. Тайлор был одним из первых, кто начал сравнивать каменные орудия австралийцев и тасманийцев с орудиями европейского палеолита с целью обнаружить общие законы эволюции техники и материальной культуры.¹ Для Э. Тайлора и других эволюционистов (Д. Леббок, Д. Мак Леннан) австралийская культура была пережитком ранней, первобытной стадии развития, а сами австралийцы — типичными представителями первобытного человечества. Э. Тайлор считал, что австралийские и особенно тасманийские каменные орудия, грубо обработанные и неотшлифованные, находятся на том же уровне развития, что и орудия европейского палеолита. Что же касается шлифованного топора, то он, как полагал Э. Тайлор, принесен в Австралию откуда-то извне и сравнительно недавно, что доказывается отсутствием техники шлифования в Западной Австралии. Остальные австралийские орудия, по мнению Э. Тайлора, имеют вполне палеолитический характер. Тасманийцев и австралийцев он называл «живыми представителями раннего каменного века». Идея Э. Тайлора впоследствии развивал У. Соллас, по мнению которого тасманийцы были представителями «эолитической» стадии, а австралийцы — мустьерской, или нижнепалеолитической.²

Несмотря на заблуждения Э. Тайлора и У. Солласа относительно уровня развития австралийской культуры, стремление их исходить в своих теоретических построениях из сравнительного анализа орудий

¹ E. B. Tylor. 1) The early history of mankind. London, 1865, p. 195 и сл.; 2) On the Tasmanians as representatives of palaeolithic man. Journ. of the Anthrop. Inst., v. 23, 1893; 3) On the survival of palaeolithic conditions in Australia and Tasmania. Journ. of the Anthrop. Inst., v. 28, 1898.

² W. J. Sollas. Ancient hunters and their modern representatives. London, 1914.

труда было большим шагом вперед, так как приближало науку к пониманию материального производства в первобытном обществе.

Одно из первых и наиболее полное для своего времени собрание фактических сведений о каменных орудиях австралийцев принадлежит Р. Б. Смитту, составителю большого сводного труда об аборигенах Виктории и других областей.³ Он пришел к новым и более правильным выводам. Он писал: «Если внимательно изучить и классифицировать все австралийские каменные орудия, окажется, что одна часть тождественна орудиям европейского палеолита, а другая часть тождественна орудиям неолита. В Австралии человек из одного племени может иметь за поясом топор, паточенный и отшлифованный по всей поверхности, а совсем неподалеку люди другого племени пользуются каменными топорами, обработанными только грубыми сколами».⁴ Эти различия в технике Б. Смитт объяснял наличием или отсутствием в распоряжении данного племени камня, пригодного для изготовления из него шлифованных орудий. Это мнение разделял и Б. Спенсер, изучавший совместно с Ф. Гилленом культуру аборигенов центральной и северной Австралии.⁵ Подобно Б. Смитту и немецкому антропологу Г. Клаачу,⁶ Б. Спенсер и Ф. Гиллен находили у австралийцев все стадии развития каменной техники, от палеолита до неолита включительно, объясняя это физико-географическими условиями. Только дальнейшее углубленное изучение австралийской каменной техники, основанное на увеличении этнографических и археологических материалов, показало роль и значение и других факторов.

Археология дает в руки исследователя основной материал для реконструкции истории аборигенов Австралии. Этот материал состоит, главным образом, из каменных орудий, обнаруженных в древних стоянках. Систематические археологические исследования в Австралии начались только в конце 20-х годов нашего века. В раскопках на нижнем Муррее впервые применялась научная методика.⁷ В 1936 г. результаты археологических исследований в Австралии были впервые обобщены и систематизированы Фюрер-Хаймендорфом.⁸ С той поры археологическое изучение Австралии сделало большой шаг вперед. Накоплен огромный материал; публикации, рассеянные в многочисленных научных журналах, насчитывают десятки названий. Интенсивные археологические раскопки продолжаются.

В настоящее время, однако, опубликованы только две книги, посвященные каменным орудиям австралийцев, как найденным при археологических раскопках или в старых, покинутых стоянках, так и тем орудиям, которые бытовали до недавнего времени. Одна из книг написана известным австралийским археологом С. Р. Митчеллом.⁹ Первая часть ее представляет собою описание различных типов австралийских каменных орудий, вторая часть посвящена обзору известных стоянок, главным образом в восточной и Южной Австралии, и найденным там орудиям.

³ R. B. Smyth. The aborigines of Victoria, v. 1—2. London—Melbourne, 1878.

⁴ Там же, т. 1, стр. LV.

⁵ B. Spencer and F. J. Gillen. 1) The native tribes of Central Australia. London, 1899; 2) The Northern tribes of Central Australia. London, 1904; 3) The Arunta. A study of a stone age people, v. 1—2. London, 1927.

⁶ H. Klaatsch. Die Steinartefakte der Australier und Tasmanier, verglichen mit denen der Urzeit Europas. Zeitschrift für Ethnologie, Bd. 40, 1908, S. 407—436.

⁷ H. M. Hale and N. B. Tindale. Notes on some human remains in the lower Murray valley, South Australia. Records of the South Australian Museum, v. 4, № 2, 1930, pp. 145—218.

⁸ C. von Furer-Haimendorf. Zur Urgeschichte Australiens. Anthropos, Bd. 31, part. 1—4, 1936.

⁹ S. R. Mitchell. Stone-age craftsmen. Stone tools and camping places of the Australian aborigines. Melbourne, 1949.

Вторая книга написана австралийским этнографом и археологом, сотрудником Австралийского музея в Сиднее, Ф. Маккарти, совместно с двумя другими археологами.¹⁰ Она является систематической классификацией и описанием всех известных австралийских орудий и других предметов из камня.

Кроме того, существует еще несколько обобщающих статей и исследований регионального характера.¹¹ Имеются также публикации, содержащие сведения об изготовлении, употреблении, распространении каменных орудий у современных австралийских аборигенов. Наиболее крупные из этих работ — исследование У. Рота о населении северо-западного Квинсленда,¹² монография Горпа и Эстона о племенах области оз. Эйр (вонкапугу и диери),¹³ книга Г. Базедова, содержащая главу о каменных орудиях у современных аборигенов,¹⁴ монография Д. Томсона, посвященная экономике и обрядовому обмену в Арнхемленде,¹⁵ обобщающая книга Ф. Маккарти, одна из глав которой названа им «Мастера каменного века».¹⁶

Большую помощь автору оказали работы советских этнографов и археологов, особенно капитальный труд, изданный Институтом этнографии Академии наук СССР в серии «Народы мира», в котором впервые на русском языке всесторонне и глубоко рассмотрены хозяйство, общественный строй, материальная и духовная культура австралийцев.¹⁷ Необходимо назвать также ценный археологический очерк А. П. Окладникова¹⁸ и неопубликованные рукописи А. М. Золотарева¹⁹ и П. И. Борнсковского.²⁰

Фонды МАЭ, использованные в настоящей работе, содержат хорошее собрание австралийских каменных орудий, в том числе уникальные, как топор *коды* из юго-западной Австралии, остроконечники *пирри* из Южной Австралии, серия стеклянных наконечников из Кимберли и др.²¹

I. КЛАССИФИКАЦИЯ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ АВСТРАЛИЙЦЕВ

Каменные орудия австралийцев настолько многообразны, что систематическая классификация их является непременным условием их изучения. Имеется несколько опытов такой классификации. Б. Смит разделил

¹⁰ F. D. McCarthy, E. Bramell and H. V. V. Noone. The stone implements of Australia. The Australian Museum, memoir 9, Sydney, 1946.

¹¹ D. S. Davidson. Stone axes of Western Australia. American Anthropologist, v. 40, № 1, 1938, pp. 38—48; F. D. McCarthy. The prehistoric cultures of Australia. Oceania, v. 19, № 4, Sydney, 1949, pp. 305—319; D. S. Davidson and F. D. McCarthy. The distribution and chronology of some important types of stone implements in Western Australia. Anthropos, Bd. 52, 3—4, 1957, S. 390—458; B. Allchin. Australian stone industries, past and present. Journ. of the Royal Anthropol. Inst., v. 87, part 1, London, 1957, pp. 115—136.

¹² W. E. Roth. Ethnological studies among the North-West-Central Queensland aborigines. Brisbane—London, 1897.

¹³ G. Horne and G. Aiston. Savage life in Central Australia. London, 1924.

¹⁴ H. Basedow. The Australian aboriginal. Adelaide, 1925.

¹⁵ D. F. Thomson. Economic structure and the ceremonial exchange cycle in Arnhem Land. Melbourne, 1949.

¹⁶ F. D. McCarthy. Australia's aborigines. Their life and culture. Melbourne, 1957, pp. 81—97.

¹⁷ Народы Австралии и Океании. Под ред. С. А. Токарева и С. П. Толстова. М., 1956.

¹⁸ А. П. Окладников. Заселение Австралии. В кн.: Всемирная история, т. 1, М., 1955, стр. 86—88.

¹⁹ А. М. Золотарев. 1) Кремневая техника австралийцев; 2) Каменные орудия австралийцев. См. Архив Инст. археологии в Ленинграде.

²⁰ П. И. Борнсковский. Орудия труда австралийцев. (Рукопись).

²¹ В. Р. Кабо. Каменные орудия труда австралийцев в собраниях Музея антропологии и этнографии. Сб. МАЭ, т. XXI. (В печати).

орудия по функциональному принципу на одиннадцать групп.¹ Классификация Б. Смита неполная, так как в его время были известны еще далеко не все типы орудий. Более полной была классификация Кеньона и Стирлинга, основанная на сочетании нескольких критериев: способов изготовления, функций и форм орудий.² Б. Спенсер, подобно Кеньону и Стирлингу, применил три критерия для классификации каменных орудий. Он разделил их на две основных группы по функциональному признаку: орудия режущие и рубящие, орудия шлифующие и размалывающие. Внутри каждой из этих групп он подразделил орудия по характеру обработки рабочей части и типологически.³ К достоинствам классификации Спенсера относится разделение орудий первой группы (режущие и рубящие орудия) на две подгруппы по способу обработки рабочей части — на орудия, обработанные только сколами, и орудия отшлифованные. Последние характерны для более высокой стадии развития техники обработки камня, свойственной неолиту. Правда, сам Спенсер был далек от исторического взгляда на австралийскую каменную технику. Он объяснял различия в пей тем, что австралийцы меняют свою технику в зависимости от материала, которым они располагают.

В последующие годы появилось несколько классификаций орудий определенных типов, распространенных в отдельных географических районах.⁴

С наибольшей полнотой австралийские каменные орудия рассмотрены в работах Ф. Маккарти и С. Митчелла. Классификация Митчелла основана главным образом на функциях орудий и на технических приемах, посредством которых производятся операции ими. Но и он вынужден в своей классификации сочетать несколько критериев. Митчелл группирует орудия следующим образом: 1) отщепы-резцы, отщепы-ножи и ножи-пилы; 2) скребки и скребла, скобели и тесла; 3) микролиты, острия *лирри* и наконечники копий; 4) топоры, рубящие орудия (*choppers*) и молоты.⁵ Митчелл обращает внимание на то, что хотя Австралия в целом и располагает разнообразным ассортиментом каменных орудий от грубо оббитых галек до двусторонних наконечников, обработанных точащей отжимпой ретушью, но ни в одной области Австралии не были представлены одновременно все эти типы: для отдельных районов одни были обычны, другие крайне редки и случайны, наконец, третьих не было вовсе. Митчелл разделяет точку зрения Спенсера, что решающее влияние на выбор той или иной техники обработки камня, на производство тех или иных форм орудий оказывало наличие или отсутствие необходимого материала.⁶

¹ R. B. Smyth. The aborigines of Victoria, v. 1, London—Melbourne, 1878, p. 358.

² A. S. Kenyon and D. Stirling. Australian aboriginal stone implements. A suggested classification. Proc. of the Royal Society of Victoria, v. 13, part 2, 1900, pp. 191—200.

³ B. Spencer. 1) Guide to the Australian ethnological collection exhibited in the National Museum of Victoria. 2-d ed. Melbourne, 1915, pp. 69—72; 2) Wanderings in wild Australia, v. 2, London, 1928, pp. 495—496.

⁴ W. E. Roth. North Queensland Ethnography. Bulletin N 7, Brisbane, 1904; W. Howchin. Stone implements of the Adelaide tribe of aborigines now extinct. Adelaide, 1934; T. D. Campbell and H. V. V. Noone. South Australian microlithic stone implements. Records of the South Australian Museum, v. 7, 1943, pp. 281—307; H. V. V. Noone. 1) Some aboriginal stone implements of Western Australia. Records of the South Australian Museum, v. 7, 1943, pp. 271—280; 2) Some aspects of aboriginal stone culture. Mankind, v. 3, 1943, pp. 136—139.

⁵ S. R. Mitchell. Stone-age craftsmen. Stone tools and camping places of the Australian aborigines. Melbourne, 1949, pp. 27—28.

⁶ Там же, стр. 22—23.

Работа Ф. Маккарти является лучшей и наиболее полной типологической классификацией австралийских каменных орудий.⁷ Подобно классификациям Кеньона, Сиенсера и Митчелла, она основана на сочетании нескольких критериев — способов изготовления, функций, форм и т. д. Такой комбинационный принцип оправдан самим объектом классификации. В самом деле, такой критерий, как производственное назначение орудий, очень важен, но основываться только на нем нельзя: во-первых, наши знания об употреблении некоторых орудий, найденных в древних стоянках, слишком недостаточны, во-вторых, одно и то же орудие в большинстве случаев предназначено для различных производственных функций, как это свойственно ранним стадиям в развитии техники. Если же мы положим в основу классификации способы изготовления орудий, то это позволит наметить в Австралии последовательные стадии развития техники и внести в изучение орудий труда принцип историзма. Тем более, что в ряде случаев мы можем дополнить этнографические данные археологическим материалом, дающим возможность проследить развитие австралийских орудий.

Отсутствие исторического подхода — существенный недостаток работы Маккарти. По его мнению, делить австралийские орудия на две большие группы, древние и современные, нельзя потому, что неизвестно, к какой из двух категорий принадлежат многие орудия. Однако во всех тех случаях, когда это возможно, следует четко разграничивать орудия современные (функции которых известны) и орудия ископаемые (о функциях которых во многих случаях можно судить только предположительно). Такое разграничение позволит подойти к решению важного комплекса проблем — функций древних орудий, происхождения отдельных типов и стадийного развития техники. Изучение каменных орудий австралийцев пугается, следовательно, в историческом подходе. Поэтому во всех тех случаях, когда доступные мне источники позволяют это делать, я стремлюсь выяснить, являются ли данные типы орудий древними и к исходу XIX в. уже вышедшими из употребления или они сохранялись в быту аборигенов вплоть до начала XX в. В этой связи меня интересуют наиболее ранние свидетельства очевидцев об употреблении орудий, особенно тех, которые позднее исчезают из обихода.

В целом мы с полным основанием можем воспользоваться классификацией Маккарти, привлекая по мере необходимости и другие материалы. К ним относятся данные о составных орудиях (т. е. орудиях, состоящих из нескольких частей — каменного инструмента и древна, которое может выполнять самостоятельные производственные функции). Маккарти и Митчелл не уделяют им достаточного внимания, тогда как для настоящей работы они имеют особое значение. Оно проистекает из интегрального, многостороннего в функциональном отношении характера составных орудий, приуроченного к особенностям хозяйства и быта австралийцев. В совершенствовании конструктивных особенностей и форм составных орудий отражены прогрессивные тенденции в развитии техники.

Помимо классификации Маккарти, использованы новые публикации, появившиеся после ее выхода в свет.

Классификация, положенная в основу нашей работы, состоит из шести основных, больших групп (в отличие от Маккарти, я ввожу группу

⁷ F. D. McCarthy, E. Bramell and H. V. V. Noone. The stone implements of Australia. Sydney 1946. — В скатом виде классификация Маккарти изложена также в Австралийской энциклопедии: The Australian Encyclopaedia, v. I. Sydney, 1953, pp. 37—39.

необработанных орудий, которая у него отсутствует, и исключая группу «ритуальных орудий», так как нас здесь интересуют не все изделия из камня, а только орудия труда).

ПЕРВАЯ ГРУППА

В эту группу входят необработанные орудия, употребляемые современными австралийцами. Не будучи предварительно изготовленными, взятые из природы в готовом виде, это тем не менее настоящие орудия труда. Однако у современных австралийцев такие орудия, представляющие паряду с обработанными, уже не значат собою стадии в развитии техники, как это было в древности.⁸ Они употреблялись для рубки и тесания дерева благодаря их естественно образованным острым краям. (В топорах *кодья* тоже нередко применялись необработанные камни. Это — один из редких случаев, когда из необработанных камешных орудий делались составные орудия. Но ввиду того, что в топорах *кодья* иногда применялись и обработанные камни, я рассматриваю их в следующей группе классификации). Как правило, необработанные орудия во время работы держались непосредственно в руке. Найденные археологами, такие орудия не могут рассматриваться как достоверные орудия труда, особенно если на них отсутствуют следы работы. Между тем, они обнаружены и у некоторых современных племен,⁹ например, питьяндьяра и пиятуби (центральная Австралия).¹⁰ К этой группе орудий относятся необработанные гальки, применяемые при плетении корзин и изготовлении сумок (вокруг камня плетется дно и боковые стенки корзины, чтобы придать изделию правильную форму).¹¹ Сюда же относятся и метательные камни подходящих форм и размеров, преимущественно гальки, которые австралийцы подбирали и бросали в небольших птиц и другую дичь. Эти камни лишь изредка подправлялись одним-двумя сколами, чтобы их удобнее было схватить рукой. Камни метал и в неприятеля, как например в отряд капитана Кука, высадившийся в бухте Ботани в 1770 г., или в отряд Кинга в Архемленде в 1818 г. Метание камней в неприятеля нередко применяли и тасманийцы.

ВТОРАЯ ГРУППА

Эта группа состоит из кусков камня и галек, обработанных одним из древнейших способов — оббивкой (*trimmed coroid or core implements «пуклевидные орудия»*). Это — двусторонне или односторонне оббитые камни (гальки). Такие орудия характерны для раннего этапа нижнего

⁸ «Говоря об орудиях труда, мы привыкли иметь в виду заранее обработанные, т. е. искусственно изготовленные человеком предметы. Однако первоначально в качестве орудий труда были использованы непосредственно данные природой предметы труда», или, по выражению А. П. Окладникова, «естественные орудия». (А. П. Окладников. Старовозраст человека и общества. Сб. «Проблемы развития в природе и обществе». М.—Л., 1958, стр. 127).

⁹ К. P. Oakley. *Man the tool-maker*. London, 1949. — См. рис. 1, на котором запечатлена рубка дерева в племени питьяндьяра с помощью необработанного камня с естественным острым краем.

¹⁰ Все названия австралийских племен в настоящей работе соответствуют фонетической транскрипции в наиболее авторитетном по этому вопросу источнике: N. B. Tindale. *Results of the Harvard-Adelaide universities anthropological expedition, 1938—1939. Distribution of Australian aboriginal tribes: a field survey. Transactions of the Royal Society of South Australia, v. 64, part 1, 1940, pp. 140—231 and map.*

¹¹ *Catalogue of the objects of ethnotypical art in the National Gallery of Victoria*. Melbourne, 1878, p. 29; R. B. Smyth, ук. соч., т. 1, стр. 385—386. — В племени ваурунг (Виктория) гальки, применяемые специально для изготовления корзин, назывались *винамонг*.

палеолита. Естественная форма камня или гальки изменялась скалыванием отщепов, благодаря чему камень приобретал острые края и мог употребляться как рубящее или режущее орудие.

Односторонне обработанные гальки носят название «орудия типа Суматра», так как подобные орудия были найдены впервые в «кухонных

кучах» на северо-востоке Суматры; такие орудия известны и в других районах юго-восточной Азии (например, Хоа-Бинь). В Австралии они найдены на о-ве Кенгуру (Южная Австралия), в Квинсленде, в Новом Южном Уэльсе, т. е. главным образом в восточных прибрежных областях Австралии (рис. 1, 2). Почти все они обнаружены в древних стоянках, и, вероятно, принадлежали наиболее ранним поколениям австралийцев. В настоящее время орудия типа Суматра сохранились только в Квинсленде, где употребляются женщинами для выкапывания съедобных корней. Эти орудия, все еще применяемые в женском собирательстве, интересны как пережиток древней культуры. Орудия типа Суматра (по Р. Гейпел-Гельдерну, они характерны для мезолита юго-восточной Азии) исследователи австралийской археологии относят к «культуре Карта» — самой ранней археологической культуре в Австралии. Орудия этой культуры найдены во многих местах Австра-

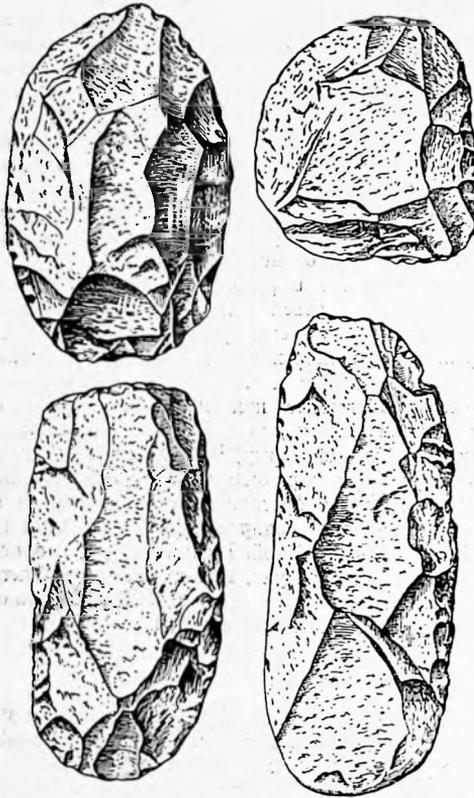

Рис. 1. Орудия типа Суматра (односторонне обработанные гальки) из Нового Южного Уэльса и Виктории.

лии, Тасмании, на о-вах Бассова пролива и на о-ве Батерст (северная Австралия).

Серия двусторонне оббитых кремневых орудий, найденных в районе горы Гамбир, в юго-восточной Австралии, получила название *буандик*. Так называлось племя, которое населяло в прошлом эту область.

В эту же группу входят и топоры *кодья* (или *кадьо*) — своеобразное орудие из юго-западной Австралии, которое не встречается в других местах и заменяло отсутствовавшие на юго-западе и характерные для других областей наточенные топоры. *Кодья* состоит из одного, чаще — двух кусков камня, один из которых пригоден для дробления как молоток, другой — с более острым краем — для рубки или тесания как топор или тесло. Оба камня вставлены (так, что их рабочие края обращены

в противоположные стороны) в ком застывшей и твердой, как камень, смолы на верхнем конце топкой, по прочной, заостренной внизу и отшлифованной деревянной рукояти (длинной 30—40 см). Топоры *кодья* иногда оббиты очень грубыми сколами, иногда совсем не обработаны. В последнем случае использовали камни с естественными острыми краями. Таков, например, экземпляр в МАЭ (колл. № 4301—8).¹² Обнаружен-

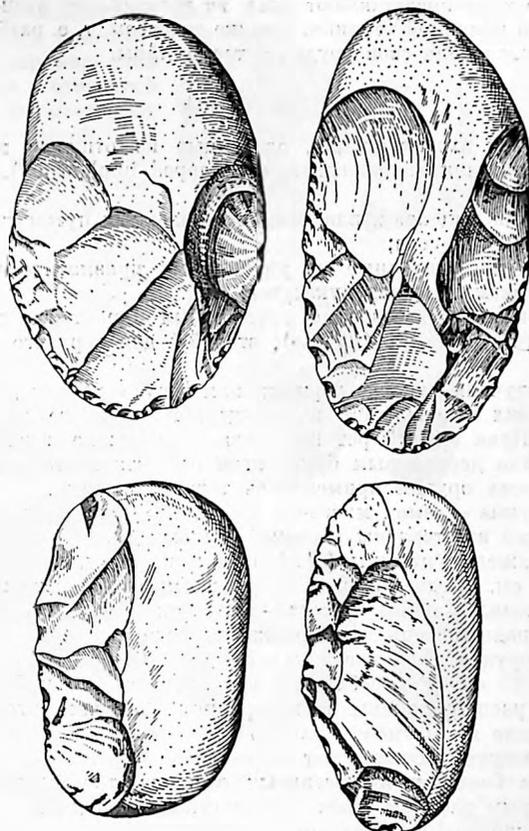

Рис. 2. Односторонне обработанные галки из Нового Южного Уэльса.

ные отдельно от рукояти такие камни едва ли были бы признаны орудиями труда. Топоры *кодья* (которые теперь вышли из употребления и хранятся только в музеях, в том числе и в МАЭ) широко применялись в юго-западной Австралии еще в первой трети прошлого столетия. Ф. Кингу принадлежит первое описание этих орудий (жители пролива Короля Георга, по словам Кинга, называли это орудие *каоит*).¹³

¹² Рисунки и фотографии орудий, хранящихся в МАЭ, помещены в нашей работе «Каменные орудия труда австралийцев в собраниях МАЭ», которая публикуется в Сборнике МАЭ, т. XXI. В настоящей работе мы даем лишь небольшое количество рисунков тех типов орудий, которых нет в МАЭ.

¹³ P. P. King. Narrative of a survey of the intertropical and Western coasts of Australia (1818—1822), v. 2, London, 1827, p. 139; R. Breton. Excursion in New South Wales, Western Australia and Van Dieman's Land, London, 1833, p. 239.

Орудия типа *карта*, найденные на о-ве Кенгуру (Южная Австралия), где местное население исчезло задолго до появления европейцев в начале XIX в., тоже входят в эту группу. Это — грубо оббитые диско-видные орудия из расколотых камней, вторично ретушированные по рабочему краю, от 8 до 9 см в диаметре (рис. 3, верхний ряд). Сюда же относятся и расколотые ладве гальки с отесанным рабочим краем. Орудия этого типа представляют один из древнейших этапов развития австралийской каменной техники. Тем же способом, т. е. разбивая камень о камень, производили свои орудия и тасманийцы.

ТРЕТЬЯ ГРУППА

В эту группу входят орудия, сделанные из отщепов или пластин, изготовленных техникой скалывания (*knapped implements*). Эта группа включает:

1) орудия из отщепов и пластин, изготовленных путем снятия сколов с дисковидных нуклеусов;

2) орудия, изготовленные из удлиненных призматических пластин, сколотых с призматических нуклеусов.

Первый способ изготовления орудий был характерен для позднего этапа нижнего палеолита (мустье), второй — для верхнего палеолита и неолита.¹⁴

В обоих случаях нуклеус держали или в руке, или на другом камне, который служил наковальней, и по ударной площадке наносили удар отбойником. Край орудий ретушировали, а большие выступы австралийцы отбивали деревянным бумерангом или копьемедалкой. При изготовлении многих орудий применялась техника отжима.

Третья группа — самая многочисленная, так как большинство австралийских орудий изготовлены техникой скалывания. Эта группа включает и крупные тяжелые отщепы (*blocks*), и микролиты, длина которых не превышает 3 см. Среди крупных отщепов имеются некоторые специализированные типы. Таковы *арапиа* — полудисковидные отщепы, оббитые от ядрища с подготовленной площадкой и ретушированные по краю (они напоминают орудия типа леваллуа) (рис. 3, средний и нижний ряды). Длина — 10—15 см. Употреблялись как скребла или рубящие орудия. Они широко распространены во внутренних областях материка. Название *арапиа* дано им племенем илпаура (центральная Австралия).

Особую подгруппу составляют килевидные колуны (*cleavers*) *ворими*, сделанные из больших и массивных отщепов, треугольные в сечении клинья с острым рабочим краем. Их максимальная длина — 19 см. Эти орудия были найдены на территории племени *ворими*, населявшего северный берег Нового Южного Уэльса.

Большую подгруппу составляют разнообразные орудия из небольших обычных отщепов разных форм: скребки, скобели, пожи, долотца, проколки, резцы, остроконечники и др. Эти орудия в Австралии находят повсюду. Их длина — от 3 до 8 см. В их формах имеются локальные различия; так, например, в Новом Южном Уэльсе асимметричные формы найдены вдоль побережья, а симметричные — на западе штата.¹⁵ Вероятно, эти локальные различия связаны с древним расселением различных этнических групп по обе стороны Большого Водораздельного хребта. Своеобразный тип остроконечников с загнутыми в сторону остриями («наподобие клюва попугая», пользуясь аналогией Рассела)

¹⁴ Я объединяю орудия, сделанные двумя указанными техническими приемами, в одну группу, следуя в этом за Маккарти: F. D. McCarthy, E. Bramell and H. V. V. Noone, ук. соч., стр. 17.

¹⁵ F. D. McCarthy, E. Bramell and H. V. V. Noone, ук. соч., стр. 24.

был найден на среднем течении Муррея в заброшенных стоянках.¹⁶ Эти орудия напоминают искривленные пойки типа *югчавунга* племени воппангуру (одно из таких орудий хранится в МАЭ, колл. № 921—28), но отличаются своими небольшими размерами (самый крупный имеет длину 5 см, остальные в среднем 2,5—3 см). Подобно аналогичным мадленским орудиям, от которых они почти не отличаются, австралийские орудия могли быть резцами, сверлами или проколками (например, для проделывания отверстий в шкурах). Они мастерски обработаны топкой ретушью и их можно поставить рядом с наконечниками из Кимберли, где мастерство граничит с подлинным искусством. Особый вид отщепов-пожей использовался для ритуальных операций (нанесение рубцов, обрезание и т. д.).

Орудия *элоуэра* — сегменты, треугольные в сечении, с ретушью по краям, достигают 10 см длины. Их название происходит от Илавара — области на южном побережье Нового Южного Уэльса. Эти орудия находят преимущественно в восточных прибрежных районах Нового Южного Уэльса, а также в его западных районах, в Южной Австралии, вдоль побережья Квинсленда и в западном Арихемленде.

Многие орудия, изготовленные из отщепов, применялись в XVIII—начале XX в. как долота, резцы, скребки и пойки, монтированные с помощью смолы на специальных прямых или изогнутых древках или на копьёметалках. Они находили очень широкое применение, главным образом для работы по дереву, изготовления деревянных вещей, и были для австралийцев одним из важнейших орудий, распространяемых посредством обмена всюду (за исключением северо-западного Квинсленда).¹⁷ Рабочие края этих орудий отличаются разнообразием; они бывают прямыми, волнистыми, выгнутыми, с острым выступом и т. д., иногда — зубчатыми, как тонкие пилы. Изогнутые древки долот характерны для центральной Австралии. В Западной Австралии долота укреп-

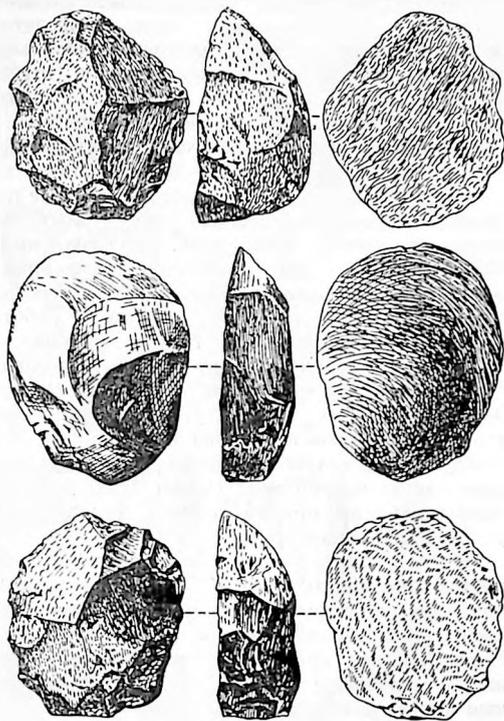

Рис. 3. Орудия типа карта с о-ва Кенгуру, Южная Австралия (верхний ряд) и орудия типа арарпа из центральной Австралии и юго-западного Квинсленда (средний и нижний ряды).

¹⁶ A. Russell. Some parrot-beak-like and curved stone implements from the mid-Murray region, Australia. *Man*, v. 28, № 10, 1928, pp. 177—179.

¹⁷ W. E. Roth. *Ethnological studies among the North-West-Central Queensland aborigines*. Brisbane—London, 1897, p. 101.

лялись на прямых метательных палицах, которыми австралийцы пользовались и в бою, и на охоте. Изогнутые древки (их длина в среднем около 57 см) обычно имеют инструменты на обоих концах, прямые палицы — только на одном. В Квинсленде (р. Кейп) долота имели очень короткие древки (около 18 см) с расщепленным концом, куда вставлялись осколки кремня или вулканического стекла; место соединения затем обвязывалось и покрывалось смолой или воском.¹⁸ Обычно камень не вставлялся в древко, а присоединялся к нему посредством смолы. Копьеметалкп-долота распространены в Австралии довольно широко. Иногда вместо камня в смолу вставлялся зуб кенгуру. Орудие, в котором долото соединено с копьеметалкой или метательной палицей, выполняет несколько полезных функций и поэтому незаменимо в полукочевом хозяйстве австралийцев, чем объясняется и распространенность этого орудия, и то, что оно сохранилось вплоть до настоящего времени.

Имеются некоторые специализированные типы долот. *Тула* — дисковидное или удлинненно-овальное орудие с выгнутым или плоским брюшком и широкой отбивной площадкой. Максимальный размер — 10 см. Название было сообщено Горном и Эстоном в описании каменных орудий племени воюкангуру (область оз. Эйр). Разновидностью *тула* у воюкангуру являлось *калара* — орудие, которое во время работы держали непосредственно в руке. По словам Горна, *тула* в районах его распространения было самым важным инструментом для изготовления деревянного оружия.¹⁹ *Мерна вадна* — двухлезвийное острье. Название тоже взято Горном у Эстоном из языка воюкангуру. *Барен* — узкие клевидные резцы, треугольные в сечении, с плоским брюшком. Укреплялись на рукояти так, чтобы только острый конец торчал из смолы. Длина 3—9 см. Название дано им по местности в Новом Южном Уэльсе. Археологические экземпляры найдены при раскопках на нижнем Муррее, этнографические — у племени воюкангуру.

Ножи *леулира* вплоть до настоящего времени делаются из длинных призматических пластин. Обычно треугольны или трапецевидны в сечении. Они напоминают трехгранный книжал, но иногда имеется четвертая грань, не составляющая в большинстве случаев более трети общей длины. Ножи *леулира* иногда ретунируются по краям. Известны два типа ножей — мужские и женские. Первые имеют острые, а вторые — закругленные концы клинков, обработанные более грубыми сколами. Ими распоряжаются обычно женщины. Ножи *леулира* делаются преимущественно из кварцита, иногда — из других пород. Их длина достигает 20 см, ширина — 6 см. Они спаиваются рукоятю из смолы, в которую часто вставляется плоская орнаментированная дощечка, или используются как наконечники копий, или же монтируются на длинной рукояти и применяются как боевые топоры — клевцы. В последнем случае рукоять бывает двух видов: либо это круглая палка (около 60 см длины), к концу которой присоединяется клинок, вставленный в расщеп рукояти, причем место соединения для прочности покрывается толстым слоем смолы; либо клинок укрепляется с помощью смолы в перегнутой вдвое рукояти тем же способом, что и топоры. В обоих случаях клинок находится под прямым углом к рукояти. Клинки клевцов отличаются от клинков ножей и наконечников копий более крупными размерами. Клинки *леулира* распространены в центральной и северной Австралии.

Интересную аналогию австралийским пожам *леулира* представляют обидлановые пожи с о-вов Адмиралтейства (Меланезия). Их форма совершенно та же, что у австралийских ножей: они делались из узких,

¹⁸ E. M. Curr. The Australian race, v. 2. Melbourne, 1886, p. 471.

¹⁹ G. Horne and G. Aiston. Savage life in Central Australia. London, 1924, pp. 89—90, 101—104, 106—108.

удлиненных призматических пластин и зажимались в рукоятку двумя кусками луба, покрытыми толстым слоем смолы (*raginatum*). Рукоять орнаментировалась. На о-вах Адмиралтейства они употреблялись большей частью для разрезания мяса и т. п., изредка в качестве оружия. Такие же обсидиановые клинки на о-вах Адмиралтейства употреблялись как наконечники копий — подобно тому, как аборигены северной Австралии использовали с той же целью ножи *леулира*.

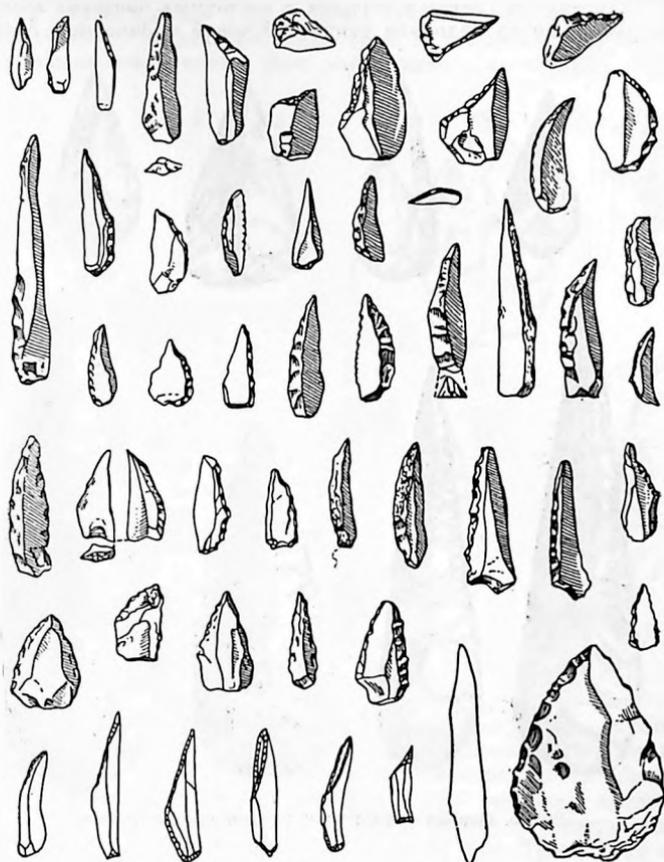

Рис. 4. Острия типа бонди из Нового Южного Уэльса. Нижнее справа орудие — пару. Остальные в нижнем ряду — воаквина.

В племенах диери и воакангуру различные типы отщепов-пожей (называемые собирательно *ютчавунта*) с острым, но не ретушированным режущим краем, по сравнению с *леулира* более примитивные и короткие (до 10 см), употреблялись для разнообразных целей. Основание их покрывалось смолой, которая служила рукояткой.²⁰

Особую подгруппу составляют сверла с тонкими лезвиями и другие типы острий, которые встречаются в Австралии повсюду в большом количестве и в различных локальных вариантах. Функции многих из них

²⁰ G. T a p l i n. The folklore, manners, customs and languages of the South Australian aborigines. Adelaide, 1879, p. 74; E. M. C u r r, ук. соч., т. 2, стр. 80; G. H o r n e and G. A i s t o n, ук. соч., стр. 87—88.

пеясны. В древности они могли быть наконечниками копий или использовались как резцы на древках. Они подразделяются на два вида — симметричные и асимметричные, в зависимости от того, ретушированы у них оба или один край.

К асимметричным остриям относятся, во-первых, острия *бонди*, достигающие 3 см ширины и 8 см длины (рис. 4). Названы они по местности, где впервые были найдены — на побережье Нового Южного Уэльса близ Сиднея. Встречаются главным образом в восточных областях юго-восточной Австралии, но их находили также в Южной и Западной Австралии.

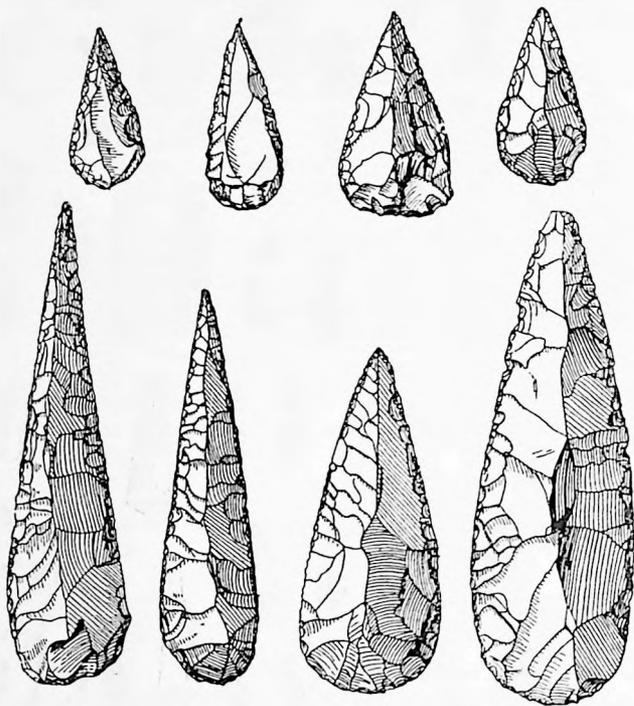

Рис. 5. Острия типа *пирри* из Южной Австралии.

К асимметричным остриям относятся также *воаквина*, названные по местности на юго-востоке Южной Австралии; они имеют длину 3—5 см. Это — южноавстралийский вариант типа *бонди* (рис. 4, нижний ряд).

Из симметричных острий, односторонне обработанных, следует назвать прежде всего острия *пирри*: листовидные, обработанные плоской отжимной ретушью (рис. 5). Отбивная площадка часто устраняется ретушью, и основание делается утонченным. Брюшко в большинстве случаев плоское, но иногда снимается ретушью отбивной бугорок. Максимальная длина — 8 см. Широко распространены были во внутренних областях материка, встречаются также в Кимберли (северо-западная Австралия) и на п-ве Арихемленд (северная Австралия). Они характерны для нескольких культурных слоев пещеры Девон Даунс, на нижнем Муррее (Южная Австралия). Их название взято Горном и Эстоном из языка племени вошкаптуру, где они уже не изготовлялись, но все еще употреб-

лялись в хозяйстве.²¹ Среди других типов симметричных острий имеется тип *пару* — крупное орудие с широким основанием (Пару — река в западной части Нового Южного Уэльса) (рис. 4, нижнее справа орудие).

Симметричные двусторонние острия характеризуются тем, что у них ретушированы обе стороны в отличие от всех предыдущих типов, у которых обработана преимущественно только спинка. Имеются три основных типа этих орудий. Первый — из Кимберли, северо-западная Австралия (тип Кимберли 1). Это сравнительно короткие и широкие орудия, не более 10 см длины и около 4 см ширины. Обе стороны обработаны иногда полностью, иногда — только по краям (рис. 6, верхний ряд). Употребляются как наконечники копий. Этот тип орудий — переходный от острий

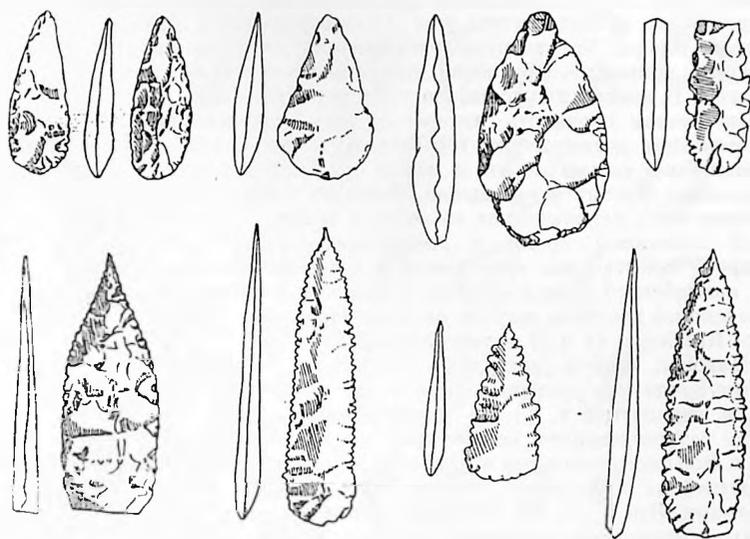

Рис. 6. Острия типа Кимберли 1 и 2.

типа *пирри* к наконечникам с зубчиками из Кимберли (т. е. к наконечникам типа Кимберли 2). Второй тип — *ваджжи*, узкий и продолговатый, достигающий 20 см длины и 4 см ширины. Обе поверхности обработаны по краям. Встречается на Северной Территории, включая Арихемленд, и в северо-западном Квинсленде. Ваджжи — племя в северо-западном Квинсленде, где эти орудия собрал и описал У. Рот. Третий тип острий (тип Кимберли 2) — двусторонние наконечники с зубчиками по краям из Кимберли (хорошо собрано этих орудий, каменных и стеклянных, хранится в МАЭ). Они имеют закругленное основание, очень тонкое и острое жало, выпуклые стороны, обработанные тонкой отжимной ретушью. Края снабжены точными и аккуратными зубчиками и напоминают края почтовой марки (рис. 6, нижний ряд). Наконечники этого типа, по технике изготовления близкие к наконечникам неолита и бронзового века, — образцы высокого мастерства. Максимальная длина — 20 см, ширина — 3 см. Делаются из кварцита или кремня. Новые материалы — стекло и изоляторы от телеграфных столбов. Стекло, благодаря

²¹ Эти редкие теперь орудия имеются в коллекциях МАЭ. См.: В. Р. Кабо. Описание австралийской коллекции А. Л. Яценко в Музее антропологии и этнографии. Сб. МАЭ, т. 19, 1960, стр. 118—120 (№№ 921 22—28).

тому, что оно легко обрабатывается с помощью техники отжима и дает острые режущие края, охотно использовалось многими современными отсталыми народами. Индейцы Огненной Земли, например, делали из случайно найденного бутылочного стекла хорошие скребки. Австралийцы оценили качества стекла, едва познакомившись с ним, как это видно, например, из описания путешествия в юго-западную Австралию, совершенного еще в первой трети XIX в.²²

Наконечники Кимберли 2, которые производятся и в настоящее время, распространяются посредством обмена из Кимберли в соседние районы. Впервые эти замечательные произведения австралийского мастерства описал и зарисовал капитан Кинг в 1821 г.²³ Двусторонние наконечники все еще делаются австралийцами, тогда как односторонние острия — это древние, давно уже не изготавливаемые орудия. Маккарти неправ, говоря, что техника изготовления двусторонних наконечников достигла наивысшего развития вследствие спроса на них со стороны белых.²⁴ В действительности, по свидетельству Кинга, еще до того, как белые начали проявлять интерес к этим наконечникам, техника их изготовления достигла уже той высоты, на какой она стояла и позднее. Новым было только то, что с камня она была перенесена на стекло и пьезиты. Против утверждения Маккарти говорит также широкое применение этих наконечников на охоте и войне.

В настоящее время в Австралии — только на северо-западе и севере — известно два типа копий с каменными наконечниками (кроме так называемого «копья смерти» с мелкими острыми осколками, распространенного довольно широко на периферии материка): с наконечниками типа Кимберли (1 и 2) и типа *леутира*.²⁵

Наконец, особую подгруппу составляют микролиты. Это — отщепы преимущественно правильных, геометрических форм (треугольники, трапеции, сегменты и т. д.), не превышающие в длину 3 см. Они имеют топки ретушированные острые края, иногда — острия (рис. 7). Их находят в большом количестве в Южной и юго-восточной Австралии, но можно встретить их и в других местах. В древних стоянках они встречаются тысячами. Это не только археологические орудия (хотя таких большинство), этнографами зафиксировано использование их и современными австралийцами. Так, например, Н. Тиндаль описал микролитический резец, укрепленный при помощи смолы на рукоятки, из западного Квинсленда.²⁶

Очень редкий тип микролитических резцов на рукоятки был обнаружен в юго-восточном Квинсленде. Известно два одинаковых орудия этого типа. Каждый имеет тонкое прямое древко длиной 68 мм, с очень маленьким кварцитовым отщепом длиной 5 мм, вставленным в тростиновую обмотку, покрытую смолой. Эти орудия применялись для орнаментальной резьбы на бумерагах и других деревянных изделиях.²⁷

До недавнего времени сохранялись орудия двух типов, нож-пыла *дабба* (пыла *таан*) и «копье смерти». Оба они состояли из тонких необработанных, неправильных форм острых осколков камня (позднее — стекла), прикрепленных посредством смолы к древку подобно зубьям пилы. Нож-пыла *дабба* отмечен только в юго-западной Австралии.

²² R. B r e t o n, ук. соч., стр. 239—240.

²³ F. P. K i n g, ук. соч., т. 2, стр. 67—68.

²⁴ F. D. M e c C a r t h y, E. B r a m e l l and H. V. V. N o o p e, ук. соч., стр. 39.

²⁵ D. S. D a v i d s o n. Australian spear-traits and their derivations. The Journ. of the Polynesian Society, v. 43, № 171, 1934, pp. 151—153, fig. 29, 30.

²⁶ N. B. T i n d a l e. A microlithic mounted stone engraver from Western Queensland. Queensland Naturalist, № 12, 1945, pp. 83—84.

²⁷ R. H a m l y n-H a r r i s. Queensland stone implements. Man, v. 15, № 11, 1915, p. 168.

Им «австралиец снимал шкуру с животного, резал мясо и делал тысячу других вещей».²⁸ Подобное орудие с зубами акулы вместо осколков камня известно также в Квинсленде. «Копье смерти» было широко распространено в Австралии, главным образом в ее периферийных областях. В один или два продольных паза на древке «копья смерти» (на протяжении от 8 до 36 см от острия) вставлялись острые, но не ретуши-

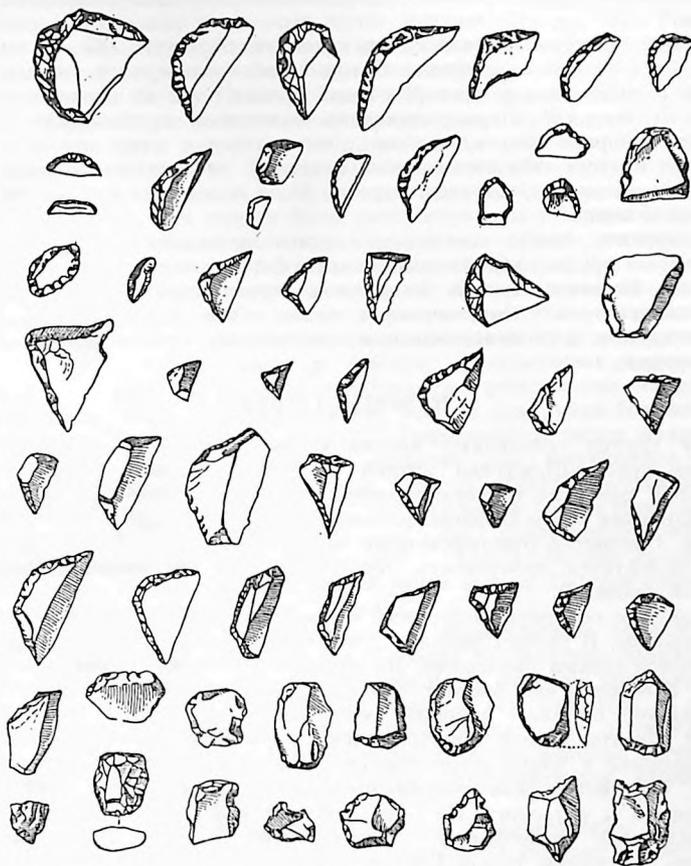

Рис. 7. Микролиты из Нового Южного Уэльса и Виктории.

рованные осколки камня (кварца, кремня, а на западе Виктории — вулканического стекла)²⁹ около 1 см длиной, которые затем укреплялись посредством смолы. Нередко камни вставлялись непосредственно в слой смолы. Осп осколков располагались не под прямым углом к древку, но были направлены вперед. Древки «копий смерти» состояли обычно из двух частей, а деревянные острия закалывались на огне. Это были боевые копья (отсюда их название, данное им за те смертоносные раны, которые они наносили). Но Эйльмани сообщает, что племя париньерн пользова-

²⁸ R. S a l v a d o. Mémoires historiques sur l'Australie. Paris, 1854, p. 293.

²⁹ J. D a w s o n. Australian aborigines. Melbourne, 1881, p. 87.

лось или преимущественно для охоты на крупную дичь.³⁰ Они металась с помощью копьеметалок. В Западной Австралии копыя этого типа назывались *гиджи*, у нариньеры (Южная Австралия) — *яриде*.³¹ В Квинсленде³² и других местах австралийцы иногда заменяли камень осколками стекла, а в прибрежных районах восточной Австралии Д. Кук еще в 1770 г. видел такие же копыя, у которых, однако, в смолу были вставлены острые обломки раковин; он называет эти копыя «страшным оружием».³³

Нож *дабба* (*таап*) почти ничем, кроме своей длины (25—30 см), не отличается от «копыя смерти». Острые осколки кварцита, кремния или стекла расположены в один ряд вдоль древка ножа на протяжении 8—10 см от острия.³⁴ Первое описание ножа *таап* принадлежит Кингу. В заливе Короля Георга, где он познакомился с этим орудием, оно состояло из трех-четырёх осколков кварцита, вставленных в смолу на одном конце древка, имеющего длину 30 см и заостренного на противоположном конце.³⁵

Микролиты, так же как *пирри* и каменные наконечники — специализированные орудия, идентичные многим формам верхнего палеолита и мезолита Евразии. Правда, микролиты Евразии редко бывали длиннее двух сантиметров.³⁶ Они, вероятно, имели такое же назначение, что и австралийские, и монтировались в аналогичных австралийским составных орудиях.

ЧЕТВЕРТАЯ ГРУППА

Эту группу составляют орудия с заточенным (отшлифованным) рабочим краем. Шлифовка орудий по рабочему краю, изредка и по остальной поверхности характеризовала ранний неолит. На некоторых австралийских орудиях зашлифованная поверхность достигает середины орудия. Полностью отшлифованные орудия встречаются редко. Довольно часто шлифуется поверхность, предварительно обработанная точечно-ударной техникой.

Первую и основную подгруппу в пределах четвертой группы составляют топоры. В разных районах Австралии они называются различно и отличаются своими размерами. Их длина колеблется в пределах от 5 до 30 см. В сечении они бывают овальные, круглые и чевицеобразные. Укрепляются обычно с помощью смолы в перегнутой идвое тонкой деревянной рукоятки, петлей охватывающей топор (часто рукоять делается из расщепленной в длину ветви акации), два конца рукоятки связываются вместе. Зарегистрирован своеобразный способ прикрепления шлифованного топора к топорнику. На о-ве Гроуте Эйзландт (залив Карпентария), где некоторое своеобразие материальной культуры объясняется, вероятно, близостью Новой Гвинеи, обычный австралийский овальный топор был вставлен в массивное цилиндрическое топорнице (более 30 см длины), а место соединения топора с топорником обмазано затвердевшим

³⁰ E. E y l m a n n. Die Eingeborenen der Kolonie Südaustralien. Berlin, 1908, S. 327.

³¹ R. S a l v a d o, ук. соч., стр. 289—290; G. T a p l i n, ук. соч., стр. 40.

³² W. E. R o t h. North Queensland Ethnography. Bulletin № 13. Records of the Australian Museum, v. 7, № 4, Sydney, 1909, p. 193, table 58, fig. 9.

³³ J. H a w k e s w o r t h. An account of the voyages, v. 3. London, 1773, стр. 641—642. См. также: J. H e n d e r s o n. Excursions and adventures in New South Wales, v. 2. London, 1851, p. 144; Catalogue of the objects of ethnotypical art in the National Gallery of Victoria, p. 46; R. B. S m y t h, ук. соч., т. 1, стр. 336; D. S. D a v i d s o n, Australian spear-traits and their derivations, p. 147—151, fig. 27, 28.

³⁴ E. M. C u r r, ук. соч., т. 1, стр. 147.

³⁵ P. P. K i n g, ук. соч., т. 2, стр. 139—140; R. B. S m y t h, ук. соч., т. 1, стр. 341, рис 151.

³⁶ А. В. А р ц и х о в с к и й. Основы археологии. М., 1955, стр. 43.

воском. Топор скрашен охрой и украшен.³⁷ Второй случай своеобразного соединения массивного шлифованного топора с цилиндрическим топорником посредством смолы (но без вставления в топорнице) можно видеть на фотографии в работе Портьеса, к сожалению, без указания местности.³⁸ В последнем случае способ соединения с топорником — тот же, что и в топорах *нодья* из юго-западной Австралии. В некоторых местах топоры вообще не имели топорниц.

Имеется несколько локальных типов топоров. Топоры типа *виданг* сделаны из целых или расколотых галек, оббитых частично или полностью с одной стороны; рабочий край зашлифован. Названы по местности на южном берегу Нового Южного Уэльса, где они были найдены в сравнительно большом количестве в раковинных кучах у оз. Илавара. Все остальные типы топоров — это двусторонне обработанные гальки или куски камня, но в их формах имеется много областных вариантов. Интересен тип с плечиками с двух сторон для более прочного прикрепления к топорнику. Эти топоры были распространены в северной Австралии и западном Квинсленде, откуда посредством обмена распространились на юг, в центральную Австралию и Новый Южный Уэльс. Широко распространены топоры, предварительно обработанные точечно-ударной техникой.³⁹ Среди них особое место занимают восточно-австралийские топоры с поперечными желобками, опоясывающими орудие и способствующими прочному креплению в рукояти; у некоторых топоров от желобка до лезвия простирается шлифованная поверхность. Аборигены Муррея, по их словам, употребляли эти топоры для рубки больших деревьев (местное название — *пурутри*).⁴⁰ Сравнительно редки полностью отшлифованные топоры. В северных областях они встречаются чаще, чем на юге континента. Редким типом топоров являются двулезвийные топоры. Еще в 1878 г. Б. Смит писал, что ему неизвестно в Виктории ни одного двулезвийного топора.⁴¹ Сообщение о двух таких орудиях из Виктории было впервые опубликовано в 1959 г. Одно из орудий сделано из куса базальта, другое — из обточенной водой гальки. Каждое имеет два противоположных зашлифованных лезвия.⁴²

Вторую подгруппу составляют тесла и теслообразные орудия, найденные в разных местах Австралии. Главная особенность отличающая тесла от топоров — асимметричный профиль; у топоров профиль симметричный. Лезвие тесла перпендикулярно к оси рукояти, а лезвие топора параллельно ее оси; ось тесла располагается под острым углом к рукояти, а не под прямым, как у топора. Подобно топорам, австралийские тесла делятся на несколько типов, различающихся характером обработки поверхности и профилем.

Из анализа археологического материала и размещения основных типов топоров и тесел установлено, что точечная оббивка и частичная шлифовка топоров и тесел появились в Австралии задолго до прихода европейцев, распространяясь с севера и северо-востока. Но на протяжении XIX в. распространение топоров по континенту, по-видимому, еще продолжалось. В 1845 г. Э. Эйр, не называя племен, сообщает, что в Южной Австралии топоры шлифуются по рабочему краю с обеих

³⁷ A. P. Elkin and C. and R. Berndt. Art in Arnhem Land. Melbourne, 1950, p. 102, table 20 A(σ).

³⁸ S. D. Porteus. The psychology of a primitive people. New York, 1931, table 16.

³⁹ В. П. Кабо, ук. соч., стр. 112 (№ 921—37).

⁴⁰ Catalogue of the objects of ethnotypical art in the National Gallery of Victoria, p. 27; R. B. Smyth, ук. соч., т. 1, стр. 369.

⁴¹ R. B. Smyth, ук. соч., т. 1, стр. 360.

⁴² A. Massola. Some unusual stone artefacts. The Victorian Naturalist, v. 76, № 1, 1959, p. 8, fig. 1, 2.

сторон.⁴³ Однако у многих южноавстралийских племен, включая и дieri, топоров, вероятно, не было. Корреспонденты Тэплина, перечисляя орудия труда ряда племен Южной Австралии, не упоминают о существовании у них топоров.⁴⁴ Позднее Стирлинг отметил, что во время его экспедиции по Южной и центральной Австралии он не видел топоров у многих племен.⁴⁵ Наконец, Кёрр пишет, что все западноавстралийские племена, от устья р. Де Грей до Олбани, вместо отсутствующих у них обычных топоров на рукоятки, употребляли долота, укрепленные посредством смолы на конце копьеметалки или вставленные в расщеп на конце паллицы.⁴⁶ Позднее у некоторых из названных племен появились топоры. И только в юго-западной Австралии, в районе Перта, главным орудием австралийцев оставался топор *кодья*.⁴⁷ На западе и юго-западе, где рабочий край топоров просто оббивался, да и то не всегда, продолжительное время сохранились наиболее древние приемы обработки камня. А на северо-западе, в Кимберли, типичный австралийский овальный топор с отшлифованным лезвием и обычной рукоятью капитан Кинг видел еще в 1821 г.⁴⁸

Обычно топоры снабжались деревянными топорщамми, но многие племена центральной, Южной и Западной Австралии в XIX в. все еще пользовались ими без топорниц (так же, как это делали тасманийцы, у которых впрочем за очень редкими исключениями вообще отсутствовали напеченные орудия).

Ножи-скобелы и долота с отточенным лезвием составляют третью подгруппу. Первые имеют широкое лезвие от 2,5 до 7 см, вторые — узкое, но достигают иногда длины 20 см. Прикрепляются в ряде случаев к деревянным рукояткам при помощи смолы; некоторые ножи имеют рукоять из комка смолы. Применяются для разнообразных целей и широко распространены. Однако некоторые типы ножей и долот имеют ограниченное распространение. Редкий образец отшлифованного долота из Нового Южного Уэльса находится в Берлинском музее народоведения. Долото прикреплено смолой к прямой палцеобразной рукоятки; к противоположному концу прикреплен тем же способом резец — кристалл кварца. Орудие, как полагают, около 150 лет.⁴⁹

У ряда орудий, обнаруженных в Австралии (как на поверхности, так и в земле), мало общего с современными австралийскими типами орудий. О происхождении их можно только строить предположения. Такова уникальная находка трех прекрасно отшлифованных тесел в Западной Австралии⁵⁰ и некоторые находки вдоль восточного побережья материка. Упомянутые тесла из Западной Австралии напоминают восточноиндонезийские или новогвинейские.⁵¹

ПЯТАЯ ГРУППА

Ее составляют орудия для дробления и абразивы (percussion and abrading implements). В нее входят многочисленные типы орудий, предназначенных для оббивания и затачивания других каменных орудий,

⁴³ E. J. Eyre. Journals of expedition of discovery into Central Australia, v. 2. London, 1845, pp. 309—310.

⁴⁴ G. Taplin, ук. соч., повсюду.

⁴⁵ E. C. Stirling. Report on the work of the Horn scientific expedition to Central Australia, part 4. London—Melbourne, 1896, p. 90.

⁴⁶ E. M. Curr, ук. соч., т. 1, стр. 287.

⁴⁷ Там же, стр. 329, 337.

⁴⁸ P. P. King, ук. соч., т. 2, стр. 67—68, рисунок.

⁴⁹ N. B. Tindale. The peopling of South-Eastern Australia. The Australian Museum Magazine, v. 12, № 4, 1956, p. 120, fig. 8.

⁵⁰ D. S. Davidson. Archaeological problems of Northern Australia. The Journal of the Royal Anthropol. Inst., v. 65, 1935, pp. 145—183, table 9, fig. 1—3.

⁵¹ F. D. Mc Carthy, E. Bramell and H. V. V. Noone, ук. соч., стр. 57.

шлифованная деревянных орудий, приготовления пицци (жернова, или зернотерки, и молотильные камни) и т. д. Одно и то же орудие, принадлежащее к этой группе, применялось для самых разнообразных целей, например, для обработки других каменных орудий (включая оббивку, скальвание и точечно-ударную технику), для растирания охры, размалывания семян и зерен, разбивания орехов, костей и раковин, разрезания древесной коры и т. д. Размеры орудий колеблются от 3 до 15 см в длину, но так называемые наковальни и жернова бывают значительно крупнее. Тяжелые и псевдобные для переноски, они обычно оставляются австралийцами на стоянках. Иногда, когда это необходимо, женщины переносят их с одной стоянки на другую.

Среди орудий этой группы есть некоторые специализированные типы. Таково, например, орудие типа *кульки* — цилиндрический камень с округленными краями. В середине его иногда имеется углубление, характерное для наковальни. Орудие это применялось как жернов. Распространено во внутренних областях Австралии. Название взято Горном и Эстоном из языка племени вошкангуру. Диаметр — от 5 до 15 см. Камни-наковальни имеют на поверхности круглые углубления, в которые помещается, как в твердое основание, конический копец нуклеуса, когда производится скальвание отщепов. Каменные орудия применялись для отбивания устриц и других моллюсков от скал и для раскрытия раковин. Точильные камни и жернова обычно имеют на поверхности углубления и впадины разных форм, широкие и узкие. Один и тот же камень может служить и для размалывания зерен, и для затачивания топоров, причем в некоторых случаях для первой цели служат одна поверхность камня, а для другой — противоположная. Длина точильных камней-жерновов — от 20 до 90 см. Есть точильные камни, специально предназначенные для шлифованья и затачивания топоров, тесел, ножей и других орудий четвертой группы классификации. В длину имеют от 7 до 30 см. Есть специальные камни-абразивы для затачивания и шлифованья орудий из кости и дерева. На восточном побережье Австралии были специальные напильники для изготовления рыболовных крючков из раковин. Имеются круглые или овальные ступки с углублениями. Даусон описывает два случайно найденных им камня. Один из них овальный и плоский, около 15 см длины, на одной стороне с воронкообразным углублением около 5 см в диаметре и двумя такими же углублениями рядом. Другой камень, найденный вместе с первым — цилиндрической формы, около 15 см длины и 7.5 см в диаметре. Один копец его был заострен так, что он как раз подходил для центрального углубления плоского камня. Абориген, которому были показаны эти камни, никогда не видел таких и не знал их назначения. Даусон полагает, что это ступка и пест для размол раковин, добавляемых в смолу, скрепляющую части составных орудий. Предположение Даусона вызывает недоумение, потому что размол раковин производился современными австралийцами, а они, по его словам, никогда не видели таких орудий.⁵² Воронкообразные углубления в камне производились, по-видимому, выдалбливанием с помощью другого камня с острым концом. Архаичный способ долбления камня камнем для проделывания отверстий или углублений в эпоху мезолита и раннего неолита предшествовал более совершенному способу высверливания. Австралийцам знакома была и эта техника.

Следует упомянуть также об орудиях, предназначенных для вырезания и выбивания изображений (петроглифов) на поверхности скал. Австралийцы, живущие по Муррею, пользовались особыми камнями во время ловли рыбы сетями. Рыболов нырял в воду, держа в каждой руке

⁵² J. Dawson, ук. соч., стр. 24—25.

по камню, которыми он стучал один о другой. Производимый камнями шум пугал рыбу, она бросалась по течению и попадала в расставленные сети. Эти камни с одной стороны имели углубления, а с другой были отшлифованы и употреблялись прежде всего для растирания растительной пищи и т. п. Местное название — *лах*.⁵³ Слово *лах* означает просто «камень» и применялось для наименования также и других орудий.

Интересно отметить, что употребляемые для растирания зерен и других видов растительной пищи камни, — из которых один держится в руке, а на другой, большой и плоский, насыпаются зерна и т. д. — имеют различные названия (например, на Дарлингге: верхний — *найка*, нижний — *сита*; у вошкангуру: верхний — *муддатири*, нижний — *мудда* и т. д.). Это объясняется, очевидно, тем, что каждый камень имел свое специальное назначение. Так, на поверхности *мудда* имеется узкое углубление, идущее вдоль всего камня. В него насыпались зерна и там растирались с помощью *муддатири*, имеющего треугольную форму. *Мудда* использовался также для затачивания каменных топоров, и, по мнению Горна, углубление получилось именно вследствие этого, а *муддатири* употреблялся для шлифования деревянного оружия.⁵⁴

В центральном Квинсленде, близ Морелла, обнаружены шлифовальные орудия, сделанные из плоских кусков окаменевшего дерева (в этом районе его довольно много). На них имеются желобки, иногда несколько па одном, шириной в 2—3 см. Эти уникальные орудия использовались, вероятно, для отделки круглых поверхностей деревянного оружия, например, палиц или копий.⁵⁵

В классификации Маккарти следующую группу составляют так называемые ритуальные орудия. К ним относятся разнообразные каменные изделия ритуально-магического назначения: чуринги, цилиндрико-конические камни, или циликопы,⁵⁶ фаллические изображения (очень редкий экземпляр такого изображения из северо-западной Австралии хранится в МАЭ, колл. № 2159—206), каменные магические острия для «порчи» и т. д., а также необработанные камни, которые применялись знахарями для исцеления больных, магического вызывания дождя и во всякого рода обрядах, например, яйцеобразная галька для выбивания передних зубов, употреблявшаяся во время церемонии «бора».⁵⁷ Некоторые из ритуальных орудий очень интересны с технической точки зрения как прекрасные образцы обработки камня, превосходящие в этом отношении даже орудия труда, например, полностью отшлифованные каменные овальные пластины-чуринги с вырезанными на них геометрическими изображениями, иногда с высверленным отверстием на одном конце, или фаллические камни — своеобразные каменные скульптуры. В Новом Южном Уэльсе было найдено уникальное каменное изображение ищерицы. Впрочем, это произведение искусства, может быть, и не было ритуальным.

Изделия с просверленными сквозными отверстиями в Австралии считаются единицами. Массола пишет, что, помимо чуринг, ему известно только четыре просверленных каменных предмета, все — неизвест-

⁵³ Catalogue of the objects of ethnotypical art in the National Gallery of Victoria, pp. 28—29; R. B. Smyth, ук. соч., т. 1, стр. 385, рис. 222.

⁵⁴ G. Horne and G. Aston, ук. соч., стр. 55—56.

⁵⁵ F. D. McCarthy. Some new and unusual stone implements from Australia and New Guinea. Records of the Australian Museum, v. 22, № 4, 1951, pp. 344—346.

⁵⁶ L. Black. Cylcons. The mystery stones of the Darling River Valley. Melbourne, 1942.

⁵⁷ A. Liversidge. Australasian and other stone implements. Journ. of the Royal Society of New South Wales, v. 23, 1894, p. 9 (№ 29).

ного назначения. Они имеют искусно сделанные отверстия в форме «песочных часов», свойственной всем отверстиям в камне, сделанным австралийцами.⁵⁸

ШЕСТАЯ ГРУППА

В эту группу входят орудия различного, в большинстве случаев невыясненного назначения (которые по тем или иным причинам не могут быть включены ни в одну из предыдущих групп).

Это прежде всего камни для добывания огня.⁵⁹

К этой же группе относятся молоты, тяжелые каменные орудия, распространение которых ограничено юго-восточной Австралией. Они правильной конической формы, заострены книзу. Некоторые из них, помимо точечно-ударной обработки, отшлифованы и имеют опоясывающие желобки, которые делались, как и на топорах, для укрепления в рукояти (рис. 8). Длина орудий — от 20 до 31 см. Функции их, по словам Маккарти, неизвестны.⁶⁰ Скорее всего это было боевое оружие, но они могли служить и для других целей, например, для разрыхления почвы, выкапывания корней, разбивания породы в каменоломнях, раскалывания дерева и т. п. Однако все эти производственно-хозяйственные функции возможны были лишь в том случае, если материна орудия был достаточно прочен, что имело место далеко не всегда.

В эту же группу должны быть включены два типа орудий неизвестного назначения своеобразной формы, с черешками, при

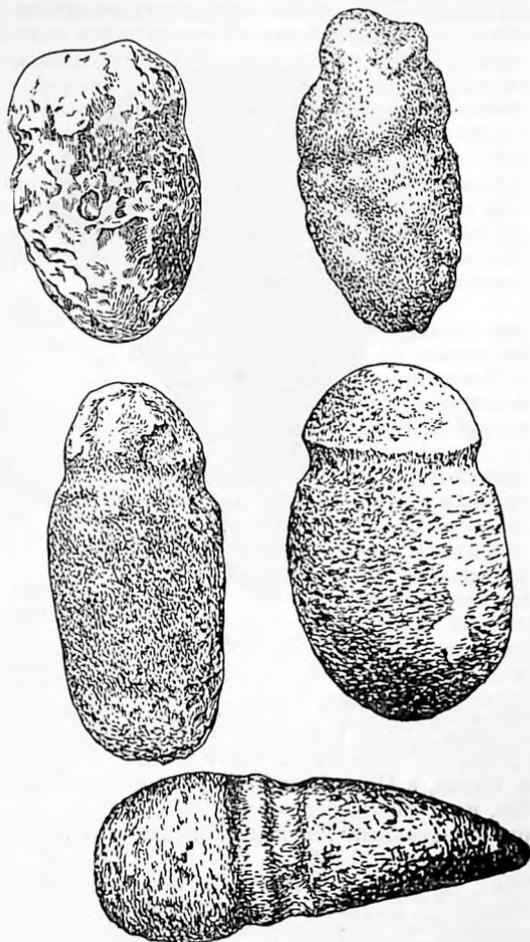

Рис. 8. Молоты из Виктории.

⁵⁸ A. Massola, ук. соч., стр. 9—10, рис. 3—6.

⁵⁹ W. E. Roth. Domestic implements, arts and manufactures. North Queensland ethnography. Bulletin № 7, part 35, fig. 144—149; C. P. Mountford and R. M. Berndt. Making fire by percussion in Australia. Oceania, v. 11, 1941, pp. 342—344; M. J. Callery. Firemaking by percussion on the East coast of Australia. Mankind, v. 5, № 4, 1957, pp. 168—171.

⁶⁰ F. D. McCarthy, E. Bramell and H. V. V. Noone, ук. соч., стр. 76.

помощи которых они, вероятно, прилаживались к рукояти (tanged imple-
ments). Они представлены в очень небольшом количестве экземпляров.
Первый тип носит название *йодда* (yodda). Это — мотыгообразные орудия
правильной формы (напоминающей раскрытый веер), плоские, чечевице-
образные в сечении. Обработаны точечно-ударной техникой, некоторые
отшлифованы. Изогнутый рабочий край ретуширован или заточен. Длина
орудий — от 20 до 36 см (рис. 9, слева). Название йодда было предло-
жено Маккарти по названию одной из долин в Папуа (Новая Гвинея),
где было найдено, по его словам, первое орудие этого типа. В действитель-
ности, первое сообщение об аналогичном орудии из долины Йодда появи-

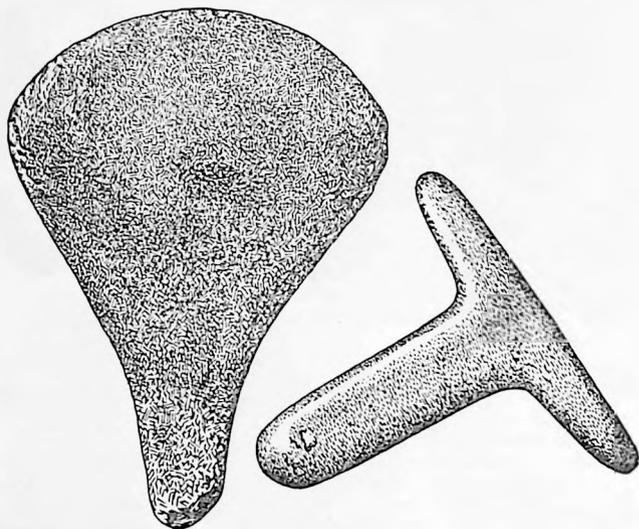

Рис. 9. Орудия типа йодда из Нового Южного Уэльса и мена
из Квипсленда.

лось лишь в 1907 г.,⁶¹ а публикация австралийских орудий относится еще
к концу XIX в. Новогвинейский экземпляр, в отличие от австралийских,
сделан из обсидиана. Аналогичные обсидиановые орудия найдены на
о. Пасхи, в Полинезии.⁶² Правда, последние оформлены значительно гру-
бее, и их форма несколько отличается от орудий типа *йодда*. Экземпляр,
опубликованный Маккарти, происходит из Нового Южного Уэльса, два
экземпляра в альбоме Эдж-Партиingtonа (первая публикация орудий
этого типа) — из Южной Австралии (Майпонга) и из Нового Южного
Уэльса (р. Дарлинг),⁶³ причем первый из них, найденный в земле и хра-
нящийся в Естественно-историческом музее в Аделаиде, был описан
Эйльманном. Это — хорошо отшлифованное орудие длиной 30 см, с кли-

⁶¹ C. G. Seligman. Note on an obsidian axe or adze blade from Papua. Man, v. 15, № 11, 1915, pp. 161—162.

⁶² Н. А. Бутылов и Л. Г. Розина. Коллекция с о. Пасхи в собраниях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР. Сб. МАЭ, т. 18, 1958, стр. 316, 322, рис. 8.

⁶³ J. Edge-Partington and C. Heape. Album of the weapons, tools, ornaments, articles of dress etc., of the natives of the Pacific Islands, ser. 3, 1898, table 142, fig. 8—9.

новидным в сечении рабочим краем.⁶⁴ О назначении этих орудий, о способе их прикрепления к древку, о том, были это топоры-секиры или что-либо иное — можно только предполагать. По моему мнению, каменные орудия типа *йодда* могли быть имитациями бронзовых кельтов Нидерландии (эпоха бронзы здесь, по Р. Гейне-Гельдерну, начинается приблизительно в VII в. до н. э.).⁶⁵

Недавно появилось сообщение о находке незаконченного орудия типа *йодда* в Арихемленде (о-в Миллишгимби), аналогичного предметам, найденным ранее в восточной Австралии.⁶⁶ Местное население не знает его назначения.⁶⁷

Другой тип орудий называется *мена*. Это — плоские, овальные в сечении орудия, напоминающие формой букву «Т». Поверхность их бывает отесанной, обработанной точечно-ударной техникой или отшлифованной. Длина и ширина — около 15 см (рис. 9, справа). Название происходит от реки Мена в районе Кериса (северо-восточный Квинсленд), где было обнаружено большинство орудий этого типа. Если их распространение (или изготовление) ограничено районом Кериса, то этот факт можно рассматривать как один из многочисленных примеров своеобразия материальной культуры этого района. Назначение орудий типа *мена* также неизвестно, и они остаются пока одним из многих загадочных явлений австралийской культуры.

В эту же шестую группу входит также редкий, своеобразный тип каменного оружия-палицы (*club*). Маккарти сообщает⁶⁸ об одном из нескольких известных экземпляров, имитирующем форму деревянных боевых палиц *милль милль*, распространенных в прошлом в юго-восточной Австралии. Эта каменная палица была найдена на р. Хантер в Новом Южном Уэльсе. Ее длина — 56 см.

Всего у австралийцев было свыше пятидесяти основных типов каменных орудий и более двухсот разновидностей их, среди которых имелось большое количество специализированных форм. Часть из них была распространена только в некоторых районах или даже находилась в распоряжении отдельных локальных групп. Однако каждая локальная группа имела несколько различных видов каменных орудий, необходимых для повседневного труда. Орудия из окатанных галек или из камней, оформленных грубыми сколами, были распространены по всей материке, но более совершенная неолитическая техника точечно-ударной оббивки и частичной шлифовки свойственна преимущественно северным, восточным и центральным областям. И лишь в некоторых местах топоры и другие каменные орудия, в том числе ритуально-магические, шлифовались полностью.

II. ИЗГОТОВЛЕНИЕ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ

Классификация каменных орудий австралийцев, принятая в настоящей работе, построена по ступеням восходящей лестницы развития каменной техники, как бы отражая историю овладения камнем и превращения его в орудие труда. В материальной культуре австралийцев вплоть

⁶⁴ E. Eulmann, ук. соч., стр. 367, табл. 22, рис. 10.

⁶⁵ R. Heine-Geldern. Prehistoric research in the Netherlands Indies. Science and scientists in the Netherlands Indies. New York, 1945, fig. 43.

⁶⁶ D. A. Casey. An uncommon type of stone implement from Australia and New Guinea. Memoirs Nat. Mus. Victoria, v. 8, 1934, pp. 94—99.

⁶⁷ F. D. McCarthy and F. M. Setzler. The archaeology of Arnhem Land. Records of the American-Australian Scientific Expedition to Arnhem Land, v. 2, Melbourne, 1960, p. 238, table 5B.

⁶⁸ F. D. McCarthy, E. Bramell and H. V. V. Noon, ук. соч., стр. 78.

до конца XIX в. были представлены все основные этапы развития каменной техники. Изучая приемы превращения камня в орудие труда у австралийцев, мы наглядно видим, как совершался этот процесс от зарождения обработки камня, когда от него просто отбивались лишние куски, до изготовления законченных, как бы изваянных рукой скульптора форм.

Рассмотрим приемы изготовления австралийских орудий двух основных, важнейших групп — третьей и четвертой. Напомним, что орудия первой группы совсем не обрабатывались, орудия второй группы обрабатывались простой оббивкой, орудия же пятой и шестой групп — всеми известными австралийцам приемами, т. е. приемами изготовления орудий второй, третьей и четвертой групп.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ОРУДИЙ ТРЕТЬЕЙ ГРУППЫ

Самая многочисленная группа австралийских орудий произведена техникой скальвания, наиболее распространенной в Австралии. Образцом такой техники является изготовление ножа *леиллира*. К этому типу относятся ножи, сделанные из длинных и узких призматических пластин, с большим искусством отщепленных от нуклеуса. Спинки этих пластин несут следы предыдущих сколов, образующих две или три широких продольных грани; у мужских ножей клинок имеет узкий и острый колочий конец, у женских — широкий, как у скребла или резца. Лучшие ножи делались племенем вараманга и другими племенами Северной Территории. Ими владели и пользовались только мужчины. Приступая к изготовлению ножа, австралиец выбирал кварцитовый желвак, имеющий с одной стороны почти ровную естественную горизонтальную поверхность или, чаще, искусственно подготовленную ударную площадку; противоположный конец оп упирал в землю или в каменную наковальню и, сидя на земле, крепко удерживая камень прямо перед собой левой рукой, зажатой в правой руке каменным отбойником (для этой цели нередко служила галька) наносил по поверхности площадки сверху вниз несколько сильных ударов. Первые сколы оформляли спинку будущего клинка (причем между двумя почти параллельными гранями иногда могла образоваться третья, промежуточная грань), а затем откалывался от нуклеуса и сам клинок. Если форма клинка не удовлетворяла мастера, он обрабатывал ее вторичными сколами и, наконец, серией мелких ударов иногда ретушировал края, сходящиеся к острию ножа. Если клинок должен был стать наконечником копья, а основание его имело большую толщину, чем это удобно для прилаживания к древку, то основание тоже оббивалось. Даже человеку опытному удавалось сделать хороший клинок только после нескольких неудачных попыток, так как сколы могли получить неправильное направление, что зависело отчасти от структуры камня. Желваки ножи изготовлены той же техникой, но более грубыми и как бы «беспорядочными» сколами.¹

Итак, при изготовлении клинка *леиллира* применялись два приема обработки каменных орудий — скальвание и ретушь. Предварительно отбивалась верхушка ядрища для того, чтобы получилась более или менее горизонтальная поверхность — ударная площадка, после чего ядрищу придавалась призматическая форма путем скальвания с него тонких и узких пластин. Австралийские клинки *леиллира* напоминают удлиненные, правильные и пожевдные пластины европейского верхнего палеолита.²

¹ B. Spencer and F. J. Gillen. The Northern tribes of Central Australia. London, 1904, pp. 640—651.

² П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1954, стр. 289—290.

Но и среди последних они занимают высокое место, достигнув такого совершенства, какое редко достигалось в верхнем палеолите. Австралийские клинки часто применялись без всякой вторичной подправки, что можно наблюдать, например, почти на всех экземплярах, хранящихся в МАЭ (колл. № 1336—48, 49, 50, 51; № 921—21).

Верхнепалеолитические и неолитические пойки были довольно эффективны. Эксперименты показали, что ими можно, например, освежать животное так же быстро, как и стальным ножом.³ Можно предполагать, что способы монтирования этих орудий на древках или в рукоятях из смолы были такими же, как у австралийцев, и что их употребление было аналогичным.

Изготовление клинков *леилира* описывалось Б. Спенсером и Ф. Гиллемом,⁴ позднее Д. Томсоном⁵ и другими авторами.⁶ В основных чертах оно одинаково везде — от центральной Австралии до Арихемленда⁷ — и сводится к тем приемам, которые были описаны выше.

Очень архаичный способ раскалывания камня наблюдал Эйльманн. Работе предшествовала магическая подготовка. Работник покрывал обнажение горной породы листьями дерева кайапут, а затем обрызгивал их кровью из вены на руке и при этом произносил определенную заговорную формулу. Цель обряда, очевидно, состояла в том, чтобы обеспечить успех работы, в котором человек не был уверен заранее. Затем среди камней зажигался большой костер, в результате нагревания откалывались куски камня, из которых известными нам уже приемами делались клинки *леилира*.⁸ Тем же способом раскалывались обнажения кремня в области р. Виктории на Северной Территории. На камнях зажигался костер, затем на раскаленные камни лилась вода, вследствие чего порода раскалывалась на куски.⁹

Как правило, придание орудию окончательной формы требовало только нескольких минут, но подготовка пластины для производства орудия была длительным, трудным процессом.¹⁰ Много незаконченных, неудачных изделий отбрасывалось в ходе работы. В северном Квинсленде человек, которому нужен был новый нож, приходил в каменоломню и здесь откалывал иногда до 300 отщепов, прежде чем получал удовлетворительную заготовку. Отходы, неудачные отщепы оставались на месте работы, а единственный удачный клинок вдевался в рукоять из смолы. Отесывание и вторичная обработка каменного орудия или подправка затупившегося рабочего края обычно производились с помощью отбойника из гальки или отжимника из кости или дерева и по требовали большого труда. Особенное умение и ловкость нужны лишь для того, чтобы отбить от ядрища пластину желаемой формы. Удар по нуклеусу должен быть нанесен под таким углом, чтобы получилась треугольная в сечении книжаловидная пластина. Все это показывает, что изготовление такого казалось бы простого орудия, как нож, требовало и большого искусства, и не меньшего терпения.

³ J. Bordaz. First tools of mankind. Natural History, v. 68, № 1, 1959, pp. 48—50.

⁴ B. Spencer and F. J. Gillen. The Arunta, a study of a stone age people, v. 2. London, 1927, pp. 540—546.

⁵ D. F. Thomson. Economic structure and the ceremonial exchange cycle in Arnhem Land. Melbourne, 1949, passim.

⁶ W. E. Roth. North Queensland ethnography. Bulletin № 7, Brisbane, 1904, p. 17—18, 22.

⁷ W. L. Warner. A black civilization. New York—London, 1937, p. 153.

⁸ E. Eylmann. Die Eingeborenen der Kolonie Südaustralien. Berlin, 1908, S. 331.

⁹ A. P. Elkin. Pressure flaking in the Northern Kimberley, Australia. Man, v. 48, № 130, 1948, p. 110; W. E. Harnoy. Content to lie in the sun. London, 1959, p. 153.

¹⁰ K. P. Oakley. Man the tool-maker. London, 1949, pp. 28—29, table II(2).

Материалом, которому отдавалось предпочтение при изготовлении клинков *леилура*, был плотнотерпистый белый или розоватый опаловый кварцит. На Северной Территории, как и в остальной Австралии, это — один из наиболее распространенных минералов, но в Арихемленде использовался также кремьень, а в Квинсленде — андезит. Кварцитовые отщепы можно встретить повсюду как подъемный материал. Это объясняется тем, что австралийцы имели обыкновенно носить с собой камни, от которых они отбивали отщепы по мере необходимости. Кремьень (более низкого качества, чем в Европе) употреблялся прибрежными южноавстралийскими племенами, в центральных и северных областях Австралии.¹¹ Наличие подходящего материала бесспорно оказывало влияние на технику производства каменных орудий, как считают Спенсер и Митчелл, но этот фактор не является единственным в распространении определенных форм и приемов.

В выборе материала австралийцы руководствовались знанием его физических свойств, приобретенным на основании многовекового опыта.¹² Они знали и ценили твердость кремня, его способность давать режущие края, его свойство раскалываться на тонкие пластины, но не везде находили кремьень высокого качества, который бы обладал всеми указанными свойствами. Поэтому кремневую технику скола, свойственную европейскому каменному веку, они широко применяли на кварците и других минералах.

В разных местах Австралии находились карьеры, где добывался необходимый для производства каменных орудий материал. Обычно это были места с залежами камня особенно высокого качества. Сырье или готовые изделия, если они здесь же производились, распространялись отсюда посредством межгруппового обмена на десятки и сотни километров. Карьеры, где добывали материал для изготовления клинков *леилура*, были в пределах области вараманга — племени, которое славилось лучшими кварцитовыми пожами.¹³

Наконечники (*ньгамби лирра*) охотничьих и боевых копий, широко распространенные в Арихемленде, производятся в двух каменоломнях. Наиболее известный и наиболее крупный карьер-мастерская находится вблизи р. Уолкер, в восточном Арихемленде. Большая часть наконечников восточного Арихемленда делается здесь, и в их изготовлении специализируются живущие в районе карьера аборигены.¹⁴ Как пишет Д. Томсон, «сотни, может быть, тысячи наконечников расходятся из этого карьера в течение года. Подобно топорам, каменные наконечники не делаются для немедленного употребления. Их уносят отсюда дюжинами, завернутыми в кору, и они становятся предметом взаимных церемониальных даров»,¹⁵ т. е. включаются в сеть обрядового обмена, в котором принимают участие мужья-охотники и мастера.

Второй карьер-мастерская расположен в районе р. Ливерпуль в северном Арихемленде.¹⁶ Дэвидсон указывает также обширную область, включающую юго-западную часть Арихемленда и лежащую к югу часть Северной Территории, откуда распространялись в разных направлениях кварцитовые наконечники того же типа.¹⁷

¹¹ S. R. Mitchell. Stone age craftsmen. Melbourne, 1949, pp. 87—91.

¹² Там же, стр. 18.

¹³ E. Eulmann, ук. соч., стр. 331.

¹⁴ D. F. Thomson, ук. соч., табл. 1 п 4.

¹⁵ Там же, стр. 87.

¹⁶ Там же, стр. 65, 70.

¹⁷ D. S. Davidson. Australian spear-traits and their derivations. The Journ. of the Polynesian Society, v. 43, № 171, 1934, p. 151.

Австралийские пожи снабжались рукоятями двух форм. Первая, простейшая, свойственна племенам Южной и центральной Австралии — простой ком смолы (*Triodia*), которому придава форма, удобная для захвата ладонью. На севере в окрашенную охрой смолу вставлялась плоская дощечка с разноцветным орнаментом. Но такие рукояти были только у мужских пожей. В Квинсленде рукоять обтягивалась мехом кенгуру или опоссума. Узкие кварцитовые клинки мужских пожей довольно хрупки. В целях их сохранения из коры акации или — на севере — «чайного дерева» (*Melaleuca leucodendron*) делались пожны. Тонкие полосы коры плотно обвязывались шнурами из шерсти или растительного волокна, покрывались слоем белой глины, украшались пучками перьев эму или какаду. В таких пожах сохранялись клинки как пожей, так и клевцов на длинных рукоятях.

Таким образом, рассматривая производство мужских и женских пожей (мужские отличаются формами клинков и внешним оформлением, которым подчеркивалось достоинство их обладателей) и распространение сырья и готовых изделий из смолы производства, сопровождаемое ритуальным обменом, мы обнаруживаем отражение межполового и межобщинного разделения труда, отражение общественно-экономического значения орудий. Магическая подготовка к труду, ритуальное сопровождение производства объясняется, в свою очередь, его неразвитостью, примитивностью. Следовательно, искусство изготовления орудий, знание «секретов производства» включает в себя и присуще только опытным работникам знание магических формул и умение совершать магические действия. Техникой скальвания, кроме клинков *леулира*, производятся и долота на древках (или копьёметалках). При изготовлении каменного долота от желвака спачала отбивается желаемой формы и размера отщеп, который затем держат в ладони левой руки, раковистым изломом от себя, и отбойником отесывают его края со стороны спинки. Затем режущий край вторично ретушируется и делается зазубренным и острым.

Отбойником, как и для изготовления клинков *леулира*, обыкновенно служит окатанная галька. Это — широко распространенное орудие для изготовления других орудий техникой скальвания.¹⁸ Когда нужно отбить отщеп от ядрища, узким концом отбойника наносится сильный вертикальный удар в точку, расположенную близко от края предварительно подготовленной ударной площадки ядрища. Отесывание спинки и рабочего края орудия производится ударами отбойника, направленными не сверху вниз, а сбоку.¹⁹

Долота обрабатываются, как правило, с одной стороны — со спинки, но различаются формами, размерами, характером рабочего края. Разные орудия предназначаются для различных рабочих операций. Специализация орудий проявляется, например, в том, что использование двух инструментов на противоположных концах древка позволяет применять орудия с разными режущими краями. В этом случае один из инструментов — острое, другой — орудие с более широким режущим краем (например, долото из колл. МАЭ № 1336—55). Первый предназначен для окончательной отделки деревянных изделий нарезанием на их поверхности узких параллельных борозд, а второй — для более грубой, предварительной обработки тех же изделий, например для вытесывания щита или бумеранга, выдалбливания корытца и т. д. Инструмент с широким вогнутым краем удобен для стесывания неровностей на древке ковыя, клуглой в сечении

¹⁸ Г. Чайлд. Прогресс и археология. М., 1949, стр. 60.

¹⁹ W. Howchin. On the method adopted by the aborigines of Australia in the making of stone implements, based on actual observation. Trans. and Proc. of the Roy. Society of South Australia, v. 45, 1921, pp. 280—281; K. P. Oakley, ук. соч., рис. 11а.

паллицы и т. д. Вогнутость края может образоваться в результате длительного пользования орудием и спланивания его рабочего края; последний подправляется вторичной ретушью. Обычный материал для долот — кремль или кварцит.

Готовый каменный инструмент укрепляется с помощью смолы на конце древка, изогнутого (форма наиболее распространенная) или прямого. Есть долота, имеющие камни на обоих концах древка. Камень может быть прикреплен также к концу копьеметалки, которая используется как рукоять.

Многие типы копьеметалок (особенно листовидные формы из центральной и западной Австралии) снабжены комом смолы (главным образом, *Trigodia*) на одном конце. Копьеметалка берется рукой так, чтобы ребро ладони упиралось в смолу и не соскользнуло во время метания копья. В эту смолу нередко вставляется каменное долото. Край долота всегда параллелен плоскости копьеметалки, а его ретушированная сторона обращена к той же стороне копьеметалки, куда обращен и упор для копья, т. е. в листовидных вогнутых формах центральной Австралии к ее вогнутой стороне, а в плоских формах Западной Австралии — к стороне, украшенной резьбой. Древки долот всегда делаются из очень плотной и твердой древесины, чаще всего из мульги (вид акации). Каменное орудие прикрепляется к древцу посредством смолы или воска. Изготовление долот в центральной Австралии описано Спенсером и Гилленом,²⁰ а в северном Квинсленде — Ротом.²¹

Долота всегда делаются мужчинами, находятся в собственности мужчин и работа ими производится, как правило, только мужчинами (в том числе даже изготовление корытца — орудия исключительно женского труда).²² Таким образом, в изготовлении этих орудий, в собственности на них, в их употреблении отражено межполовое разделение труда. Особенно ярко это проявляется в случае с копьеметалкой — орудием, тесно связанным с многосторонней деятельностью мужчины-охотника. Самое совершенное из орудий, произведенных техникой скальвания — накопечники типа Кимберли 2 — делается из различных кварцитовых пород (окраска которых варьирует от белой до темно-красной), значительно реже — из кремня, а теперь очень часто из стекла. Как пишет Д. Лав, проживший много лет среди ворора (одно из тех племен северного Кимберли, которые славятся накопечниками этого типа), изготовление накопечников — главное занятие взрослых мужчин, поглощающее большую часть дня.²³ О том же пишет и Х. Петри.²⁴ Во время работы, странствий австралиец всегда внимательно осматривает все встреченные на пути камни, выбирая пригодные для дальнейшей обработки. Запас накопечников приходится постоянно пополнять, так как, благодаря своей хрупкости и тонкости жала, они ломаются нередко после первого удара копьем. Д. Лав замечает, что в любое время дня в стоянке австралийцев можно встретить мужчин, занятых изготовлением накопечников. При помощи каменного отбойника от ядрища сначала откалываются пластины требуемого размера и формы. Обычно эта часть работы делается прямо на месте находки камня. Затем, уже в стоянке, подготавливается наковальня, для чего используется большой камень или лежащая на земле плоская плита песчаника, на которую кладется, в целях амортизации, «подушка» из нескольких слоев коры «чайного дерева». Сидя на земле или присев на корточки перед наковаль-

²⁰ B. Spencer and F. J. Gillen. *The Arunta*, v. 2, pp. 538—539.

²¹ W. E. Roth, *ук. соч.*, стр. 16 и сл.

²² B. Spencer and F. J. Gillen. *The Arunta*, v. 2, p. 539.

²³ J. R. B. Love. *Stone-age bushmen of to-day*. London, 1936, pp. 74—76.

²⁴ H. Petri. *Sterbende Welt in Nordwest-Australien*. Braunschweig, 1954, pp. 49—50.

ной, австралиец оббивает края каменной пластины, положенной на подстилку, при помощи отбойника-палки из твердой древесины с тупо заточенным концом. Сильными, но хорошо направленными ударами сверху вниз он откалывает отщепы от заготовки, пока она не примет приблизительные очертания листовидного наконечника. После этого он берет кусок берцовой кости кенгуру, остро заточенной на камне, и сильно, но осторожно отжимает чешуйки от поверхности наконечника с обеих сторон, пока он не приобретет окончательной формы. Заостренный конец отжимника при этом находится близко к запястью и направлен в сторону мастера, который, перенеся тяжесть тела на правую руку, нажимает запястьем вниз и в сторону. Наконец, другой костью, с более толким и острым концом, он зазубривает края наконечника, откалывая от них мелкие кусочки камня. Это очень тонкая, почти ювелирная работа, так как мелкие зубчики должны иметь правильную форму, одинаковые размеры и находиться на одинаковом расстоянии друг от друга. Неосторожный нажим может сломать наконечник, на который было уже затрачено так много труда. Изготовление наконечника требует большого искусства, концентрированного внимания и многих часов работы.²⁵ Законченное изделие замечательно своими пропорциями, симметрией, жалом, иногда тонким, как игла.

Согласно детальному описанию Г. Базедова, для предварительной обработки пластины, пока она не приобретет приблизительные очертания наконечника, ее зажимают пальцами в левой ладони и обрабатывают сильными ударами острокопечного каменного отбойника, который держат правой рукой. Для последующей, более тонкой обработки наконечника костяным ретушером применяется наковальня с подстилкой из коры.²⁶

Аналогичный способ изготовления каменного наконечника подробно описывает А. Элькин.²⁷ Он уточняет Базедова, указывая, что применяется также точильный камень, на котором в ходе предварительной оббивки обтираются края заготовки, чтобы получить отбивную площадку, а затем и правильный контур. На том же камне затачиваются каменный отбойник и костяные отжимники. Впрочем для этой цели может служить и наковальня. Отходы производства — отщепы — используются впоследствии как резцы, скребки и т. д. Изготовление наконечника делится, таким образом, на четыре стадии: предварительная оббивка пластины каменным отбойником, отеска деревянным отбойником до желаемых размера и формы, ретушь сначала менее острым, затем более острым костяным отжимником. Элькин отмечает уверенность и вместе с тем осторожность, с какой совершаются все последовательные стадии работы.

Имеется сообщение о другом, менее распространенном способе изготовления каменных и стеклянных наконечников в Кимберли. Ретушируемый костяным отжимником наконечник держат в ладони левой руки, иногда его край лежит на внутренней стороне большого пальца, мякоть ладони или пальца в обоих случаях служит эластичной амортизационной «подушкой».²⁸

Завершающие операции по обработке наконечников из Кимберли производятся, как правило, с помощью острых костяных орудий, причем в одном источнике указывается, что в некоторых случаях это делается посредством «надавливания кремня или стекла на край сломанной кости

²⁵ D. Mahony. Note on making stone spear-heads in the Kimberley district, Western Australia. Report of the Australasian Association for the Advancement of Science, v. 17, Adelaide, 1924, pp. 474—475; K. P. Oakley, укр. соч., рис. 112.

²⁶ H. Basedow. The Australian aboriginal. Adelaide, 1925, pp. 367—370.

²⁷ A. P. Elkin, укр. соч.

²⁸ Australian aborigines and South Sea islanders implements, weapons and curios at Tyrrell's Museum. Sydney, 1929.

кенгуру, вследствие чего от изделия откалываются осколки и оно постепенно принимает облик наконечника».²⁹

Изумительное мастерство, с каким сделаны наконечники из Климберли, каменные и стеклянные, позволяет относить их не только к орудиям труда, но одновременно и к предметам пластического искусства. Одно переходит в другое, это — тот вид труда, где творец, не считаясь со временем и усилиями, делает больше, чем необходимо для утилитарных целей.

С появлением европейцев в северо-западной Австралии в распоряжение аборигенов начали попадать новые материалы — стекло, фарфор от изоляторов, железо. Австралийцы очень скоро оценили полезные свойства этих материалов и начали использовать их для изготовления своих орудий, причем стеклянные бутылки как сырье сделались предметом межобщинного обмена.³⁰ Австралийские стеклянные наконечники уникальны и не имеют аналогий ни в археологии, ни в этнографии.

Во многих случаях характер орудий и даже сама техника обработки новых материалов оставались в основных чертах традиционными. Из стекла делались также же наконечники, как раньше делались из кварцита и других минералов. Техника обработки стекла оставалась в основном той же прежней техникой, какая применялась при обработке камня — изготовление пластин, отжимная ретушь и т. д. Единственным, может быть, нововведением является использование раскаленной проволоки для откалывания пластины от бутылки или от изолятора.³¹ В результате получались также же по своей форме и характеру обработки наконечники, которые, однако, должны были больше нравиться австралийцам — не только благодаря окраске и прозрачности стекла, но и потому, что стекло легко обрабатывается отжимной ретушью и дает превосходный раковнистый излом — лучший, чем кремнь, и много лучший, чем кварцит. Раньше, до появления стекла, наиболее ценными австралийцами наконечники делались из белоснежного кварца, халцедона, агата и других минералов, кристаллических и полупрозрачных. Таким образом, стекло, а также фарфор от изоляторов, благодаря присущим им свойствам, не заставили австралийцев отказаться от традиционной техники, а, напротив, способствовали ее совершенствованию. Появление этих новых материалов не оказало значительного влияния на производство.

Портес, наблюдавший изготовление наконечников из стекла, описывает, как они делаются. Сначала бутылка раскаляется на куски, пригодные для обработки. Австралийцы стремятся к тому, чтобы из каждого осколка мог получиться наконечник, так как бутылок недостаточно. Прежде всего отбивают дно ударами железного прута, вставленного внутрь бутылки. Затем при помощи небольшого круглого камня мастер наносит по стенкам бутылки серию ударов по прямой линии от горлышка ко дну с обеих сторон бутылки, пока, наконец, она не раскалывается на две половины. Затем от каждой половины откалываются пластины, пригодные для последующей обработки. Каждая пластина должна иметь геометрически правильный контур: сначала удлиненного ромба, а затем

²⁹ E. Clement. Ethnographical notes on the Western-Australian aborigines. Internationales Archiv für Ethnographie, Bd. 16, 1904, S. 4—5; см. также: H. Balfour. On the method employed by the natives of N. W. Australia in the manufacture of glass spear-heads. Man, v. 3, № 35, 1903, p. 65. — На фотографиях, приложенных к статье, изображен способ обработки стеклянного наконечника надавливанием на край сломанной кости, а также употребляемые для изготовления стеклянных наконечников вспомогательные орудия — окатапная ведей галька и кусок трубчатой кости овцы. «Контраст между простотой этих орудий и достигнутым результатом поразителен», — пишет Бальфур.

³⁰ E. Clement, ук. соч., стр. 4.

³¹ A. Lommel. Die Unambal. Ein Stamm in Nordwest-Australien. Hamburg, 1952, S. 2.

треугольника. Горлышко и днище бутылки не используются. После дальнейшего скалывания мелких осколков стекла и придания заготовке формы накопечника (при этом ее держат в ладони левой руки), ее затем помещают на эластичные слои коры, положенные на каменную накопечную ретушируют края накопечника. Делается это так же, как и при работе с камнем: движение правой руки направлено к телу мастера, и пажмы производится всей тяжестью тела. Особенно тщательно отжимается острие. Несколько раз работа приостанавливается и работник оценивает симметрию и пропорции накопечника, внимательно рассматривая его. Успешная работа со стеклом — результат многочисленных экспериментов. Весь процесс, от начала до конца, показывает знание стекла и его особенностей, и это знание не получено аборигенами от белых, а добыто собственным опытом.³² Искусный мастер, как сообщают, может сделать накопечник из бутылочного стекла приблизительно за десять минут.³³ Вероятно, речь идет лишь о заключительной стадии работы. Другой свидетель изготовления стеклянного накопечника для копья пишет, что единственным орудием, которым располагал работник, был стальной отбойник, найденный где-то в железном ломе.³⁴

Люди, искусные в изготовлении накопечников, высоко ценятся австралийцами, пользуются в своей общине почетом. Социальное содержание труда в связи с его половозрастным разделением выступает и в этом случае.

Коллекции МАЭ, наряду с серией каменных и стеклянных накопечников из Кимберли, располагают набором орудий для их изготовления из дерева, костей келгуру и железа. Деревянным отбойником и костяными отжимниками производились последовательные операции, от предварительной обработки пластины до наиболее тонкой работы — вторичной ретуши и изготовления острия и зубчиков. Во время работы костяные отжимники приходилось часто затачивать на камне, так как они быстро затуплялись. Железный прут, заостренный на конце, мог поэтому с большим успехом использоваться для изготовления накопечников из стекла и камня.

Для австралийцев готовые накопечники представляют большую ценность, они бережно хранятся. Лав рассказывает, что каждый австралиец имеет сумку, сделанную из коры, устланную внутри пухом. В этом гнезде из пуха хранятся заготовки для накопечников, инструменты для их изготовления и сами накопечники.³⁵ Этот обычай сохранять накопечники в Кимберли так же стар, как и само изготовление их. Вот что писал капитан Кинг в 1821 г.: «Особенное внимание наше привлек небольшой сверток из коры, тщательно перевязанный; открыв его, мы нашли внутри несколько каменных накопечников, замечательно искусно сделанных». Далее Кинг описывает эти орудия. Это — накопечники типа Кимберли 2. Уже во времена Кинга искусство их изготовления стояло очень высоко. «Накопечники были готовы к употреблению, и та тщательность, с которой они сохранились, ясно указывает на их ценность — каждый накопечник был отделен от другого полосками коры, а их острые концы были обернуты мехом».³⁶

³² S. D. Poreteus. The psychology of a primitive people. New York, 1931, p. 111—113; J. L. Idriess. Over the range. Sydney, 1937, pp. 59—62.

³³ K. P. Oakley, ук. соч., стр. 29.

³⁴ A. Mahuzier. Au pays des kangourous. Paris, 1956, pp. 155—156.

³⁵ J. R. B. Love, ук. соч., стр. 74.

³⁶ P. P. King. Narrative of a survey of the intertropical and Western coasts of Australia, v. 2. London, 1827, pp. 68—69.

Наконечники делают многие племена центрального и северного Кимберли, но с неодинаковым искусством. Наконечники ворора превосходят изделия унгариньши, но лучшие наконечники делаются в племени вунамбаль.

Отжимная ретушь, которой обработаны наконечники Кимберли, является «высшим достижением техники обработки камня».³⁷ Аналогичная техника получила распространение в среде палеолитического населения Европы в солютрейскую эпоху. Обработка австралийцами микролитов и наконечников техникой отжима применяется не только к краям, которые ретушируются и зазубриваются, но и ко всей поверхности, покрывающей при этом тончайшей рябью, как бывало в верхнем палеолите и неолите.³⁸ Наконечники из Кимберли сделаны преимущественно из кварцита, что объясняется недостатком кремня хорошего качества. И все же в кварците, мнверале сравнительно менее пригодном для обработки этой техникой, австралийцам удается получить изделия, значительно превосходящие солютрейские по тонкости и точности работы, — такие как наконечники типа Кимберли с зубчиками.

Законченный наконечник прикрепляется к древку копья посредством воска или горячей пластичной смолы, главным образом из спинифекса, которая, застывая, становится очень твердой. Наконечник вставляется в паз древка и закрепляется этой массой, или вмазывается в ком смолы, не прикасаясь к древку.

Для древка копья применяется хороший и прямой бамбук, часто более 2 м длины. Свежесрезанный бамбук высушивается на солнце. Верхняя часть копья, к которой присоединен наконечник, делается из твердого дерева и вставляется в утолщенный конец бамбука, а место соединения обвязывается шнуром из сухожилий кенгуру. Деревянная часть выпрямляется в горячей золе, так как от прямизны копья зависят меткость и сила удара. Изготовление копья требует около двух дней.³⁹ Длинные наконечники легко ломаются, по отломанные острия опять прикрепляются к древку и снова идут в дело. В конце концов длина наконечника может достигнуть до 2 см, и даже с такими наконечниками, если верить Петри, аборигены охотятся на кенгуру.⁴⁰

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ОРУДИЙ ЧЕТВЕРТОЙ ГРУППЫ

В четвертую группу входят орудия с заточенным рабочим краем. Основным типом орудий этой группы являются топоры. Изготовление топора требовало следующих операций: грубая оббивка до приблизительно желаемого контура; более детальная обработка отбойником до придания орудью окончательной формы; точно-ударная обработка поверхности и заточка рабочего края и, наконец, частичная или полная (очень редко) шлифовка орудия. В качестве отбойника обычно пользовались крупной галькой, иногда старым топором или специальным, предназначенным для этой цели, орудием.⁴¹ Изготовлению топора предшествовали поиски подходящей по размеру и форме гальки или камня в каменоломне. За исключением юго-запада Австралии, где сохранялся «палеолитический» топор типа *кодыя*, основные операции по изготовлению топоров имели довольно широкое распространение.

³⁷ П. П. Ефименко, ук. соч., стр. 218.

³⁸ А. В. Арциховский, Основы археологии. М., 1955, стр. 38.

³⁹ A. Mahuzier, ук. соч., стр. 156.

⁴⁰ H. Petri, ук. соч., стр. 51.

⁴¹ A. S. Kenyon, Manufacture of stone implements. The Jour. of the Polynesian Society, v. 37, 1928, pp. 357—358.

Австралиец искусно владеет каменным материалом, применяя накопленные предшествующими поколениями разнообразные технические приемы обработки камня, от палеолитических до неолитических. Эти приемы можно наблюдать иногда у одного и того же племени. Однако все же лучшие орудия делались на севере и северо-западе (откуда они распространялись на юг), а также в Квинсленде, Новом Южном Уэльсе и Виктории. Технические возможности ограничивались наличием подходящего материала в распоряжении племени. Там, где нет природных запасов камня нужных пород, его старались получить от соседних племен путем обмена. Ведь каждый вид орудий требовал особых пород камня, обладающих специфическими свойствами. Племена, на территории расселения которых имелись такие запасы, регулярно обменивались сырьем, полуфабрикатами или законченными изделиями с соседними племенами. Бывали случаи, что на определенных условиях предоставляли другим свои разработки в пользование.

Шлифованные топоры делались из таких вулканических и метаморфных горных пород, как диорит, гранит, базальт, долерит, диабаз, аргиллит, серпентин; иногда из кварцита, песчаников и сланцев.⁴² По мнению Спенсера, шлифованных орудий в центральной Австралии значительно меньше, чем оббитых, потому что материал, пригодный для первых, сравнительно редок, а кварцит, более пригодный для изготовления оббитых орудий, широко распространен.⁴³

Каменоломни были во многих местах Австралии. В знаменитом карьере у горы Вильям в Виктории имелись обширные обнажения диабазы и других пород; сырье для выделки топоров и готовые изделия распространялись отсюда во всех направлениях на большие расстояния. Другой большой карьер в Виктории был на р. Гопкинс, на западе штата.⁴⁴ В Квинсленде известная каменоломня-мастерская существовала на р. Корпер, а топоры шлифовались на скалах песчаника вблизи устья р. Стар.⁴⁵ Другой большой карьер в Квинсленде находился близ р. Кейп. Он усеян тысячами незаконченных, отброшенных в ходе работы топоров, испорченных неудачным ударом или дефектом в камне.⁴⁶ Так же выглядели первобытные каменоломни в Европе. В центральной Австралии каменоломня, где добывался диорит для изготовления шлифованных топоров, находилась в горах Макдоннелли, но уже к началу XX в. производство топоров в этом районе прекратилось.⁴⁷ Не случайно лучшие ножи делались в племенах варамапа и тьянгили. Это было, по-видимому, их давней традицией. На территории племени варамапа находится каменоломня, вся почва которой, подобно карьере близ р. Кейп, усеяна бесчисленными обломками кварцита и испорченными в ходе работы заготовками.⁴⁸ Помимо обнажений пород, источником сырья для выделки топоров служили также и ложа водных потоков, усеянные окатанными гальками. В каменоломнях большие камни раскалывались. Могло иметь место раскалывание камней или галек на огне, хотя обычно применялся отбойник. От массивных нуклеусов, положенных на землю, большие отщепы откалывались крупным отбойником, который держали двумя руками.⁴⁹

⁴² Подробнее об этом см.: S. R. Mitchell, *ук. соч.*, стр. 94—98.

⁴³ B. Spencer. *Wanderings in wild Australia*, v. 2, London, 1928, p. 496.

⁴⁴ A. C. Breton. *Stone implements, Australia*. Man, v. 15, № 3, 1915, pp. 41—42.

⁴⁵ R. Hamlyn-Harris. *Queensland stone implements*. Man, v. 15, № 11, 1915, p. 168.

⁴⁶ E. M. Curr. *The Australian race*, v. 2, Melbourne, 1886, p. 472.

⁴⁷ B. Spencer and F. J. Gillen. *The Arunta*, v. 2, p. 548.

⁴⁸ B. Spencer and F. J. Gillen. *The Northern tribes of Central Australia*, p. 641.

⁴⁹ F. D. McCarthy. *An analysis of the large stone implements from five workshops on the North coast of New South Wales*. Records of the Australian Mu-

Изготовлением топоров занимались мужчины, на них же лежали все работы, выполняемые при помощи топора. Спенсер и Гиллен наблюдали и описали весь процесс изготовления шлифованного топора человеком из племени варамапта.⁵⁰ Берется большой округлый дноритовый желвак. Посредством небольшого отбойника из твердого кварцита он очень грубо оббивается, пока не примет приблизительно требуемые размеры и форму. После первоначальной оббивки, определяющей форму топора, следует более трудная операция выравнивания поверхности камня. Для этой цели берется небольшая кварцитовая галька и затем, час за часом, на протяжении одного или двух дней австралиец терпеливо работает, нанося легкие удары по неровной поверхности будущего топора, причем каждый удар удаляет осколок камня, до тех пор пока неровности не исчезнут и вся поверхность топора не покроется мелкими выбоинами. Операция делается так тщательно, что все следы первичной грубой оббивки исчезают. Это — характерная для неолита обработка орудий при помощи точно-ударной оббивки. Она хорошо видна на австралийских топорах (например, на экземпляре из колл. МАЭ № 921—37). Точно-ударная обработка делает поверхность орудий более ровной и само орудие более эффективным в работе. Для этой же цели орудия шлифовали. Благодаря точно-ударной обработке орудие прочнее крепилось к рукоятке, и его было удобнее держать в руке: ведь топоры использовались иногда и без топорща — об этом сообщает Рот, исследователь культуры аборигенов Квинсленда.⁵¹ В австралийских топорах точно-ударная обработка сочетается, как правило, с частичной шлифовкой. Обе операции существовали уже в раннем неолите. «Среди неолитических изделий часто встречаются предметы, обработанные особыми приемами, получившими название точечной техники, — пишет С. А. Семенов. — Поверхность этих предметов имеет ямочно-бугорчатый, сильно шероховатый вид и напоминает поверхность губки или пористого туфа... С помощью такой техники можно было достигнуть при обработке определенного материала больших пластических результатов: подготовить болванку топора для шлифования, выдолбить углубление в камне, придать ему вчерле любую форму».⁵² Обе характерные для неолита техники обработки камня, — точно-ударная и шлифованье, — хорошо известны в археологии и подробно описывались исследователями-этнографами.

После точно-ударной оббивки, согласно описанию Спенсера и Гиллена, следует шлифовка. Для этого применяется плоская плита песчаника, употребляемая также для растирания охры или семян растений. Сидя на земле перед плитой, лежащей между его коленями, австралиец покрывает ее поверхность мелким песком и обрызгивает водой, и затем начинает водить лезвием топора вперед и назад, держа топор двумя руками и затачивая две сходящиеся острым углом поверхности режущего края. Время от времени он добавляет на плиту немного мокрого песка, чтобы усилить трение. Форма режущего края во многом зависит от предшествующей обработки. Так же затачиваются лезвия топоров в северо-западной Австралии, где только однажды Петри видел топор, отшлифованный по всей поверхности.⁵³ Весь этот процесс и употребляемые при этом вспомогательные орудия, вероятно, аналогичны тому, что имело место в неолите. Как и в Австралии, шлифовке в неолите подверглись

seum, v. 21, № 8, Sydney, 1947, p. 427. См. также: Б. Л. Богаевский. Техника первобытно-коммунистического общества. История техники, т. 1, ч. 1, М.—Л., 1936, стр. 31—32.

⁵⁰ B. Spencer and F. J. Gillen. 1) The Northern tribes of Central Australia, pp. 656—658; 2) The Arunta, v. 2, pp. 548—550.

⁵¹ W. E. Roth, ук. соч., стр. 19—20.

⁵² С. А. Семенов. Первобытная техника. М.—Л., 1957, стр. 87—88.

⁵³ H. Petri, ук. соч., стр. 66.

преимущественно деревообделочные инструменты, главным образом топоры.⁵⁴ Описанный здесь процесс изготовления австралийского топора имеет много общего с пзготовлением топора папуасами Новой Гвинеи.⁵⁵

Австралийцы-кочевники предпочитали оставлять на стоянке тяжелые шлифовальные камни и использовать обнаженные породы. Многие скалы в Австралии имеют на поверхности продолговатые углубления, подобные тем, какие бывают на шлифовальных камнях — это следы от затачивания топоров. Такие места всегда расположены вблизи воды, так как поверхность скалы в процессе работы время от времени увлажнялась.⁵⁶

Осколки и отщепы, отлетающие от камня при выделке топора, не отбрасываются как бесполезные; из них отбираются куски с острым и противоположным ему толстым краем, удобным для того, чтобы держать его между двумя или несколькими пальцами. Такие отщепы используются в качестве резцов и скребков, которыми обрабатывается поверхность всевозможных деревянных изделий.⁵⁷

Д. Томсон сообщает, что точечная обработка и шлифовка топоров — продолжительный процесс, требующий многих часов работы.⁵⁸

Точечно-ударная обработка, а затем шлифовка орудий появились в начале неолита, может быть, еще в мезолите. Эти новые приемы поглощали значительно больше рабочего времени, чем прежняя, палеолитическая техника скола. Исследования показали, что диоритовый топор около 20 см длины, 10 см ширины и 5 см толщины отесывается австралийцем в несколько минут. Точечная обработка, устранившая следы сколов, требует еще день или два. На заточку лезвия и шлифовку поверхности, с мокрым песком, на плите песчаника, затрачивается еще два дня. Продолжительность каждой из этих операций, конечно, меняется в зависимости от материала, структуры камня и размера будущего орудия.⁵⁹ Экспериментальные работы С. А. Семёнова показали, что для изготовления шлифованного топора из мягкого камня (сланца), но вполне пригодного для обработки дерева, требуется 2.5—3 часа, а топор из гранита или диорита может быть отшлифован за 12—15 часов, из кремня — за 30 часов (при неполном шлифовании орудий, как сделаны многие неолитические топоры и тесла). На шлифовании топора из нефрита затрачивалось 30—35 часов.⁶⁰

Несмотря на продолжительность и утомительность этой работы, австралийцы делали ее, хорошо зная преимущество заточенных и отшлифованных орудий перед сколотыми. Кроме того, именно эти новые приемы обработки камня дали им возможность широко использовать те вулканические зернистые породы камня, которые не могут быть обработаны техникой скалывания, расщепления и ретуши, но зато хорошо шлифуются. А такова большая часть минералов, из которых делаются топоры. Диабаз, диорит, базальт — это твердые и прочные материалы. Шлифовка делает их еще тверже и прочнее.

Готовый топор прикрепляется к деревянной рукоятке. Узкий и плоский кусок расщепленной ветви (или жесткой коры) под воздействием нагревания сгибается вдвое, петлей охватывая топор, который густо покрывается по своему тупому краю горячей смолой. Рукоять

⁵⁴ А. В. Арциховский, ук. соч., стр. 49.

⁵⁵ В. Blackwood. The technology of a modern stone age people in New Guinea. Oxford, 1950.

⁵⁶ R. H. Mathews. Stone cooking-holes and grooves for stone-grinding used by the Australian aborigines. The Journ. of the Anthrop. Inst., v. 25, 1895, p. 253.

⁵⁷ H. Vasekov, ук. соч., стр. 363—364.

⁵⁸ D. Thomson, ук. соч., стр. 87.

⁵⁹ J. Fordaz. The new stone age. Natural History, v. 68, № 2, 1959, p. 101.

⁶⁰ С. А. Семёнов. Экспериментальные исследования первобытной техники. Сов. археология, № 2, 1959, стр. 37 и 40.

крепко вдавливается в смолу, а концы рукоятки связываются как можно плотнее шнуром (плетеным из растительного волокна или человеческих волос), после чего смола обжимается пальцами при горячей головней для заполнения всех щелей, которые могли остаться между рукояткой и топором. Смола, остывая, затвердевает. Рукоять и сам топор нередко окрашиваются красной охрой, по этому фону иногда рисуются белые или желтые узоры.⁶¹ Способ соединения топора с рукояткой — самая несовершенная черта австралийского топора. Чтобы рукоять плотнее прилегалась к топору, обух топора предварительно иногда обворачивали мехом. Нередко, отправляясь куда-либо, австралийцы брали с собой лишь один топор, а топорыше изготавливали на месте, когда в нем была пужда. В Квинсленде существовал в прошлом очень своеобразный способ прикрепления топоров к топорышу. В стволе молодого деревца на корню делалась прорезь, куда вставлялся каменный топор, который затем оставался в таком положении на год или два, пока он не оказывался прочно закрепленным растущим деревом. Тогда дерево срубали, и оно становилось топорышем.⁶²

Топоры *кодья* из юго-западной Австралии представляют собою своеобразный тип австралийского топора. В отличие от обычных австралийских топоров, они никогда не затачивались. Конструкция топоров *кодья*, способ их соединения с рукояткой были выяснены при помощи рентгеновского фотографиярования.⁶³ «Без сомнения, это самый примитивный тип топоров на рукоятки», — пишет Тиндаль.⁶⁴ Такого же мнения был и Дэвидсон.⁶⁵ *Кодья* был мало эффективен как рубящее орудие; топор из кристаллической породы (обычно из гранита) легко крошился, а подбивать его ретушью было почти невозможно. Безусловно, топор обычного австралийского типа, отшлифованный, был орудием значительно более действенным и прогрессивным. Можно предполагать поэтому, что ваточенный топор пришел на смену топору *кодья*. Не случайно последний сохранялся только в юго-западном углу Австралии, наряду с другими древними особенностями австралийской культуры. Пример топора *кодья* показывает, что уже в палеолите могли появиться подобные топоры на рукоятки. Может быть, эти палеолитические топоры на рукоятки и были предшественниками неолитических топоров. Если же такие орудия имелись в палеолите, то это существенно меняет наши представления о путях развития палеолитической техники. Камни на рукоятках первобытных орудий могли монтироваться иными способами, чем это делают австралийцы, и паличке для этой цели почти невозможно. Безусловно, топоры, которыми располагают австралийцы, не обязательно.

Абразивы, или вспомогательные орудия для шлифования топоров и других орудий, в том числе деревянных, жернова или зернотерки — все это родственные виды орудий, материал для которых добывался так же, как и для других каменных инструментов. Так, например, в нескольких километрах от горы Дуглас в северной части штата Южная Австралия находится большой карьер длиной 450 м, шириной 60 м и глубиной 3,5 м.

⁶¹ B. Spencer and F. J. Gillen. The Northern tribes of Central Australia, p. 659; C. Strehlow. Die Aranda- und Loritja-Stämme in Zentral-Australien, Teil 5, Frankfurt, 1920, S. 12; H. Basedow, ук. соч., стр. 363; A. P. Elkin and C. a. R. Berndt. Art in Arnhem Land. Melbourne, 1950, p. 101.

⁶² R. Hamlyn-Harris, ук. соч., стр. 167.

⁶³ D. S. Davidson and F. D. McCarthy. The distribution and chronology of some important types of stone implements in Western Australia. Anthropos, Bd. 52, f. 3—4, 1957, pp. 408—416.

⁶⁴ N. B. Tindale. Palaeolithic kodj axe of the aborigines and its distribution in Australia. Records of the South Australian Museum, v. 9, f. 3, Adelaide, 1950, p. 257.

⁶⁵ D. S. Davidson. Stone axes of Western Australia. American Anthropologist, v. 40, № 1, 1938, p. 44.

Здесь добывался кварцит, из которого австралийцы делали пикиные жернова, а для верхних жерновов применялись гальки.

Согласно подсчетам Уорснопа, весь камень, добытый в этом карьере, должен был весить более 1300 тонн. Из него (допуская, что четвертая часть пошла на отходы) было сделано более 70 тысяч жерновов. Так как население этой части страны редкое, то очевидно, что этот карьер разрабатывался в течение нескольких столетий.⁶⁶

Нами рассмотрены основные приемы изготовления австралийских каменных орудий.

Каменные орудия австралийцев, как правило, делаются одним человеком (хотя известны исключения, например, когда более опытный и умелый помогает менее опытному). «Каждый делает для себя большую часть оружия и орудий, которыми он пользуется в повседневной жизни».⁶⁷

Индивидуальностью изготовления орудий и пользования ими обусловлена личная собственность на орудия труда. «Их копыя и щиты, палки и лесы, и т. д., изготавливаются ими самими и являются их личной собственностью».⁶⁸ А экономическим значением орудий определяются некоторые особенности их производства.

В выборе материалов (камня, дерева, смолы и т. д.) для изготовления орудий проявляется хорошее знание австралийцами их естественного окружения, технических свойств материалов и функциональной роли каждого типа орудий. Если позволяют естественные ресурсы, для каждого орудия выбирается соответствующая, наиболее пригодная для обработки порода камня. В свою очередь особенности местного каменного сырья, структуры каменных пород оказывают влияние на технологию производства и формы орудий, определяя их местную специфику. Так, например, формы сколотых орудий в известной мере определяются особенностями каменного материала, как показал Тоул по отношению к орудиям из отщепов из Нового Южного Уэльса.⁶⁹

Не меньшее значение придают выбору подходящего дерева для рукояток, необходимых материалов, скрепляющих части орудий (растительные смолы, сухожилия, шпурсы, плетеные из различных растительных волокон, и др.). «Каждый вид деревьев используется для какой-либо цели. Из древесины, коры, смолы, листьев и травы делаются орудия, посредством которых аборигены приспосабливаются к их естественному и культурному окружению. Дерево выбирается по степени его твердости, тяжести и формы в зависимости от того, для какой цели предназначается орудие».⁷⁰ Соответствующие древесные породы выбирают для того, чтобы сделать древко тяжелого или легкого копыя, предназначенных для различных видов охоты: тяжелые — на крупную дичь — кенгуру, валаби, эму, а легкие — на рыбу и птиц.⁷¹ Для изготовления орудий используются жир, внутренности, сухожилия и кости кенгуру, перья, кости и сухожилия эму и других птиц, мех и внутренности опоссума, человеческие волосы и т. д. На отделку орудий идут красная и желтая охра, белая глина и т. п.

⁶⁶ T. Worsnop. The prehistoric arts of the aborigines of Australia. Report of the 6-th meeting of the Australian Association for the Advancement of Science, Brisbane, 1895, p. 146.

⁶⁷ D. Thomson, ук. соч., стр. 56.

⁶⁸ D. Collins. An account of the English colony in New South Wales. 2-d ed., London, 1804, p. 385.

⁶⁹ C. C. Towle. Stone scrapers: an inquiry concerning a certain conventionalized type found along the coast of New South Wales. Journ. and Proc. of the Royal Society of New South Wales, v. 68, 1934, pp. 117—143.

⁷⁰ W. L. Warner, ук. соч., стр. 151—152.

⁷¹ J. McConnel. Myths of the Munkan. Melbourne, 1957, p. 15.

Особо надо остановиться на смоле, без которой не обходится почти ни одно составное орудие австралийцев: ею соединяются отдельные части топоров, долот, пожей, копий и т. д. Даже кусок полученной от европейцев железной пластины прикрепляется к деревянной рукоятке при помощи смолы (колл. МАЭ № 2159—137). Растительная смола была необходимым спутником австралийца в его странствиях. Круглые или овальные комья смолы, как ценное сырье, не только заготавливались впрок, но и служили предметом межплеменного обмена, связывавшего друг с другом отдаленные области материка. В коллекциях МАЭ имеются образцы различных растительных смол, употребляемых австралийцами для технических целей. Смола спинифекса, или «дикобразовой травы» (*Tridodia*), племени аранда (колл. № 1336—111), смола спинифекса и эвкалипта в образцах из Кимберли (колл. № 2159—142 и 143) — это наиболее распространенные в Австралии виды смол, употребляемых для изготовления орудий. Лучшая, по мнению Эйльмана, смола добывалась на севере Австралии из «железного дерева» (*Erythrophlaeum Labouchertii*).⁷² Корни «железного дерева» нарезались полосами и нагревались над огнем, а вытекающая из них смола собиралась, после чего охлаждалась и затвердевала.⁷³ Во многих местах Австралии употреблялась смола так называемых «травяных деревьев» (*Xanthorrhoea*).⁷⁴ Кроме перечисленных, известны и многие другие виды смол растительного происхождения, в том числе из различных видов акации.⁷⁵ На севере Австралии — в Арnhemленде, Кимберли и Квинсленде — для прикрепления каменных орудий к древкам и других целей вместо смолы иногда применялся пчелиный воск.⁷⁶ Никто из авторов, которые сообщают о применении воска, не пишет, примешивались ли к воску какие-либо иные материалы. Использование воска без примесей маловероятно. Интересно отметить, что воск — для скрепления меж собой частей различных предметов — применяли и индейцы Южной Америки. Аборигены Арnhemленда хранили каменные наконечники, чтобы не повредить в пути, в сумках, тщательно завернутыми в кору, и лишь по мере надобности прикрепляли воском к древку; наконечники благодаря воску легко отделялись от древка и застревали в ране.

Смолу из спинифекса добывают следующим образом. Высушенные и мелко нарезанные (или раздробленные палкой) стебли травы складывают в кучу и поджигают. Сгорая, трава выделяет смолу, которую, когда огонь потухнет, собирают, разминают пальцами, зубами или между раскаленными камнями и скатывают в круглые комья. Застывая, смола делается очень прочной и твердой. Для того, чтобы размягчить вновь, смолу нужно опять нагреть на огне.⁷⁷

В смолу иногда примешивались размолотые раковины или песок. Твердость и прочность застывшей смолы дает возможность легко укрепить каменные орудия на рукоятках — топоры, ножи, долота, наконечники копий, микролиты и т. д. Нет надобности специально подгонять орудия к древкам, рассчитывать пазы в них и делать многое другое, что было бы необходимо, если бы австралийцы не имели этого замечательного скрепляющего материала. Во многих составных орудиях каменных

⁷² E. Eylmann, ук. соч., стр. 320.

⁷³ W. L. Wagner, ук. соч., стр. 153—154.

⁷⁴ W. E. Roth, ук. соч., стр. 11—14; П. Дарк. У австралийских дикарей. СПб., 1876, стр. 318—319.

⁷⁵ J. Dawson. Australian aborigines. Melbourne, 1881, p. 24.

⁷⁶ E. Eylmann, ук. соч., стр. 319; H. Petri, ук. соч., стр. 88; W. L. Wagner, ук. соч., стр. 154.

⁷⁷ W. E. Roth. Ethnological studies among the North-West-Central Queensland aborigines, pp. 101—102; C. Strehlow, ук. соч., ч. 5, стр. 13; C. C. Chewings. Back in the stone age. Sydney, 1936, p. 42.

инструмент просто утапливается в смоле, которая соединяет его с деревом, но не прикасается к дереву. В колл. № 32 Музея антропологии Московского университета (коллекция поступила в 1920-х гг. в Музей народоведения от ее собирателя Э. Клемента из северо-западной Австралии) хранятся древки копий с утраченными наконечниками. Хорошо видны способы прикрепления: наконечники утапливались в смоле, но в большинстве случаев не прикасались к дереву, между наконечником и деревом сохранялось небольшое расстояние. В некоторых случаях наконечники прикасались к дереву, но дерево не имело паза для вставления наконечника. Поэтому наконечники так легко отделялись от древка — их удерживала только смола. Черная стекловидная масса смолы покрывалась сверху красной охрой.

Широкое применение смолы не могло не отразиться на технических свойствах австралийских орудий и их своеобразии, выразившемся в некоторой незавершенности, несовершенстве их форм. Таковы овальные клинки обычных топоров (не говоря уже о едва обработанных или совсем необработанных камнях в топоре *кодьа*), долота с широкими основаниями, каменные наконечники, которые просто вставлялись в смолу. Их не нужно было прижимать к дереву или вставлять в него, как делали в Европе и других частях света. Поэтому австралийские наконечники не имеют боковых выемок, черешков и других особенностей, необходимых для прикрепления к дереву — у них только снимается отбивной бурок и слегка утончается основание.

Технология изготовления каменных орудий свидетельствует о приспособленности австралийцев к естественной среде и умении использовать ее потенциальные возможности.

III. ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ

Все основные виды хозяйственной деятельности в австралийском обществе — охота, рыболовство, собирательство, изготовление орудий и оружия, жилища и т. д. — требуют применения орудий труда. Орудия труда определяют уровень развития производства и его характер. Прежде всего это относится к каменным орудиям. Они имели ведущее значение в австралийском хозяйстве, пока не были вытеснены металлическими. Такова была их роль и во все эпохи так называемого «каменного века» (только в силу ведущего значения каменных орудий этот термин имеет смысл). «Только с помощью камня человек мог более или менее широко использовать дерево, кость и рог для изготовления орудий».¹ Ни один вид производственной деятельности в австралийском обществе не совершался без каменных орудий труда. Огонь австралийцы добывали посредством трения одного деревянного предмета о другой, а принадлежности для добывания огня делались каменными орудиями. Если же огонь добывался ударом камня о камень, то такие камни сами становились орудиями для добывания огня. Орудия охоты — палицы, бумеранги, копья и копьеметалки — делались каменными орудиями. Рыбу ловили с помощью остроги, гарпуна или лесы с крючком, изготовляемых каменными орудиями. Орудия из камня играли большую роль и в собирании пищи — ими делались копательные палки, деревянные корыта, мешки из шкур кенгуру или опоссумов, с помощью каменных орудий австралийцы взбирались на высокие деревья и т. д. Семена, зерна и корни растений, упогребляемых в пищу, растирались на каменных жерновах-зернотерках. На них растирались и краски. Каменными орудиями разделялись туши убитых животных. Ими срубали стволы

¹ С. А. Семенов, Первообытная техника, М.—Л., 1957, стр. 44.

деревьев, из которых строили хижины. Каменными орудиями изготовлялись различные ритуальные предметы. Им же делались все деревянные изделия австралийцев.² «Почти все оружие и хозяйственные принадлежности стало быть самые важные предметы своего культурного достояния аборигены делают каменными орудиями».³ Вот почему эти орудия так ценились: они играли важную роль в обрядовом обмене, становились иногда предметами культа и фигурировали в мифах, а за сырьем для их изготовления снаряжались экспедиции в отдаленные районы страны, нередко населенные враждебными племенами. В Западной Австралии рядом с телом умершего человека клали его «копье смерти», копьемедалку-тесло (*миро*), топор *кодьа*, нож (*дабба*) из каменных осколков-вкладышей, и все это — составные орудия с каменными инструментами, за исключением мешка из шкуры кенгуру.⁴

Дерево обрабатывалось главным образом рубкой и тесаньем. Для этого предназначались топоры с заточенным лезвием, грубо отесанные рубящие орудия, тесла. Другие каменные орудия предназначались для того, чтобы резать, скоблить, строгать, выдалбливать, делать выемки и т. д.

Вот, например, как делается бумеранг из твердого дерева. Вырубается изогнутый сук или корень, раскалывается и отесывается, пока не получит нужной формы, затем шлифуется и орнаментируется. Первые стадии работы делаются грубым оббитым рубящим орудием, галкой с отесанным рубящим краем или заточенным топором. Отесывание и последующая отделка древесины производится долотом на древе, окончательная отделка — абразивами, лощилками и резцами-отщепами с острым краем. Таким образом, при изготовлении одного деревянного предмета могут применяться каменные орудия, принадлежащие к различным группам нашей классификации.

ПРИМЕНЕНИЕ ОРУДИЙ ПЕРВОЙ ГРУППЫ

Племена, живущие в самых неблагоприятных природных условиях, в пустынях центральной и Западной Австралии, располагали наиболее примитивными орудиями труда и обходились подчас очень грубо обработанным для совсем необработанными камнями с естественным острым краем. У племени пиньяндьяра (горы Масгрейв, центральная Австралия), по словам Ч. Маунтфорда, были копьемедалки, колья из нескольких частей, связанных сухожилиями кенгуру, копательные палки с острыми, обожженными на огне и потому очень твердыми, деревянные корыта, которые в несложном обиходе австралийцев, как и копьемедалки, находили много применений, накопец, жернова — два камня, плоский и выпуклый.⁵ Перечисленные деревянные изделия делались простейшими каменными орудиями. Единственными инструментами для изготовления копьемедалки были камни, которые австралийцы подбирали на склонах холмов. Около 90% всей работы делалось камнем с наиболее острым краем. Австралийцы выбрали подходящее дерево из породы мульга (*Acacia aneura*), около 20 см в диаметре, и на высоте более одного метра от земли сделали треугольный надрез углом вниз. Камень при этом держали то двумя руками, то одной. В этой медленной и тяжелой работе, которая продолжалась более часа, принимали по очереди участие несколько

² S. R. Mitchell. The woodworking tools of the Australian aborigines. The Journ. of the Royal Anthropol. Inst., v. 89, part 2, 1959, p. 191.

³ E. Eylmann. Die Eingeborenen der Kolonie Südastralien, Berlin, 1908, S. 1.

⁴ R. Salgado. Mémoires historiques sur l'Australie. Paris, 1854, p. 335; R. B. Smyth. The aborigines of Victoria. London, v. 1, 1878, p. 104.

⁵ Ч. П. Маунтфорд. Коричневые люди и красные пески. М., 1958. стр. 135—136.

человек. Когда глубина надреза достигла 3—4 см, один из них, взяв большой камень, стал с силой ударять по стволу дерева по обеим сторонам надреза, пока не появились вертикальные трещины. Тогда он всадил в трещину справа и слева два деревянных клина и углублял их до тех пор, пока от ствола не отделился горбыль. Он был очищен от коры и грубо отесан длинным острым краем одного из камней. Затем из заготовки маленькими необбитыми камнями была выдолблена древесина. При этом было испробовано несколько камней. Сначала заготовка лежала на земле и удары наносились попереk древесных волокон, а затем ее держали вертикально и наносили продольные удары. Наконец, заготовка приняла очертания копьеметалки. Окончательная отделка была произведена с помощью долота, укрепленного на конце другой копьеметалки. Заготовку держали левой рукой в вертикальном положении, а удары долотом наносили сверху вниз под углом в 30°. Во время работы край долота неоднократно заострялся ударами деревянного наконечника копыя. Изготовление копьеметалки продолжалось в общем около четырех часов. Когда она была готова (причем ее толщина не превышала 5 мм), на конце ее был укреплен с помощью растопленной над огнем смолы спинифекса острый осколок камня. Для этой цели, по словам Маунтфорда, пригоден любой осколок подходящего размера с острым краем. Такие осколки не обрабатываются предварительно. Австралийцы просто подбирают их на земле и прячут в волосы на случай необходимости. На противоположном конце копьеметалки сухожилиями кенгуру или эму был привязан упор для копыя. Затем копьеметалка была натерта красной охрой, предварительно растертой в порошок.⁶ Такими же острыми камнями питьядьяра выделывают свои деревянные корыта из полых эвкалиптовых стволов. Эта работа занимает от трех до четырех дней.

В соседнем районе, тоже в горах Масгрейв, Дж. Лав наблюдал, как женщины делали большое деревянное корыто из упавшего полого ствола эвкалипта (*Eucalyptus rostrata*), используя примитивные необработанные каменные орудия. В работе принимало участие человек шесть женщин, возглавляемых женщиной пятидесяти лет, самой старой и опытной. Сначала были предприняты поиск камней с острыми краями. Этими камнями на стволе были намечены очертания будущего корыта (около 70 см длины и 30 см ширины). Затем сильными ударами более тяжелых камней, — во время работы их держали двумя руками, — твердая поверхность ствола была перерублена и грубая заготовка была выгнута из гнилой сердцевины ствола с помощью рычага, простой палки. Вся работа заняла полтора часа, причем женщины работали попарно — когда они уставали, две другие занимали их место. Края камней в ходе работы затуплялись, и их заостряли ударами других камней или же просто отбрасывали и заменяли другими. Потом заготовка была зарыта в мокрый песок в ложе ручья, где и пролежала до следующего утра, после чего четыре женщины продолжали работу над ней, выдалбливая и углубляя ее такими же камнями. Окончательная отделка корыта была произведена с помощью долота, укрепленного смолой на конце древка. Долото считается мужским орудием, но женщины хорошо владели им. Лав отмечает, что отделка корыта долотом производится как женщинами, так и мужчинами. В случае, о котором он рассказывает, работали женщины, но долото они получили от одного из мужчин. Обработка долотом корыта продолжалась до тех пор, пока оно не стало достаточно тонким.

⁶ C. P. Mountford. An unrecorded method of manufacturing wooden implements by simple stone tools. Transactions of the Royal Society of South Australia, v. 65, Adelaide, 1941, pp. 312—316, fig. 1—3, table 20.

Эта работа, в которой четыре женщины трудились попеременно, заняла еще полтора дня. После этого корыто было обожжено на горячих углях, чтобы воспрепятствовать сжатию его тонких стенок. Готовое изделие было натерто снаружи красной охрой. Таким образом, первая стадия работы заняла полтора часа, остальные — полтора дня.⁷

Племена, населяющие северо-западную область штата Южная Австралия, по-видимому, обладают самой примитивной в Австралии материальной культурой. Так, по наблюдениям Г. Базедова, эти племена охотились преимущественно с помощью обычных камней и палок, которые они швыряли в дичь,⁸ т. е. с помощью случайных орудий труда.

ПРИМЕНЕНИЕ ОРУДИЙ ВТОРОЙ ГРУППЫ

Перейдем теперь к «палеолитическому» топору *кодья*. Функции этого орудия оказываются весьма разнообразными. Кинг, впервые описавший это орудие, видел его у жителей морского побережья. *Кодья* употреблялась для разбивания раковин моллюсков и для забоя тюленей и других животных ударом по голове.⁹ На глазах Кинга один охотник пронзил животное копьем, а другой добил его ударом *кодья*.¹⁰

Грей видел употребление этого орудия при добывании личинок из древесного ствола.¹¹ О многообразном использовании топора *кодья* рассказывает Сальвадо. Им вскрывали дуплистые деревья, в которых прячутся опоссумы, делали на стволах зарубки для пальцев ног, чтобы взобраться на деревья, изготовляли деревянное оружие, разделявали туши животных и разбивали кости; *кодья* находили и «тысячу других применений».¹² Один из корреспондентов Б. Смита писал, как с помощью *кодья* австралийцы поднимались на самые высокие деревья. Сделав зарубку для пальцев ног и обхватив дерево одной рукой, австралиец вытягивал другую руку вверх, втыкал в кору дерева острый конец рукояти и затем, держась за нее, подтягивался вверх. Смола «травяных деревьев» (*Xanthorrhoea*), которой укреплены камни *кодья*, настолько прочна, что австралийцы срубали этим орудием толстые сучья эвкалипта.¹³ *Кодья* применялась так же широко, как и заточенный топор. Даже манера носить *кодья* была такой же, как способ ношения заточенного топора — его носили за поясом на спине. И хотя камни *кодья* были разными и предназначались, видимо, для различных трудовых операций, орудие все же не было специализированным. Трудно сказать, какая последовательность функций его была самой важной, какая — второстепенной.

Ко второй группе классификации принадлежат и орудия типа «лошадного копыта» — довольно крупные, грубо оббитые, призматические, найденные на о-ве Кенгуру, где коренное население давно исчезло. Купер попытался экспериментальным путем выяснить назначение этих орудий и обнаружил, что они довольно эффективны для снятия коры,

⁷ J. R. B. Love. A primitive method of making a wooden dish by native women of the Musgrave Ranges. South Australia. Transactions of the Royal Society of South Australia, v. 66. Adelaide, 1942, pp. 245—247, table 6, 7.

⁸ H. Basedow. Anthropological notes made on the South Australian Government North-West prospecting expedition, 1903. Trans. and Proceed. of the Roy. Society of South Australia, v. 28, 1904, p. 24.

⁹ P. P. King. Narrative of a survey of the intertropical and Western coasts of Australia, v. 2, London, 1827, p. 139.

¹⁰ Там же, стр. 126—127.

¹¹ G. Grey. Journals of two expeditions of discovery in North-West and Western Australia. London, v. 2, 1841, p. 288.

¹² R. Salgado, ук. соч., стр. 292—293.

¹³ R. B. Smyth, ук. соч., т. 1, стр. 340; т. 2, стр. 245 и 250.

перерубания и заострения сучьев, выкапывания углублений в земле. Одним орудием он в течение десяти минут вырезал овальный щит (75 см длины) из коры эвкалипта. Молодое дерево, около 30 см в окружности, было срублено в четыре минуты.¹⁴ Грубыми рубящими орудиями австралийцы, живущие в горах Уорбертон (Южная Австралия), рубили деревья, раскалывали полые колоды, перерубали корни. Дерево, ствол которого имел 15 см в диаметре, было перерублено в две минуты. При продолжительном употреблении орудия неоднократно заново оббивались.¹⁵ Эти простейшие орудия находят во многих покинутых стоянках Южной Австралии.

ПРИМЕНЕНИЕ ОРУДИЙ ТРЕТЬЕЙ ГРУППЫ

Орудия третьей группы, изготовленные техникой скалывания, составляют большинство австралийских каменных орудий. Из них крупные полудисковидные орудия из отщепов — *арапиа* — племени плиаура (центральная Австралия) употреблялись без рукояти для грубой обработки дерева, очистки эвкалипта от коры, вырезания щитов и корыт из мягкой коры «бобового дерева» (*Eguthrina*). Так же, очевидно, применялись аналогичные орудия, найденные на о-ве Кенгуру.¹⁶

Клиевидные массивные колуны *ворими* из Нового Южного Уэльса были обнаружены у старых индей в мангровых болотах. Этими орудиями вырубали щиты из коры мангровых деревьев. После того как кора разрезалась по контуру щита, *ворими* загонялись в разрез как клинья для того, чтобы отделить кусок коры от дерева.¹⁷

Большое количество всевозможных отщепов, нередко случайных форм, не обработанных вторично, с острыми краями, широко применялись как режущие или скоблящие орудия, долота и т. п. Кензон говорит о них: «Наибольшая часть работ, где нужно резать — мясо, шкуры или дерево — производилась острыми краями отщепов».¹⁸ Они употреблялись без рукояти, и во время работы их крепко держали пальцами правой руки. Австралийцы поступали подобно первобытным людям, которые не выбрасывали осколки и отщепы, полученные при изготовлении каменных орудий, но использовали их для всевозможных технических целей. Такие случайных форм отщепы, которыми снимали шкуру и резали туши убитых на охоте животных, делали рубцы на теле и т. д., можно видеть на иллюстрациях к работе Б. Смита.¹⁹ Даусон сообщает о долотах без рукоятей, которыми изготовлялись деревянные оружие и деревянные сосуды. Он писал и об осколках кремня и вулканического стекла, употребляемых для отделывания и выравнивания поверхности деревянных предметов.²⁰ Стирлинг во время путешествия по центральной Австралии пахнул во многих местах, где были старые стоянки, отщепы, которые, по его мнению, были или незаконченными орудиями, или отходами производства. Спутник Стирлинга, абориген, признал в этих находках орудия, предназначенные для того, чтобы разделять туши животных,

¹⁴ H. M. Cooper. Large stone implements from South Australia. Records of the South Australian Museum, v. 7, Adelaide, 1943, pp. 343—369, fig. 1—96.

¹⁵ N. B. Tindale. The hand axo used in the Western desert of Australia. Mankind, v. 3, № 2, 1941, pp. 37—41, tables E—F.

¹⁶ N. B. Tindale and B. G. Macgraith. Traces of an extinct aboriginal population on Kangaroo Island. Records of the South Australian Museum, v. 4, Adelaide, 1931, pp. 275—289, fig. 1—11.

¹⁷ R. H. Goddard. Notes on certain massive flaked implements found in the Port Stephens district. Mankind, v. 1, 1934, pp. 191—193, fig. 1—2.

¹⁸ S. R. Mitchell. The woodworking tools..., p. 194.

¹⁹ R. B. Smyth, ук. соч., т. 1, стр. 381—382.

²⁰ J. Dawson. Australian aborigines. Melbourne, 1881, pp. 24—25.

делать рубцы на теле, применять как ножи в драках, вырезать орнаменты на деревянном оружии и изготовлять копыя. Отщепы, найденные Стерлингом, были из песчаника, халцедона, кварцита и других минералов. Многие из них обнаружены в местах, служивших, видимо, для их производства. Имелись отщепы и из бутылочного стекла.²¹ Такие инструменты были впоследствии в значительном количестве собраны в центральной и северной Австралии Спенсером и Гилленом. В результате контакта с белым населением австралийцы начали пользоваться для тех же целей маленькими плоскими кусками железа с заточенным острым краем.²² Ритуальным заместителем каменных резцов был зуб опоссума, которым вырезались тотемические символы на священных чурингах.²³ Таким образом, острые осколки камня — отщепы большей частью без подправки находили очень широкое и разнообразное применение.

По степени применения отщепам не уступали и более совершенные орудия — долота на рукоятки (в том числе копьёметалки). Их существование отмечено еще капитаном Д. Куком: «Единственные инструменты, которые мы видели у аборигенов, были долота (adze), довольно плохо сделанные из камня, несколько небольших кусков того же камня в форме клиньев, деревянные молоты, раковины и куски кораллов».²⁴ Долота применялись в качестве деревообделочных инструментов. Спутники Кука видели щиты, вырезанные из коры, но еще не отделенные от дерева; края их были приподняты забитыми под них клипьями. «По-видимому, эти люди (т. е. австралийцы, — В. К.) уже открыли, что древесная кора делается толще и крепче, если оставить ее на стволе после того, как она была вырезана».²⁵ Щиты в Квинсленде и Новом Южном Уэльсе, где их видели спутники Кука, вырезались каменными инструментами. Одним из них были специальные клинья, которые в количестве от 8 до 9 забивались под кору, вырезанную по контуру щита. Отделенный от ствола щит затем обрабатывали другими инструментами, в том числе и долотом. Бродли в 1788 г. писал, что в районе Сиднея имелись топоры и долота, прикрепленные смолой к древкам, и клинья. Австралийцы пользовались этими орудиями для вырезания лодок и щитов из древесной коры, причем клинья забивались деревянным молотом и затем оставались в разрезе на некоторое время, прежде чем кору отделяли от ствола.²⁶ Из этого сообщения мы узнаем, между прочим, для чего служили деревянные молоты, которые видели спутники Кука. Наряду с деревянными молотами, для той же цели мог применяться обух топора. Долота на рукоятки имелись и в некоторых других районах Квинсленда и Нового Южного Уэльса.²⁷ В первой четверти XIX в. их видел здесь Д. Оксли. В одном из стаповиц австралийцев он обнаружил несколько копий, щиты, палцы и долота (chisels).²⁸

Долота на изогнутых древках характерны преимущественно для центральной Австралии, а на прямых древках — для Западной Австра-

²¹ E. C. Stirling. Report on the work of the Horn scientific expedition to Central Australia, part 4. London, 1896, p. 98.

²² B. Spencer. Guide to the Australian ethnological collection. Melbourne, 1915, p. 60.

²³ B. Spencer and F. J. Gillen. The Arunta, v. 1. London, 1927, p. 102.

²⁴ J. Harknessworth. An account of the voyages, v. 3. London, 1773, p. 643.

²⁵ Там же, стр. 642.

²⁶ F. D. McCarthy. An analysis of the large stone implements from five workshops on the North coast of New South Wales. Records of the Australian Museum, v. 21, Sydney, 1947, pp. 428—429.

²⁷ J. Hunter. An historical journal of the transactions at Port Jackson and Norfolk Island. London, 1793, p. 452.

²⁸ J. Oxley. Journals of two expeditions into the interior of New South Wales. London, 1820, p. 237.

лин. Долото на прямом древке представляет собой сочетание долота и метательной палицы. Им пользовались для вытесывания бумерангов, щитов, палиц и т. д., его применяли также на войне и охоте. Его бро- сали так, что оно вращалось в воздухе и, «если попадало в человека или кенгуру, смерть наступала навверняка».²⁹ Долото на древке — это не только деревообделочный инструмент, но и эффективное метательное оружие. Присоединяя каменный инструмент к метательной палице, австралийский охотник получал не только удобное для работы оружие на длинной рукоятки, но и избавлял себя от необходимости носить с собой два предмета вместо одного. Стирлинг видел долота на древках в большом количестве к северу, северо-западу и северо-востоку от хребта Макдоннелла, но в самой области хребта Макдоннелла и к югу от него долота обычно совмещались с копьёметалкой. Это — другой замечатель- ный пример сочетания нескольких орудий в одном. Копьёметалки-долота в районе их распространения Стирлинг видел в руках почти каждого взрослого австралийца.³⁰ Разнообразие форм режущего края долот позво- ляет пользоваться ими для разных видов работы по дереву. Камнем с по- большим, правильной формы режущим краем вся поверхность деревян- ных изделий (как, например, щита, бумеранга, корытца *питчи*) обраба- тывается нанесением на нее узких, правильных борозд, а камень с широким краем пригоден для предварительного вытесывания тех же изделий из куска дерева, т. е. для более грубой работы.³¹

Спенсер и Гиллен описывают обработку *питчи* с помощью долота. Австралиец, сидя на земле с закатом между коленями изделием, в тече- ние многих часов строгает его поверхность, проводя долотом, которое он держит двумя руками ближе к резу, одну длинную борозду рядом с дру- гой.³² Это — трудоемкий, но наиболее экономный способ придания дере- вянным изделиям правильной, законченной формы. В этом отношении австралийцы достигли больших успехов. Во время работы долото держат в зависимости от характера работы либо двумя руками ближе к рабочему концу, либо одной рукой у рабочего, другой — у противоположного конца, либо только одной рукой, а в другой держат изделие. Ретушированная спинка реза обращена к мастеру, и удары всегда направлены в его сто- рону. Направленность движения орудием в сторону работника — общая и характерная особенность работы не только долотом, но и многими дру- гими орудиями как на рукоятки, так и без нее — скребком, резцом, скреб- ком, пожом, теслом и т. д. Австралиец, сидя на земле, удерживает обра- батываемое долотом изделие или между коленями или прижимает его ногами к земле.³³

В центральной Австралии, где отсутствовал топор с топорщиком, долото было самым необходимым инструментом для изготовления деревянного оружия и других предметов из дерева. Однако оно не могло заменить и никогда не заменяло топора полностью. Распространенным в области оз. Эйр дисконидным или овальным долотом *гуаа* дерево строгали быст- рыми рубящими движениями; когда рабочий край затуплялся, его вновь заостряли, отбивая маленькие осколки отбойником или куском твердого дерева. Наличие древка позволяло заострять и тем самым уменьшать ре-

²⁹ R. B. Smyth, ук. соч., т. 1, стр. 340.

³⁰ E. C. Stirling, ук. соч., ч. 4, стр. 95.

³¹ B. Spencer and F. J. Gillen. The Northern tribes of Central Australia. London, 1904, pp. 639—640.

³² B. Spencer and F. J. Gillen. The Arunta, v. 2, p. 539, fig. 186; C. Strehlow. Die Aranda- und Loritja-Stämme in Zentral-Australien, Teil 5. Frankfurt, 1920, S. 12; Oceania, 1934, v. 5, № 1, table 1.

³³ H. Basedow. The Australian aboriginal. Adelaide, 1925, p. 366—367.

зец снова и снова, пока, наконец, его все же не приходилось сменить.³⁴ Разновидность *тула* — долото *калара* не использовалось столь же эффективно. Держа его непосредственно в руке, им снимали те неровности, которые оставались после обработки изделий долотом *тула*. Когда *калара* затуплялось, приходилось брать другое орудие. Дерево всегда обрабатывалось тогда, когда оно было свежесрубленным, сырым. При изготовлении деревянных изделий австралийцы время от времени клали их в сырой песок.

М. Гарпрелл наблюдала, с каким «бесконечным терпением» «седобродые старики» выделывали долотом корытца-*питчи* для женщин.³⁵ Долото — орудие старших, опытных **мужчин-охотников**. Оно делается мужчинами и находится в их собственности. Работают долотом тоже, как правило, мужчины, хотя известны исключения. Гейслер описывает палку, с помощью которой женщины разрывали норы, где прятались ищерицы; палка имела на конце прикрепленный смолой обработанный кусок кварцита.³⁶ Судя по описанию, речь идет или об обычном долоте, или о редком, может быть исключительном случае сочетания женской копательной палки с долотом.

Копьеметалка — универсальное орудие мужчины-охотника, неразрывно связанное с его охотничьей, хозяйственной, военной, обрядовой и церемониальной деятельностью. Б. Спенсер считал ее самым полезным из орудий, которыми обладают австралийцы.³⁷ «Деревянная копьёметалка племени питьяндьяра, — пишет Ч. Маунтфорд, — несомненно самый важный инструмент в их культуре».³⁸ Такого же мнения и Портьес.³⁹ Копьёметалка применялась как для метания копья, так и для защиты от копья, для отбивания ударов бумеранга или палицы. С помощью копьёметалки добывали огонь трением ее ребра по расщепленной палке или щигу. Рукоять копьёметалки могла быть использована как землякопалка в поисках съедобных корней или мелких животных. Копьёметалки служили иногда рубящим оружием или ударными музыкальными инструментами. Выгнутые сосудовидные копьёметалки центральной Австралии были хорошими вместилищами для воды или крови и пуха во время обрядов. Как и всякое полезное орудие, копьёметалка применялась в тотемических обрядах и в магии. Об употреблении копьёметалки в «черной магии» знахарями племени курнаи сообщает Хаунт.⁴⁰ И, наконец, укрепляя в рукояти копьёметалки острый камень, свое главное режущее орудие (которым они пользовались при изготовлении всех своих изделий из дерева, в том числе самих копьёметалок, свежавати и разделяли убитых на охоте животных и т. д.), австралийцы возлагали на копьёметалку еще и функцию долота — тоже специфически мужского орудия в условиях первичного (естественного, или межполювого) разделения труда внутри австралийской общины. Многообразие функций, выполняемых одним орудием, связано с условиями полукочевого быта, которые вынуждают как мужчину, так и женщину — каждого в своей хозяйственной сфере — обходиться минимумом полезного инвентаря.

Интересно, что в тех областях центральной Австралии, где не было топора на рукояти, копьёметалка-долото (*кунди* или *канчи*) применялась

³⁴ S. R. Mitchell. The woodworking tools. . . pp. 195—196; G. Horne and G. Aiston. Savage life in Central Australia. London, 1924, p. 106—107.

³⁵ M. Gartrell. Dear primitive. Sydney, 1957, p. 100.

³⁶ W. Geisler. Durch Australiens Wildnis. Halle, 1927, S. 195—196.

³⁷ B. Spencer and F. J. Gillen. The Arunta, v. 2, p. 525.

³⁸ C. P. Mountford. An unrecorded method of manufacturing wooden implements by simple stone tools, p. 316.

³⁹ S. D. Porteus. The psychology of a primitive people. New York, 1931, p. 113.

⁴⁰ A. W. Howitt. The native tribes of South-East Australia. London, 1904, pp. 361—362.

для влезания на деревья, для чего в других местах служил топор. Базедов описывает охоту на опоссума в северо-западной области Южной Австралии. Опосумы прячутся в дуплах деревьев, чтобы выгнать их оттуда, камышовые стволы, вырубая в коре небольшие углубления одно над другим для пальцев ног, с помощью копьёметалки-долота.⁴¹

В Арихемленде (Энпелли), где отсутствуют долота на рукояти, недавно, во время археологических раскопок, был обнаружен необычный не только для Арихемленда, но и для остальной Австралии инструмент типа *элоуэра*, укрепленный посредством смолы на деревянной рукояти.⁴² В отличие от обычных долот рабочий край инструмента расположен не перпендикулярно рукояти, а параллельно ей, как это делается в топорах. Наиболее орудие напоминает топор *кодья* — архаичный тип австралийского рептилоскопического фотографирования, оно не соприкасается с рукоятью, отделяясь от нее массой смолы. находка интересна тем, что до сих пор не было известно, как применялись орудия типа *элоуэра*, которые довольно часто находят археологи. Авторы публикации полагают, что они имеют дело с одним из типов австралийского долота. Мне представляется орудие архаичного типа. Местные жители, даже старики, не могли объяснить назначения орудия. Они предполагают, что им вырубали из стволов печеные улья, выдвигали шкуры, снимали кору и выравнивали по другим орудиям австралийцев оно служило, вероятно, для разнообразных целей.

Каменные клинки типа *леилура* представлялись в трех формах — как ножи, наконечники копий и клевцы. К ним примыкают другие типы остроконечных ножей, широко распространенных в Австралии. Еще в первой трети XIX в. было обращено внимание на ножи, бытующие в окрестностях пролива короля Георга (Западная Австралия), сделанные из кварца или стекла, прикрепленные твердой смолой к древку. Этими «грубыми ножами аборигены делали свое оружие и выравнивали его поверхность».⁴³

Об употреблении ножей в Виктории известно со слов Даусона.⁴⁴ Они делались из осколков кремня или заостренных раковин и ими свеживали животных, резали шкуры для плащей-накидок, делали рубцы на груди, спине и руках. Единственными каменными орудиями, которые видел Стирлинг в центральной Австралии, были ножи, копьёметалки-долота, долота на рукояти и тяжелые окатанные диоритовые гальки с приданным им оббивкой острым краем, аналогичные орудия типа *карта*. С помощью этих галек, между прочим, делали на стволах зарубки для влезания на деревья, и поэтому такие орудия можно считать предшественниками топоров. Ножей, однако, было мало и они были плохи, и австралийцы охотно приобретали ножи европейского производства. Ножи носили в ножнах за поясом.⁴⁵ Центрально- и североавстралийские ножи типа

⁴¹ H. Basedow. Anthropological notes made on the South Australian Government North-West prospecting expedition, p. 15; C. W. Schürman. The aboriginal tribes of Port Lincoln in South Australia. См.: J. Woods. The native tribes of South Australia. Adelaide, 1879, pp. 213—214, 216.

⁴² F. M. Setzler and F. D. McCarthy. 1) A unique archaeological specimen from Australia. Journ. of the Washington Academy of Sciences, v. 40, № 1, 1950, pp. 1—5; 2) The archaeology of Arnhem Land. Records of the American-Australian scientific expedition to Arnhem Land, v. 2. Melbourne, 1960, pp. 269, 279—280.

⁴³ R. Breton. Excursions in New South Wales, Western Australia and Van Dieman's Land. London, 1833, pp. 239—240.

⁴⁴ J. Dawson. ук. соч., стр. 25.

⁴⁵ E. S. Stirling, ук. соч., ч. 4, стр. 96.

леулира были описаны Спенсером и Гилленом, которые обратили внимание на то, что длинные, узкие и потому довольно ломкие кварцитовые клинки мужских ножей, непригодные для резания дерева, употребляются для выравнивания поверхности деревянного оружия и резания мяса убитых на охоте животных — валаби, кенгуру, эму. С помощью этих ножей делали надрезы на теле, совершали ритуальные операции над мужчинами и женщинами (в обрядах посвящения). Многочисленные рубцы, покрывающие тела австралийцев, сделаны каменными ножами.⁴⁶ Ножи служили также в качестве оружия. Различный характер мужских и женских ножей связан с различием их функций, с различием между мужским и женским трудом. Женские ножи скорее скребущее, чем режущее орудие. По наблюдениям Спенсера, ими пользовались главным образом для сдиранья шкур с животных.

Характерное мужское орудие — клевцы, в которых применялись те же клинки *леулира*.⁴⁷ Это было и боевое оружие, и орудие для разрушения туш животных. Спенсер отмечает, что хотя ножи встречаются у мужчин в большом количестве, тем не менее следы употребления на них заметны очень редко. «Ножи, которые мы действительно видели в употреблении во время обрядов погребения и инициации, были совершенно чисты, они выглядели так, словно недавно сделаны и никогда не были запачканы кровью. Причина этого заключается прежде всего в том, что кровь не легко пристает к кварциту, и, во-вторых, в том, что каждый нож после употребления тщательно чистится».⁴⁸ Иногда кровь обсыхала с клинка одним из участников обряда, в других случаях смывалась.

Особенно нужно отметить значение клинков *леулира* в поединках, в которых они применялись очень часто. Например, двое мужчин-аравда стояли или сидели друг против друга, обняв один другого рукой с зажатым в ней ножом, и резали друг другу спину и бедра, пока, наконец, один из них не сдавался или не падал без сознания от потери крови.⁴⁹

К. Штрелов пишет о восьми видах ножей у аравда. Из них четыре применялись для разделывания дичи и в поединках, пятый, маленький нож, только в поединках, шестой — для разрезания мяса, седьмой — для изготовления деревянных предметов (например, копьейметалок), восьмым делались рубцы на груди и производилось обрезание. Эти специализированные виды ножей были распространены в различных локальных группах.⁵⁰

На севере Австралии клинки *леулира* употреблялись как наконечники боевых копий. Разнообразные наконечники для охоты и рыбной ловли делались не из камня, а из других материалов. В районе Дарвина каменные топоры и режущие инструменты вышли из употребления с тех пор, как началось общение с белым населением, а копья с каменными наконечниками еще очень долго были в ходу.⁵¹

В Квинсленде острые кварцитовые клинки были менее распространены и применялись как боевое оружие, кинжалы. Противники имели по ножу в каждой руке и запасный нож в зубах и наносили один другому

⁴⁶ B. Spencer and F. J. Gillen. The Northern tribes of Central Australia, pp. 654—655.

⁴⁷ B. Spencer and F. J. Gillen. The Arunta, v. 2, pp. 546—548.

⁴⁸ Там же, стр. 548.

⁴⁹ F. D. McCarthy. Australia's aborigines, their life and culture. Melbourne, 1957, p. 97.

⁵⁰ C. Strehlow, ук. соч., ч. 5, стр. 12.

⁵¹ T. A. Parkhouse. Native tribes of Port Darwin and its neighbourhood. Report of the 6-th meeting of the Australian Association for the Advancement of Science, Brisbane, 1895, pp. 645—646.

удары в плечи, бока и бедра. Они стремились задержать клинки в ране и увлечь ее до тех пор, пока противник не запросит пощады.⁵²

Племена дieri и вошкангуру, населяющие область оз. Эйр, пользовались короткими ножами с загнутыми в сторону клинками (максимальная длина 12—13 см). Они назывались, по Горну, *ютчавунга*, а Керр называл их *ютчувонда*.⁵³ Их режущий край острый «как бритва», а тупой конец обман смолой. В схватках этими ножами, спрятанными в ладони, наносились опасные раны в ноги и руки. Кривые ножи очень ценились. Большими массивными и прочными ножами в области оз. Эйр выравнивали поверхность деревянного оружия, вырезали рукояти в щитах, резали мясо. Небольшими острыми, так называемыми хирургическими ножами делали обрезание и подрезание, вскрывали вены во время церемоний. Ими производились и трудовые операции: резали шкуры, из которых делались мешки для воды и т. д. Мальчишки пользовались ими в драках.⁵⁴

В Архемленде (о-в Мелвилл) при изготовлении деревянного изделия (например, древка для копья) заготовка сначала отесывается, обдывается вчерне топором. Затем каменным ножом вырезаются зубцы наконечника, выравнивается поверхность древка, и копьё получает свою окончательную форму.⁵⁵ Длинные узкие ножевидные пластины применялись в Австралии для отделки (строгания, скобления, выравнивания и т. п.) деревянных изделий. Орудия держали пальцами обеих рук по краям, с режущим краем в середине, а изделие крепко зажимали между ногами.⁵⁶ У исчезнувших теперь племен района Аделаиды (Южная Австралия) имелись скребла с вогнутым лезвием; они употреблялись для скобления шкур животных, причем шкуру во время работы плотно обматывали вокруг цилиндрического стержня.

Каменные орудия употреблялись австралийцами и в изобразительном искусстве. Так, выжигание изображений на костяных инструментах для «порчи», на деревянном оружии производилось с помощью раскаленных каменных острокопачников. Для защиты руки тупой конец орудия оберывался лубом.⁵⁷

Односторонние симметричные листовидные острия *пирри* были широко распространены во внутренних областях континента, главным образом на юге, а также в Кимберли. Обнаружены они не только на поверхности, в далях покинутых стоянках, но и в глубоких слоях, открытых археологами на дне пещеры Девон Даунс на пикнике Муррее (юго-восточная часть Южной Австралии). Большое количество орудий типа *пирри* найдено на глубине 5 м ниже уровня пещеры. Соответствующая археологическая культура названа культурой *пирри* — то ее характерным орудиям.⁵⁸

Изготовление *пирри* в XX в. было уже почти забытым искусством. Горн и Эстон обнаружили у современных аборигенов отесанные острые отщепы, которые австралийцы называли *пирри*. По аналогии Горн и Эстон присвоили это название более совершенным орудиям, найденным в области вошкангуру, где они уже не изготовлялись. Горн пишет, что

⁵² J. Edge-Partington. Notes on the weapons of the Dalleburra tribe, Queensland. Man, v. 3, № 19, 1903, p. 38.

⁵³ E. M. Curr. The Australian race. Melbourne, v. 2, 1886, p. 80; G. Horne and G. Aiston, ук. соч., рис. 69 и 72.

⁵⁴ G. Horne and G. Aiston, ук. соч., стр. 87—101; H. Petri. Sterbende Welt in Nordwest-Australien. Braunschweig, 1954, pp. 68—69.

⁵⁵ A. Mahuzier. Au pays des kangourous. Paris, 1956, pp. 180—181.

⁵⁶ H. Basedow. The Australian aboriginal, p. 365, table 55, fig. 2.

⁵⁷ E. Eylmann, ук. соч., стр. 419.

⁵⁸ H. M. Hale and N. B. Tindale. Notes on some human remains in the lower Murray valley, South Australia. Records of the South Australian Museum, v. 4, 1930, pp. 145—218.

только один старик в племени вонкангуру мог показать им, как делались старые *пирри*. Современные, более примитивные *пирри* вонкангуру приделывали смолой к изогнутым деревянным рукояткам, паподобие долот *гула*. При помощи *гула* и *пирри* обрабатывались деревянные изделия. Острия *пирри* применялись для нарезания орнамента на деревянных изделиях и для просверливания в них отверстий.⁵⁹ О применении *пирри* в прошлом можно судить только предположительно. Возможно, что *пирри* употреблялись не только в качестве резцов или сверл, но и как наконечники копий, хотя в Южной Австралии, где обтаражены *пирри*, копий с каменными наконечниками в конце XVIII в. и позднее уже не было. Снятые отбивной площадки и бугорка и превращение основания в «напада» — характерная особенность *пирри* — делалось, по-видимому, для того, чтобы эти орудия могли прикрепляться к древку деревообделочного инструмента, а может быть и копыя. Дэвидсон полагал, что каменные наконечники копий, в настоящее время распространенные только на севере, появились сравнительно недавно.⁶⁰ Однако мы еще не имеем оснований утверждать это окончательно.

Двусторонние, симметричные, листовидные, зубчатые острия Кимберли 2 употреблялись как наконечники копий. Еще Грей отметил, что наряду с метательными и ударными палками, бумерангами и каменными топорами жители Западной Австралии вооружены копыями с каменными наконечниками, которые они бросают с большой силой и точностью.⁶¹ Эти копыя были прежде всего охотничьим оружием. В легенде племени унгаринш об изобретении копыя рассказывается, что мифические герои древности, вонджина, не имели копий и охотились на кенгуру при помощи палиц, пока, наконец, одному из вонджина не пришла в голову мысль делать камешные наконечники из белого кварцита *кимба*, излюбленного теперь материала для наконечников, и прикреплять их смолой или воском к двойным древкам — из бамбука и твердого дерева. Так возникли копыя, с которыми аборигены Кимберли и теперь ходят на охоту. С изобретением метательного копыя, сменившего палицу, радикально изменился и весь характер охоты.⁶² Возможно, что эта легенда отражает действительное событие, имевшее место в далеком прошлом — переход от старых способов охоты к новым в связи с появлением копыя с каменным наконечником.

Наконечники употреблялись также вместо ножей.

Наконечники Кимберли 2 обладают хрупким жалом, которое легко обламывается и остается в теле животного. Неизвестно, однако, смазываются ли наконечники каким-либо ядами. Австралийцы обычно не отравляют копий; лишь некоторые племена Архемленда (р. Дэйли) отравляли острия копий трюпным ядом.⁶³

Но копыя с каменным наконечником не только охотничье оружие, оно также средство защиты и нападения. Э. Клемент, собиратель коллекции Музея антропологии Московского университета № 32 (из Кимберли), пишет в сопроводительном письме от 24 мая 1928 г.: «Стеклянные, фарфоровые и камяные наконечники копий происходят из племени гнаума на р. Шерлок и употребляются исключительно в сражениях с белыми, — чернокожие в своих племенных битвах (*tribal fights*) употребляют только деревянные копыя». Охотничьи копыя гнаума имеют по одному деревян-

⁵⁹ С. Horne and G. Aiston, ук. соч., стр. 90—91, 107—109.

⁶⁰ D. S. Davidson. Australian spear-traits and their derivations. The Journ. of the Polynesian Society, v. 43, № 171, 1934, p. 152.

⁶¹ G. Grey, ук. соч., т. 1, стр. 252.

⁶² H. Petri, ук. соч., стр. 17—18.

⁶³ H. Basedow. The Australian aboriginal, p. 198.

ному зубцу, прикрепленному к древку сухожилиями кенгуру.⁶⁴ Если у австралийца нет при себе копыя, он берет, по крайней мере, копьеме-талку. С ее помощью он может отразить брошенное в него копьё и вернуть его в нападающего. Осколки, которые получаются при изготовлении наконечников копий, применяются для тонкой отделки деревянных изделий, для обрезания и скарпификации.⁶⁵

Техника изготовления наконечников Кимберли 2 достигла своего совершенства уже к началу XIX в., когда капитан Кинг обнаружил в Кимберли наконечники, которые не были превзойдены и лучшими позднейшими образцами. Трудно сказать, когда впервые на австралийском континенте возникла эта техника. Острия *пирри* и Кимберли 1 и 2 представляют собою пример прогрессивного развития техники. Острия, близкие к типам *пирри* и Кимберли 1, встречаются в неолитических культурах Явы, а все три типа — в неолитической культуре Тоале на Сулавеси (Целебес), на южной Яве и в архипелаге Тимор, в Индонезии. В пещерах Тоале южного Сулавеси обнаружены наконечники стрел, преимущественно односторонне ретушированные, с зубчиками по краям.⁶⁶ Вопрос о генетических связях между ними и наконечниками из Кимберли остается открытым. Первые относятся к периоду позднего палеонезийского неолита, который продолжался вплоть до периода ранней бронзы. На вопрос же о том, когда появились наконечники Кимберли 2, австралийская археология пока еще не дает ответа. Дэвидсон считал, что наконечники с зубчиками были самостоятельно изобретены в Кимберли, а Маккарти полагает, что все три типа острий проникли в северо-западную Австралию из Индонезии, откуда *пирри*, как наиболее ранний тип, распространились на континенте значительно шире, чем две позднейшие формы.⁶⁷

Наконечники, найденные при раскопках в северо-западной Австралии, выглядят грубее и примитивнее современных, но их возраст нельзя считать окончательно установленным. Еще и теперь отдельные племена Кимберли, например на северо-востоке, выделывают такие наконечники. Некоторые из них обработаны только с одной стороны, со стороны, у других частично у основания ретушировано также брюшко. Такие наконечники или очень близки к *пирри*, или относятся к особому типу, переходному от *пирри* к типу Кимберли 2 и названному нами тип Кимберли 1. Такой переход от *пирри* к наконечникам Кимберли 2 наблюдается в археологических находках из племени вардаман (юго-западный Архемленд)⁶⁸ и в других местах.⁶⁹ Таким образом, техника изготовления наконечников из Кимберли, по-видимому, не была принесена в Австралию в готовом виде, но развивалась на австралийской почве. Предшественником наконечников из Кимберли могли быть *пирри*, распространенные в Австралии значительно шире, чем первые. *Пирри* — исходные формы наконечников из Кимберли. Однако не исключено, что неолитическая

⁶⁴ Письмо Э. Клемента приведено в описании коллекции № 32, предм. № 13, составленном в 30-х годах С. А. Токаревым в Музее народоведения; в настоящее время коллекция и опись хранятся в Музее антропологии МГУ.

⁶⁵ H. Petri, *ук. соч.*, стр. 44—45, 67.

⁶⁶ H. R. van Heekeren. *The stone age of Indonesia*. Gravenhage, 1957, p. 133, table 45.

⁶⁷ F. D. McCarthy. *Aboriginal Australian material culture: causative factors in its composition*. *Mankind*, v. 2, 1940, p. 309; D. S. Davidson. *North-Western Australia and the question of influences from the East Indies*. *Journ. American Oriental Society*, № 1, 1958, pp. 61—80.

⁶⁸ D. S. Davidson. *Archaeological problems of Northern Australia*. *The Journ. of the Roy. Anthropol. Inst.*, v. 65, 1935, fig. 9—11.

⁶⁹ N. W. G. Macintosh. *Archaeology of Tandandjal cave, South-West Arnhem Land*. *Oceania*, v. 21, № 3, 1951; F. D. McCarthy and F. M. Setzler. *The archaeology of Arnhem Land*, p. 282.

техника о-ва Сулавеси оказала влияние на каменную индустрию северо-западной Австралии.

Наконечники типа Кимберли 2 уникальны и в наше время не имеют аналогий не только в Австралии, но и в Меланезии, на Новой Гвинеи, в Индонезии. Техники изготовления и формой они напоминают листовидные наконечники европейского верхнего палеолита и особенно неолита (европейского, азиатского и американского), где встречаются также же зубчики по краям.

Pirri характеризуют развитую культуру девятого слоя Девон Даунс и десятого слоя Фромме Лэндинг (тоже в нижнем течении Муррея), связанную с Индонезией (ее возраст по радиокарбону — 4—5 тысяч лет до настоящего времени).⁷⁰ Позднее, как показывает более примитивная культура выше лежащих слоев, наступает упадок, связанный, по-видимому, с ухудшением климата, высыханием Австралии и другими неблагоприятными условиями. *Pirri* сохраняются как пережиток на севере, но исчезают на юге. Возможно, что из них развились впоследствии наконечники Кимберли 1 и 2. Наличие переходных форм делает эту гипотезу весьма вероятной. Можно предполагать, что *pirri* и формы, переходные от них к наконечникам Кимберли 2, были наконечниками копий, следовательно, копьа с каменными наконечниками имелись уже у предков современных аборигенов, живших в Австралии несколько тысяч лет тому назад.

Однако Т. Кэмпбелл сомневается в том, что *pirri* могли быть наконечниками копий. Слишком они малы для этого.⁷¹ Не были ли *pirri* первоначально наконечниками стрел? Но у австралийцев не было лука и стрел, за исключением крайней оконечности п-ова Йорк, куда лук и стрелы проникли из Новой Гвинеи через о-ва Торресеова пролива. В Индонезии, с культурами которой *pirri* связаны, они употреблялись, возможно, как наконечники стрел. Таким образом, проблема острий *pirri* и Кимберли 1 и 2 оказывается еще не решенной как в отношении функций, так и происхождения этих орудий. Решение ее может осветить генетические связи культур Австралии и юго-восточной Азии.

В археологических слоях, в которых находились *pirri*, были найдены и микролиты. Мелкие осколки камня применялись и позднее — в «копьях смерти» и ножах *taal*. Но осколки, употребляемые в «копьях смерти» и ножах *taal* — это отщепы случайных форм, из которых отбирались экземпляры с острыми краями. Древние микролиты, в отличие от них, обладают большей частью правильными геометрическими формами. По Митчеллу, эти орудия могли быть инструментами для тонкой обработки дерева — резцами, вставленными в расщеп на конце короткого древка. Когда резец в ходе работы притуплялся, им продолжали резать дерево под другим углом, в результате чего его рабочий край становился полукруглым. После неоднократного заострения орудия принимали форму сегмента, треугольника, трапеции, в зависимости от того, какой рабочей край требовался. В продолжительном пользовании микролитами и заключена причина того, почему найдено так много экземпляров, не превышающих в длину 1 см.⁷² Гипотеза Митчелла представляется довольно спорной. Скорее всего правильная форма микролитов была результатом их изготовления путем раскалывания на части более крупных пластин.

В мезолите микролиты, возможно, применялись так же, как их применяли австралийцы, т. е. на древках составных орудий. Копья или стрелы

⁷⁰ D. J. Mulvaney. Dating of Australian prehistory. Nature, v. 184, 1959, app. № 12, p. 918.

⁷¹ T. D. Campbell. The Pirri — an interesting Australian aboriginal implement. Records of the South Australian Museum, v. 13, № 4, 1960, pp. 509—524.

⁷² S. R. Mitchell. The woodworking tools. . . , pp. 197—198.

с острыми осколками камня, которые застревали в ране, были опасным оружием. Вытащить «копье смерти» из раны, если оно глубоко вошло в нее, было трудно. «Копья смерти» были прежде всего боевым оружием.⁷³ В северном Арихемленде копья, снабженные каменными наконечниками *леиллра*, бросались рукой, а «копья смерти» и копья с деревянными зубцами — копьеметалкой.⁷⁴

Книг был свидетелем того, как аборигены юго-западной Австралии пользовались ножами *таап*. Взяв в зубы большой кусок тюленьего мяса и держа его за другой конец левой рукой, австралиец отрезал от него часть за частью, перерезая, или, точнее, перепиливая его ножом *таап*. Книг отмечает, что почти так же делают эскимосы, в отличие от которых австралийцы режут не вниз, а вверх. Каждый австралиец носит за поясом, рядом с топором, один или несколько ножей. Топор и нож — самые необходимые орудия.⁷⁵ Нож *таап*, рукоять которого заострена на конце, употреблялся подобно топору *кодьа* для влезания на деревья — рукоять ножа так же, как и топора, втыкали в кору.⁷⁶

ПРИМЕНЕНИЕ ОРУДИЙ ЧЕТВЕРТОЙ ГРУППЫ

Рассмотрим производственное значение топоров — важнейшего из точенных орудий. «Топор — одно из самых полезных орудий, которыми обладают аборигены. Мужчина никогда не покидает стоянку, не захватив с собой топора. С его помощью он взбирается на деревья так же быстро, как австралийский сумчатый медведь коала. Он вырубает зарубку для большого пальца ноги, и взяв топор в зубы, чтобы освободить руки, поднимается на один шаг, вырубает другую зарубку и так до тех пор, пока не поднимется на ту высоту, достигнуть которую он желает. Быстрота и ловкость, с какой он это делает, поразительны. Каменным топором он разрубает стволы деревьев, чтобы достать опоссума, который прячется в дуплах, или улей с медом, или древесных личинок, или яйца насекомых: вырубает листы коры для своих *миа миа* (хижины) или для лодок; рубит деревья и делает из древесины щиты, палицы и копья; разрубает на части крупных животных, убитых на охоте; отбивает от камня отщепы, чтобы сделать наконечник копья, освежать дичь или очистить шкуру. Старым топором он делает новый из каменного желвака. Применения топора настолько многочисленны и разнообразны, что невозможно их все перечислить. Достаточно сказать, что без этого орудия абориген едва ли смог бы поддержать свое существование в Австралии. Топор — не оружие; но в битве австралиец может прибегнуть и к его помощи, чтобы поразить противника или опоздать его удары. Отправляясь тайно отомстить врагу, с петлей *нерум*, предназначенной для того, чтобы удавить жертву, он держит наготове, на случай необходимости, палицу или топор; причем топор и петля легче, и он надежнее в таком деле».⁷⁷ «У австралийца нет орудия более важного и применяемого так же широко и разнообразно, как топор. . . Я привык видеть каменный топор в повседневном обиходе аборигенов. Это орудие имеет тысячу применений, и оно всегда в руках аборигена».⁷⁸ В юго-западной части Квинсленда «главным орудием были заточенные по краю каменные топоры, которые местные племена получали от соседей в обмен на конья, потому что в их

⁷³ R. B. Smyth, ук. соч., т. 1, стр. 304, рис. 68.

⁷⁴ E. M. Curr, ук. соч., т. 1, стр. 251, 269.

⁷⁵ P. P. King, ук. соч., т. 2, стр. 139—140.

⁷⁶ E. Hassell—D. S. Davidson. Notes on the ethnology of the Wheelman tribe of South-Western Australia. *Anthropos*, Bd. 31, f. 5—6, 1936, p. 691.

⁷⁷ R. B. Smyth, ук. соч., т. 1, стр. 379, 360.

⁷⁸ E. M. Curr, ук. соч., т. 1, стр. 147.

области не было пригодного для изготовления топоров камня». ⁷⁹ Еще и теперь те племена Квинсленда, в области расселения которых нет запасов камня пужных пород, выменивают необходимые им каменные топоры и ножи у соседей.

В западной Виктории, по словам Даусона, каменные топоры были так редки и так высоко ценились, что паходились, как правило, «в собственности вождя племени». ⁸⁰ Как же применялись топоры? По Даусону, «вождь племени» давал топор тому, кто лучше всех умеет взбираться на деревья, вырубая ступеньки в коре, в поисках медведей коала, опоссумов, птиц и птичьих гнезд, а также чтобы снять кору для хижины. С этой целью рукоятка топора загибалась под лист коры, чтобы как рычагом отделить его от дерева. В Западной Австралии, по свидетельству Сальвадо, вся утварь, все деревянное оружие делалось каменными топорами. «Аборигены действуют этими несовершенными орудиями с удивительным искусством». ⁸¹ До колонизации европейцами северо-западной Австралии, по словам Петри, каменный топор был универсальным орудием. Им и теперь еще пользуются австралийцы в тех случаях, когда они не могут достать железного европейского топора. Каменным топором изготавливалось вчерне все оружие, вся деревянная утварь и предметы культа; с его помощью добывался дикий мед и съедобные личинки из древесных стволов, снималась кора, из которой делались ведра и корыта, хижины и ветровые заслоны; топором выкапывались съедобные корни. Во время переходов мужчины засовывали топоры за пояс, а женщины несли их в корытцах из коры. ⁸²

По словам Спенсера и Гиллена, у племен центральной и северной Австралии нагоченные топоры использовались преимущественно для рубки деревянных заготовок всевозможных изделий и облегчали влезание на стволы в поисках животных, скрывающихся в дуплах, яиц сотового меда диких ячел. ⁸³ Группы, жившие вдоль реки Куэпер (область оз. Эйр), пользовались топорами без топорниц. Они держали тупой конец орудия в ладони и работали топором так же, как таеманийцы или племена северо-западной области Южной Австралии своими рубилами. ⁸⁴ Некоторые топоры имели на обеих плоских сторонах углубления, по-видимому, для того, чтобы их удобнее было держать пальцами.

Топорами дерево обрабатывалось вчерне, первично, а другие каменные орудия, прежде всего долота, использовались для вторичной отделки этих изделий, включая нанесение орнамента. Рабочий край топора редко бывал очень острым, а растительная смола не всегда была достаточно прочной, поэтому топором легче рубить дерево вдоль волокон, чем поперек. Исследования старых деревьев, на которых сохранились следы работы каменными топорами, показали, что дерево рубили вдоль, а не поперек строения древесины. ⁸⁵ И все же отшлифованные топоры были значительно эффективнее и прочнее сколотых. Орудие с гладкими сторонами и симметричным лезвием проникает в дерево легче и глубже, чем орудие, оббитое сколами. Преимущество отшлифованных неолитических топоров были доказаны экспериментально. Сосна диаметром в 25 см была срублена за 15 минут. ⁸⁶ Ель или пихта, имеющая в диаметре более 60 см,

⁷⁹ Там же, т. 2, стр. 375.

⁸⁰ J. Dawson, ук. соч., стр. 24.

⁸¹ R. Salgado, ук. соч., стр. 290.

⁸² H. Petri, ук. соч., стр. 65.

⁸³ B. Spencer and F. J. Gillen. 1) The Northern tribes of Central Australia, p. 660; 2) The Arunta, v. 2, p. 550.

⁸⁴ R. B. Smyth, ук. соч., т. 1, стр. 358.

⁸⁵ S. R. Mitchell. The woodworking tools..., p. 192.

⁸⁶ С. А. Семенов. Экспериментальные исследования первобытной техники. Сов. археология, 1959, № 2, стр. 37.

была повалена таким топором в течение 18 минут, а дуб диаметром более 30 см — за полчаса, и заточенное лезвие топора не было повреждено.⁸⁷ Затраты времени, которые требовало изготовление отшлифованных топоров, исчислялись быстротой и производительностью работы и прочностью орудий.

Еще Кинг обратил внимание на двойные плоты аборигенов северо-западной Австралии — катамараны, — сделанные из связанных вместе стволов мангровых деревьев.⁸⁸ Эти плоты делались с заточенным лезвием. И в настоящее время для изготовления таких плотов применяются каменные топоры и куски камня, которыми работают как молотками, держа их непосредственно в руке. Мангровые стволы срубают и заостряют с двух концов каменным топором. На один плот идет до 16 бревен, которые скрепляют между собой гвоздями из твердого дерева, вырубленными тем же топором и заколоченными камнем.⁸⁹

Лодки-однодеревки, возникшие в Арихемленд и северо-западную Австралию из Индонезии, выдалбливались металлическими орудиями, заимствованными у индонезийцев, но на и-ове Йорк, куда такие лодки распростирались из Новой Гвинеей через Торресов пролив, австралийцы делали их так же, как и папуасы — выжигали и выдалбливали каменными топорами сердцевину ствола. В юго-восточной Австралии топорами не только рубили и очищали листы коры для изготовления лодок, но и делали из паростов на стволах большие круглые сосуды для воды — *тарнук*.

Б. Смит рассказывает, как в Виктории изготовлялись ветровые заслоны для ночного лагеря. Делалось это каменными топорами, работали мужчины — главы семей под руководством главы группы. Когда приближался вечер и группа приходила на место ночной стоянки, глава группы выбирал подходящее дерево и, вырубая в стволе зарубки топором, который он держал то в руке, то в зубах, умело и быстро взбирался на дерево. Поднявшись на нужную высоту, он вырубал верхнюю сторону листа коры, затем спускался вниз и вырубал нижнюю и боковые стороны. Через короткое время он снимал со ствола большой лист коры. То же делали и другие мужчины, и вскоре каждая семья имела ветровой заслон на ночь. В это время женщины собирали топливо для костров и приносили воду.⁹⁰ Изредка топорами пользовались женщины.⁹¹

Л. Уорнер был свидетелем изготовления деревянных предметов в северо-восточном Арихемленде. Основными орудиями были заточенные каменные топоры (теперь их место заняли железные), ножи (прежде костяные, теперь железные индонезийские) и двустворчатые раковины. Для изготовления предметов цилиндрической формы срубали ствол или сук нужного размера, очищали от коры топором и пальцами и отесывали топором и раковинами (без рукояти). Для изготовления плоских предметов дерево раскалывали вдоль, а затем от выпуклой плоскости откалывали сегменты. И в этом случае форму изделия придавали топором и раковинами.⁹² Сравнивая описание Уорнера с описанием Б. Смита, мы убеждаемся, что отделение листов коры от древесных стволов производилось на севере Австралии в XX в. совершенно теми же приемами, что и на юго-востоке, в Виктории в XIX в.

Производственное значение топора этим не исчерпывается — его роль на охоте была не менее велика. Она не ограничивалась охотой на опоссу-

⁸⁷ J. B o r d a z. The new stone age. Natural History, v. 68, № 2, 1959, p. 95.

⁸⁸ P. P. K i n g, ук. соч., т. 2, стр. 69.

⁸⁹ J. R. B. L o v e. Stone-age bushmen of to-day. London, 1936, pp. 6—8.

⁹⁰ R. B. S m y t h, ук. соч., т. 1, стр. 123—124.

⁹¹ Там же, стр. 127, примеч.; T. L. M i t c h e l l. Journal of an expedition into the interior of tropical Australia. London, 1848, p. 357.

⁹² W. L. W a r n e r. A black civilization. New York, 1937, pp. 152—153.

мов, которые любят скрываться в дуплах высоких деревьев — топор применялся и в других случаях. П. Дарк рассказывает о приготовлении мяса убитого на охоте кенгуру женщинами, вооруженными кремневым ножом, и о дележе туши мужчиной, вооруженным топором.⁹³ Д. Грей писал, что австралийский охотник всегда имел при себе свое вооружение — копья, копьеметалку, палицу, бумеранг и непременно топор, который всегда находился за поясом на спине.⁹⁴ Т. Митчелл рассказывает об архаичном способе охоты на кенгуру, где топор выступает как ударное охотничье оружие, подобное палице. Охотник идет по следу в течение нескольких дней, пока, наконец, преследуемое животное не ослабевает, тогда охотник постигает его и убивает топором.⁹⁵ Такой способ охоты не менее утомителен, вероятно, и для самого охотника.

Обух топора употреблялся для размола (растирания) растительной пищи: съедобных корней и т. п.⁹⁶ Топор применялся как отбойник для оббивки других каменных орудий. К. Штрелов сообщает об использовании топора для добывания воды из стволов и корней деревьев, содержащих влагу.⁹⁷

Топоры иногда употреблялись как оружие.⁹⁸ «Топор — очень полезное и смертоносное орудие в руках аборигенов».⁹⁹ Один из первых исследователей Австралии Д. Оксли, путешествуя по Новому Южному Уэльсу в первой четверти XIX в., встретил однажды группу из восьми мужчин-аборигенов. Их лица были раскрашены красной и желтой красками, а голы обвязаны сетями; с ними не было другого оружия, кроме каменных топоров.¹⁰⁰ Кто же были эти люди? Оксли не дает ответа на этот вопрос. Но позднее Хаупт рассказал об одном из обычаев племени днерп. Если кто-нибудь бывал заподозрен в том, что он колдовством причинил смерть другому человеку, мужичпы из группы убитого вооружались, раскрашивали лица красной и желтой охрой, надевали на головы окрашенные белой глиной сети и отправлялись убить предполагаемого убийцу. Такая вооруженная группа мстителей называлась у днерп *пилья*.¹⁰¹ По всей вероятности, ее-то и повстречал Оксли. Топор в качестве оружия выступает и в другом эпизоде, рассказанном Оксли. Он встретил группу аборигенов, которые находились на противоположном берегу реки. Человек двадцать из них бросились вплавь через реку, держа топоры в одной руке. Выйдя на берег, они положили их к ногам невооруженных европейцев, как бы желая показать этим, что они тоже складывают свое оружие и намерения их мирные.¹⁰²

Топоры применялись в изобразительном искусстве, с их помощью делались наскальные изображения — петроглифы. Древнейшая техника петроглифов — вышлифовка контура изображения на поверхности скалы твердым камнем с узким режущим краем, в результате чего на скале образовывались борозды. Эта техника позднее сочетается с техникой интаглю, т. е. выбиванием контура или всей поверхности изображения острым камнем, — техникой, аналогичной точно-ударной обработке каменных топоров. В результате поверхность рисунка покрывалась множест-

⁹³ П. Дарк. У австралийских дикарей. СПб., 1876, стр. 271—273, 240—241; J. Henderson. Excursions and adventures in New South Wales, v. 2. London, 1851, p. 130.

⁹⁴ G. Grey, ук. соч., т. 2, стр. 264—265, 286.

⁹⁵ T. L. Mitchell. Journal of an expedition into the interior of tropical Australia, p. 263.

⁹⁶ J. Henderson, ук. соч., т. 2, стр. 143.

⁹⁷ C. Strehlow, ук. соч., ч. 5, стр. 6.

⁹⁸ R. Breton, ук. соч., стр. 239.

⁹⁹ J. Henderson, ук. соч., т. 2, стр. 148.

¹⁰⁰ J. Oxley, ук. соч., стр. 18—19.

¹⁰¹ A. W. Nowitt, ук. соч., стр. 297, 326—332, 680—681.

¹⁰² J. Oxley, ук. соч., стр. 8.

вом мелких углублений. Вероятно, для этого в некоторых случаях по остроуму каменному зубилу были каменным молотом или топором. Неолитическая техника интагло отсутствует в петроглифах Тасмании. Можно полагать, что она связала в Австралии с распространением неолитической техники обработки топоров. Тем самым возникает проблема корреляции между техникой обработки каменных орудий и техникой петроглифов.¹⁰³ Предположение А. Элькина о связи техники петроглифов с региональными особенностями в изготовлении и обработке каменных топоров представляется правдоподобным.¹⁰⁴

Производственное значение шлифованных топоров, этих универсальных орудий труда, в австралийском обществе было столь же велико, как и в раннеолитических обществах, где они впервые появились. По словам Д. М. Карова, «шлифование революционизировало первобытную обработку камня».¹⁰⁵ В результате появления неолитической техники труд стал более производительным, появилась возможность продуктивно использовать новые породы камня, люди получили новые эффективные орудия, с которыми им стало легче вести борьбу с природой, осваивать и заселять землю. Этот переворот в технике по его значению и последствиям можно сравнить с тем, что в другую историческую эпоху произошло в результате замены каменных орудий металлическими, а еще позже — в результате промышленного переворота.

ПРИМЕНЕНИЕ ОРУДИЙ ПЯТОЙ ГРУППЫ

Жернова для размолва зерен — зернотерки — обнаружил на северном берегу Австралии еще Ф. Кинг.¹⁰⁶ Каменные зернотерки, ступки и песты для разбивания орехов и т. д. до сих пор широко применяются в Арихемленде, где большая часть других каменных орудий уже вытеснена железными.¹⁰⁷ О растирании корней между камнями в Западной Австралии писал Д. Грей.¹⁰⁸ В восточной Австралии Т. Митчелл был свидетелем того, как австралийские женщины собирали в больших количествах урожай злакового растения *Panicum loevinode*, растущего вблизи болот, складывали его кучами и затем растирали зерна между камнями, добавляя воду, так что получалось тесто.¹⁰⁹

Каменные жернова широко применялись всеми племенами австралийцев в приготовлении как растительной, так и животной пищи. Б. Смит пишет, что при растирании семян портулака они смачивались водой из левой руки и растирались камнем, который находился в правой руке; жидкая масса стекала по выемке на нижнем камне в деревянный сосуд или на кусок коры. Так же растирались зерна нарду (*Marsilea*); время от времени их досыпали на жернов левой рукой.¹¹⁰ В XX в. этот способ растирания нарду остался тем же.¹¹¹ В других случаях верхний камень двигали вперед и назад двумя руками. Тесто австралийцы ели сырым или пекли в золе.¹¹² Д. Даусон описывает два вида каменных жерновов для

¹⁰³ F. D. McCarthy. Australian aboriginal rock art. Sydney, 1958.

¹⁰⁴ A. P. Elkin. The origin and interpretation of petroglyphs in South-East Australia. Oceania, v. 20, № 2, 1949, pp. 146—147.

¹⁰⁵ Д. М. Каров. О развитии примитивных орудий. Проблемы истории первобытного общества. Тр. Инст. этногр., т. 54, М.—Л., 1960, стр. 17.

¹⁰⁶ P. P. King, ук. соч., т. 1, стр. 313.

¹⁰⁷ F. D. McCarthy and F. M. Setzler. The archaeology of Arnhem Land, pp. 220, 247, table 14.

¹⁰⁸ G. Grey, ук. соч., т. 2, стр. 294.

¹⁰⁹ T. L. Mitchell. Journal of an expedition into the interior of tropical Australia, pp. 60—61.

¹¹⁰ R. B. Smyth, ук. соч., т. 1, стр. 383.

¹¹¹ G. Horne and G. Aiston, ук. соч., стр. 54, пун. 40.

¹¹² G. Taplin. The folklore, manners, customs and languages of the South Australian aborigines. Adelaide, 1879, p. 74.

размола зерен пardu в западной Виктории. Первый — овальной формы, выдолбленный подобно чаше на глубину до 5 см. Зерла размалывались в нем другим, плоским камнем, как молотом. Второй жернов — тоже овальный, но плоский, с двумя параллельными углублениями на поверхности, каждое до 30 см длиной. Зерла растирались в них двумя плоскими камнями, которые держали в каждой руке и двигали вперед и назад.¹¹³ Таким образом, с двумя видами жерновов было связано два способа помола.

Большой материал о собирании и приготовлении растительной пищи в Австралии был собран А. Н. Максимовым. Он стремился показать, что «жатва, молотья, провеивание, помол, замешивание теста, печение хлеба — все это известно австралийцу, несмотря на то, что он не обрабатывает и не засеивает своих полей».¹¹⁴ Максимовым были использованы сообщения Карра, Штрелова, Л. Паркер, Рота, Горна о каменных жерновах и их применении. Он приводит также сообщение Клемента, относящееся к северо-западной Австралии, о консервировании мяса высушиванием на солнце и о приготовлении его, для чего мясо вымачивали в воде и толкли между камнями.¹¹⁵ В других районах Австралии пеклись в горящей золе и растирались в порошок между камнями белые муравьи. Базедов сообщает, что на северо-западе Южной Австралии жернова применяются и для разбивания костей, чтобы достать костный мозг. Верхним камнем (*мири*) была окатанная водой галька 8—10 см в диаметре, нижним (*чева*) — плоская каменная плита. При размолу семян движение верхним камнем производилось вперед и назад. Женщины переносили верхние камни с одной стоянки на другую. Нижние, более тяжелые камни, обычно оставались на месте стоянки, потому что в этом горном районе не трудно было найти другой плоский камень или скалу.¹¹⁶ В других местах женщинам иногда приходилось переносить и нижние тяжелые плиты.

Факты, относящиеся к размолу различных видов растительной пищи между камнями в северо-западной Австралии, были сообщены Петри.¹¹⁷ Он пишет о жерновах, для которых используются окатанные водой гальки. Такие жернова можно найти на месте каждой покинутой стоянки. Их употребляют не только для растирания съедобных корней и других видов растительной пищи, но и для растирания охры, для шлифовки каменных топоров, для затачивания костяных отжимников-ретушеров. В настоящее время эти камни являются основным вспомогательным оружием для затачивания железных наконечников копий.¹¹⁸

По словам Даусона, каждый мужчина в западной Виктории носил с собой кусок твердого пористого туфа, который употреблялся как абразивный материал для затачивания деревянных наконечников копий.¹¹⁹ В настоящее время аборигены центральной Австралии заостряют наконечники на плоском камне.¹²⁰

Для шлифования многочисленных деревянных предметов, затачивания острых костяных шпильев и т. д. австралийцы повсюду применяли необработанные куски камня, обычно песчаника.¹²¹ Для окончательной отделки деревянных орудий они предпочитали песчаник с примесью

¹¹³ J. Dawson, ук. соч., стр. 15.

¹¹⁴ А. Н. Максимов. Накануне земледелия. Уч. зап. Инст. истории, т. 3, М., 1929, стр. 31.

¹¹⁵ Там же, стр. 32.

¹¹⁶ H. Basedow. Anthropological notes made on the South Australian Government North-West prospecting expedition, p. 26.

¹¹⁷ H. Petri, ук. соч., стр. 36—37.

¹¹⁸ Там же, стр. 69—70.

¹¹⁹ J. Dawson, ук. соч., стр. 24—25.

¹²⁰ M. Gartrell, ук. соч., стр. 100.

¹²¹ H. Basedow. The Australian aboriginal, pp. 362, 365.

красной или желтой охры. Такой абразивный материал, шлифуя поверхность деревянного изделия, одновременно окрашивал ее, придавая ей красноватый оттенок, свойственный многим деревянным изделиям аборигенов Австралии. Охрой, смешанной с жиром, они окрашивали составные каменные орудия. Охра ценилась австралийцами не меньше, чем первобытными народами. В Австралии имелись карьеры для добычи охры. Один из карьеров находился в районе Уильямсвилля в Западной Австралии (область р. Мерчисон). Здесь возвышается высокий холм, на склоне которого была открытая разработка, шириной от 15 до 30 м и глубиной до 20 м. В глубине этой пещеры были вырыты еще более глубокие ходы, низкие и узкие тоннели, которые следовали за слоями красной и желтой охры. Охра добывалась с помощью тяжелых каменных молотов. Глыбы породы вытаскивались наружу и разбивались на куски. Приспосабливая во внимание сравнительно немногочисленное местное население и огромное количество добытой охры, — несколько тысяч тонн по приблизительным подсчетам. — Д. Дэвидсон, который исследовал этот карьер, полагает, что он разрабатывался на протяжении многих столетий.¹²² Возможно, что местному населению помогали другие племена австралийцев, пришедших из отдаленных областей страны за этим ценным минералом. Карьер разрабатывался до 1939 г.

ПРИМЕНЕНИЕ ОРУДИЙ ШЕСТОЙ ГРУППЫ

Последнюю, шестую группу классификации составляют орудия различного назначения, в большинстве своем еще невыясненного. Однако сюда входят и некоторые орудия, назначение которых известно, например, каменные орудия для добывания огня. Некоторые группы аборигенов Южной и восточной Австралии умели добывать огонь с помощью каменных орудий, хотя способ добывания огня трением дерева о дерево в XVIII—XX вв. в Австралии решительно преобладал. Во многих австралийских языках слова «огонь» и «дерево» восходят к одному корню,¹²³ и это, может быть, указывает на то, что добывание огня с помощью дерева имеет древнее происхождение. Однако существует предположение, что высекание огня было наиболее ранним способом его получения.¹²⁴ Маунтфорд и Берндт считают, что высекание огня как более примитивный способ предшествовало в Австралии добыванию его трением. Способ высекания огня упоминается и в легендах — его изобретение приписывается мифическим героям древности — ворогу и клыкохвостому орлу.¹²⁵

Для высекания огня австралийцы применили кусок железного пирита и камень, или, как в Новом Южном Уэльсе, круглую речную гальку, которая называлась *дьяльгуи*, т. е. «солнце». Применялся и прут, и особая магическая песня исполнялась для того, чтобы заставить искру зажечь его.¹²⁶

Рассмотренное выше производственное значение австралийских каменных орудий позволяет сделать некоторые обобщения.

В быту и культуре австралийцев деревянные орудия, имеющие большое хозяйственное значение, представлены значительным разнообразием

¹²² F. D. McCarthy. Australian aboriginal rock art, pp. 32—33.

¹²³ E. M. Carr, ук. соч., т. 1, стр. 33.

¹²⁴ Ф. Ф. Поршнев. 1) О древнейшем способе получения огня. Сов. этнограф., № 1, 1955, стр. 7—28; 2) Новые данные о высекании огня. Краткие сообщ. Инст. этнограф., вып. 23, 1955, стр. 59—67.

¹²⁵ C. P. Mountford and R. M. Berndt. Making fire by percussion in Australia. Oceania, v. 11, 1941, pp. 342—344.

¹²⁶ M. J. Calley. Firemaking by percussion on the East coast of Australia. Mankind, v. 5, № 4, 1957, pp. 168—171; D. S. Davidson. Fire-making in Australia. American Anthropologist, v. 49, № 3, 1947, p. 434.

форм. Они делались и делаются и теперь еще во многих районах Австралии каменными орудиями, в том числе самыми примитивными. Многие каменные орудия являются прежде всего деревообделочными инструментами. Следовательно, до появления орудий из металла на каменных орудиях в известной мере основывалось хозяйство австралийцев. Будучи деревообделочными инструментами, орудия использовались и для других, не менее важных целей. Конечно, среди рассмотренных нами орудий есть и узко специализированные типы. Однако для подавляющей массы австралийских орудий характерна относительная полифункциональность, т. е. использование орудия для нескольких, иногда весьма различных производственных функций, иначе — функциональная пераспеченность орудий. Такой характер многих австралийских орудий обусловлен примитивностью экономики и полукочевым образом жизни. Полифункциональность была свойственна также орудиям каменного века. Явление это — исторически развивающееся. На протяжении палеолита и неолита тенденция развития шла в направлении все большей специализации. «Орудия труда лишь на ранних ступенях развития имеют относительно широкое назначение, но в основе их развития лежит специализация и тенденция к монофункционализму».¹²⁷ Полифункциональность австралийских орудий, вероятно, соответствует полифункциональности орудий мезолита или раннего неолита. В австралийских орудиях сконцентрированы трудовой опыт и творческая мысль многих поколений, они развивались и совершенствовались.

Орудия австралийцев в большинстве своем изготовлялись индивидуально, но бывали исключения. В Южной Австралии над изготовлением копьёметалки одним и теми же каменными орудиями по очереди работало несколько мужчин, а над изготовлением корыта — по очереди и попарно — несколько женщин. Имеются и другие примеры совместного труда: в Квинсленде над изготовлением щита работают два человека, в северной Австралии несколько человек объединяются для изготовления выдолбленной лодки-однодеревки. Здесь взаимодействуют два фактора — характер орудий труда и характер предмета труда. С одной стороны — как, например, в случаях, описанных Маунтфордом и Лавом, — орудия труда настолько примитивны, что сделать ими в одиночку деревянную копьёметалку или корыто нелегко. С другой стороны, естественно, что трудоемкие процессы требуют совместного труда. В первобытном обществе совместный труд связан обычно не с изготовлением, а с употреблением орудий охоты и рыболовства. Тем не менее уже на этой стадии спорадически встречается кооперация труда и в изготовлении самих орудий.

Известны случаи разделения труда в изготовлении каменных орудий и в заготовке сырья для них. Иногда сырье заготавливалось группами, населяющими места его разработки, а сами орудия делались другими группами, которые получали его посредством межгруппового обмена. Известны также примеры возрастного и полового разделения труда в изготовлении орудий.

Индивидуальность изготовления и употребления орудий служила в первобытном обществе основой личной собственности на них.

IV. КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ АВСТРАЛИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Каменные орудия труда как важный элемент производительных сил тесно связаны с экономическими отношениями австралийского общества.

К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно подчеркивали значение средств производства как материального базиса каждой общественно-экономи-

¹²⁷ С. А. Семенов. Первобытная техника, стр. 23.

ческой формации, действующего на экономику, общественные отношения, идеологию.¹

Историко-материалистический метод требует рассмотрения производительных сил в диалектическом единстве с производственными отношениями. Этому преобладанию мы стремимся следовать в своей работе, учитывая специфику первобытнообщинного способа производства. В этой главе мы рассмотрим общественную сторону производства и применения каменных орудий.

ПОЛОВОЗРАСТНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

Одна из важных, но мало исследованных проблем австралийской этнографии — значение орудий труда в жизни австралийской общины, в частности в половом и возрастном разделении труда. Половозрастное деление труда — одна из основ экономики австралийского общества. В конечном счете половозрастное деление труда имеет физиологическую основу, оно «возникает вследствие половых и возрастных различий, т. е. на чисто физиологической почве».² На физиологической основе в связи с развитием производительных сил образуются социально-экономические наслоения. На разделении труда по возрасту и полу в австралийской общине основан, в свою очередь, авторитет взрослых мужчин — охотников и специалистов по изготовлению орудий.

а) Каменные орудия и половое деление труда

Жизнь семьи и общины у австралийцев основана на половом и возрастном разделении труда и экономическом сотрудничестве мужчин и женщин.³ «Главное занятие мужчин, — говорит Керр, — производство оружия и орудий для охоты, рыболовства, иногда для войны».⁴ Австралийские женщины — главные добытчицы средств пропитания для своей семьи и других мужчин локальной группы. Пища, добываемая женщинами, не только преобладает в количественном отношении, она, кроме того, добывается регулярно, тогда как успех на охоте зависит от удач и случая. Необходимые орудия женского собирательства — корыта и другие сосуды из дерева или коры, плетеные сумки и кожаные пакеты для выкапывания съедобных корней и т. п. В корытах или сумках женщины держат принадлежности для добывания огня и другие вещи, большей частью принадлежащие мужу.⁵ Там же или за поясом у женщины может находиться и каменный топор на рукоятке, теперь нередко заменяемый железным.

Каменный топор — в тех племенах, где он имеется в распоряжении женщины — полезное орудие женского собирательства и охоты на мелких животных. Взбираясь с помощью топора на дерево, женщина этим же топором расширяет дупло, чтобы достать наполненный медом улей диких пчел, рубит сучья, а при случае достает из дупла ящерицу, опоссума, бандикута.⁶ Пока одна женщина, стоя внизу, с силой бьет по стволу

¹ К. Маркс. Капитал, т. 1. М., 1955, стр. 187, 378; К. Маркс. Нищета философии. Партиздат, 1937, стр. 78; Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1951, стр. 108; Ф. Энгельс. Письмо Г. Штаркенбургу; К. Маркс и Ф. Энгельс. Набранные письма. Госполитиздат, 1947, стр. 469.

² К. Маркс. Капитал, т. 1. М., 1955, стр. 359.

³ В. М а л и н о в с к и. The family among the Australian aborigines. London, 1913, pp. 274—294; А. К н а б е н х а н с. Arbeitsteilung und Kommunismus im australischen Nahrungserwerb. Festschrift Ed. Hahn. Stuttgart, 1917, S. 74—106.

⁴ Е. М. С у р р. The Australian race, v. 1. Melbourne, 1886, p. 99.

⁵ G. G r e y. Journals of two expeditions of discovery in North-West and Western Australia, v. 2. London, 1841, pp. 266—267.

⁶ J. R. В. L o v e. Stone-age bushmen of to-day. London, 1936, pp. 66—68.

топором, другая, взобравшись наверх, ждет, когда послужанный опоссум покажется из дупла, чтобы убить его ударом топора или тяжелой паллицы.⁷ С помощью топора женщина отделяет от древесного ствола кору в том месте, где, по ее наблюдениям, скрываются большие съедобные древесные личинки, а потом извлекает их наружу сделанной из ветки далочкой с крючком.⁸ Топор, находящийся в распоряжении женщины, она получает от мужчины, который сделал его или выменял на другое орудие собственного изготовления.

В одной из работ Рональда и Катрин Берндт, посвященной аборигенам области Ульдеа, имеются две таблицы — в одной из них перечислены предметы, связанные с различными сферами мужской жизни и деятельности (религия, магия, повседневная жизнь, украшения и др.), в другой — предметы, связанные с жизнью и трудом женщины.⁹ Первая таблица значительно больше второй. В число предметов повседневного обихода мужчин входит несколько видов каменных орудий — каменный топор, четыре вида ножей и др., а среди многочисленных предметов религиозно-обрядового назначения имеется особый каменный нож. В число предметов повседневного обихода женщин входят только один вид каменного ножа, каменный жернов и «плоское каменное блюдо» (*дыива*), а предметов религиозно-обрядового назначения только два, из них один — тоже каменный нож. Все названные здесь каменные орудия женского труда (кроме последнего) предназначены для приготовления пищи. Среди них отсутствует топор — важнейший каменный инструмент.

Э. Хассел отмечает, что в юго-западной Австралии имелись мужские и женские ножи, любопытная аналогия мужским и женским ножам Северной Территории. Мужскими ножами были ножи-палы *таап* из острых осколков камня, вставленных в смолу. Женские ножи — инструменты более примитивные и архаичные, они состояли из палки с зубом келгуру на конце, вставленным в смолу. Имми свеживали дичь, скоблили шкуры, резали сухожилия.¹⁰

Разделение труда между полами овеществлено в долоте-копьеметалке как специфическом орудии мужского труда, связанном со многими сторонами деятельности мужчины-охотника, в мужских и женских ножах и других орудиях.

Имеется попытка провести аналогию между мужскими и женскими ножами у некоторых австралийских племен и мустьерскими остроконечником и скреблом. На этом основании проводится аналогия между мустьерским и австралийским обществами и делается вывод, что указанные мустьерские орудия тоже находятся в связи с межполовым разделением труда.¹¹ С. Н. Замятин, обоснованно критикуя подобный взгляд,¹² в то же время связывал создание мужских и женских форм орудий с запретами религиозно-магического характера.

Женские орудия в отличие от мужских иногда оказываются более примитивными или сделанными из вышедших из употребления материалов. В Полинезии женщинам разрешалось ловить рыбу только спо-

⁷ H. Petri. Sterbende Welt in Nordwest-Australien. Braunschweig, 1954, p. 28—29.

⁸ Там же, стр. 30; В. Р. Кабо. А. Л. Яценко и его путешествие в Австралию. Сов. этнограф., 1957, № 6, стр. 60.

⁹ R. and C. Berndt. A preliminary report of field work in the Ooldea region, Western South Australia. Oceania, v. 15, № 2, 1944, pp. 156—158.

¹⁰ E. H. Cassell—D. S. Davidson. Notes on the ethnology of the Wheelman tribe of South-Western Australia. Anthropos, 1936, Bd. 31, f. 5—6, p. 691.

¹¹ П. Н. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 220.

¹² С. Н. Замятин. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита. Сб. Проблемы истории первобытного общества. Тр. Инст. этнограф. им. П. Н. Миклухо-Маклая, т. 54, М.—Л., 1960, стр. 92.

собами, не требующими применения сложных снастей.¹³ У папуасов верховьев реки Мамберамо (горные области северо-западной Новой Гвинеи) имеется два вида каменных топорков. Первый — более примитивный, с продольно всаженным в топорнице клином — употребляется женщинами и связан с женским трудом, а второй — более совершенный, коленчатый, тесловидный — мужское орудие, связанное с мужским трудом.¹⁴ В этой группе папуасов, где межполовое разделение труда так ярко выражено в различии основных орудий труда, наблюдается, по словам С. А. Токарева, аналогичное австралийскому «архаическое деление на половозрастные группы».¹⁵

Таким образом, с одной стороны, женские и мужские орудия предназначены для определенных функций и связаны с естественным разделением труда, а, с другой, сложившиеся на основе разделения труда общественные отношения закрепляют и обуславливают различия между мужскими и женскими орудиями.

В австралийских общинах господствовали отношения равенства, солидарности и коллективизма, основанные на том, что труд мужчины и женщины был одинаково необходим для всего общества. Наряду с этим, как показывают многочисленные факты, мужчины в XIX—начале XX в. занимали руководящее общественное положение. Оно выражалось в том, что им принадлежало решающее слово во всех важных общественных делах, они контролировали общинную собственность, в какой бы форме последняя не выступала (земля, деревья, предназначенные для изготовления лодок, сами лодки, каменоломни и т. д.), в их руках находился обмен с другими группами, они руководили всеми важнейшими церемониями и общественными актами. Взрослые мужчины, прошедшие полный цикл обрядов посвящения, совершали тотемические обряды, в том числе обряды умножения производящих сил природы (интичума), от которых зависит, как они верили, изобилие пищи и рождение новых поколений людей, следовательно, сохранение и благополучие всего человеческого рода. Чем же объяснить руководящее положение мужчин?

Л. Уорнер, исследователь группы муриги в северо-восточном Арnhem-ленде, попытался объяснить это следующим образом: «У муриги мужчина располагает более сложными инструментами и оружием и пользуется более сложными техническими приемами в изготовлении и употреблении их, чем женщина. Соответственно и общественная ценность мужчины более высока, и его участие в обрядовой жизни отчасти обязано этому и отражает этот факт».¹⁶ Австралийские женщины проявляют не меньшее искусство в обработке растительной пищи — тоже очень сложном процессе.¹⁷ Но изготовление главных орудий производства и, за немногими исключениями, их употребление находится в руках мужчин.

А вот что наблюдала Ф. Каберри в Кимберли: «Изготовление вещей, требующих применения топора, долота, любая работа с камнем — все это падает на долю мужчин, за исключением разве только женских землякопалок, которые делают сами женщины... Все, что требует большого искусства и квалификации, делается руками мужчин».¹⁸ Э. Хас-

¹³ Народы Австралии и Океании. Под ред. С. А. Токарева и С. П. Толстова. М., 1956, стр. 586.

¹⁴ P. Wirz. Anthropologische und ethnologische Ergebnisse der Zentral Neu-Guinea Expedition. Leide, 1924, S. 107—108.

¹⁵ С. А. Токарев. Родовой строй в Меланезии. Сов. этнограф. № 2, 1933, стр. 49.

¹⁶ W. L. Warner. A black civilization. New York, 1937, pp. 6—7.

¹⁷ P. M. Worsley. The utilization of natural food resources by an Australian aboriginal tribe. Acta Ethnographica, t. X, part 1—2, Budapest, 1961, pp. 165—166.

¹⁸ P. M. Kaberry. Aboriginal woman — sacred and profane. London, 1939, pp. 163—165.

сел сообщает, что во время военных приготовлений женщины помогали мужчинам делать оружие — заготавливали осколки камня и смолу для «копий смерти».¹⁹ Но это — очень редкий факт, так как женщинам, как правило, строго запрещено участвовать в мужских работах. Лишь в особых условиях, когда европейцы привезли группу тасманийских женщин на необитаемый в то время о-в Кенгуру, женщины были вынуждены сами заниматься изготовлением каменных орудий.²⁰

Нам кажется правомерным связывать руководящее общественное положение мужчин с характером мужского труда, с его более высокой технической оснащенностью, с тем фактом, что в руках мужчин находилось производство и распоряжение основными орудиями труда.

Но это лишь одна сторона дела. Руководящая роль мужчин связана не только с производством орудий, но и с охотой. Продукты женского собирательства преобладают в количественном отношении и добываются регулярно. Однако мужская охота дает пищу более высокого качества, более калорийную, которая ценится выше. Охота нередко требует организмовых форм труда (в Австралии, где нет крупных животных, в меньшей степени, чем это было в Европе в эпоху палеолита). Социальное значение охоты проявляется и в другом — охотничья добыча делится в пределах локальной группы (и даже достается родственникам жены из другой группы), тогда как продукты женского собирательства предназначены прежде всего для своей семьи. Охота выступает, следовательно, как фактор социальных связей. Значение охоты, подобно производству орудий труда, также отражено в руководящей роли взрослых мужчин в общине.

Наконец, очень важным фактором является то, что мужчины связаны со своей общинной землей — источником всех материальных благ — и экономически, и по рождению, тогда как женщины (при господствовавшей у австралийцев в XIX—XX вв. патрилокальности) уходили в другие родовые общины или приходили из других общин.²¹ Отмеченные экономические причины в своей совокупности достаточно убедительно объясняют руководящее положение мужчин в австралийских общинах.

«С каждым жизненным этапом, через которые проходит мужчина, — писал Эдуард Эйр, — растут его знания и могущество, и, продвигаясь по ступеням жизненной лестницы, переходя из одной возрастной группы в другую, он получает право носить все новые виды орудий и оружия. Седобородые старики, как правило, носят самые важные орудия и оружие как для войны, так и для колдовства; многие из последних не разрешено видеть женщинам и детям, как например куски горного хрусталя, с помощью которых колдуны вызывают дождь».²² При этом Эйр отмечает, что наиболее влиятельные в общине люди — отнюдь не самые старые, но самые способные, опытные работники. «Во многих племенах, с которыми я был знаком, я часто замечал, что хотя люди, занимающие руководящее положение, были вообще старше мужчины в возрасте от сорока пяти до шестидесяти лет, они не всегда были самыми старыми. Они все еще были в полном расцвете физических и умственных сил. Это были люди, способные принять заметное участие как в труде, так и в совете. Я думаю поэтому, что степень уважения, оказываемая общинниками одному из них, и то внимание, с каким они выслушивают его мнение, зависят главным образом от его личных качеств — силы, мужества, энергии, благоразумия, искусства в работе и тому подобное».²³

¹⁹ E. Hassell—D. S. Davidson, ук соч., стр. 700.

²⁰ H. M. Cooper. The archaeology of Kangaroo island, South Australia. Records of the South Australian Museum, v. 13, № 4, 1960, p. 489.

²¹ А. Элькин. Коренное население Австралии. М., 1952, стр. 53—54, 56, 84.

²² E. J. Eyre. Journals of expedition of discovery into Central Australia, v. 2. London, 1845, pp. 315—316.

²³ Там же, стр. 316—317.

У. Бакли, проживший среди аборигенов двадцать два года, сообщает, что «они не признают никаких вождей, стоящих выше других; но наибольшим уважением у них пользуется самый искусный и полезный для всей общины человек».²⁴ Рот отмечает, что в Квинсленде общественное положение мужчины зависит как от прохождения им обрядов посвящения, так и от его «физического развития».²⁵ Экспедиция 1948 г. исследовала жизнь двух локальных групп в Арnhemленде — на материке и на о-ве Гроте Эйладт. Глава одной из групп был мужчиной 35—40 лет, «опытный мастер», который не ходил на охоту с другими мужчинами, но чинил копья и копьеметалки и умел искусно насаживать на топорике каменные топоры. Из охотничьей добычи, которую приносил в столицу другие мужчины, он получал всегда большую и лучшую часть. Группу охотников возглавлял другой, более молодой мужчина, опытный охотник. Глава второй группы был человек 30—40 лет, «искусный мастер и рыбовлов», обладающий к тому же «сильным характером».²⁶

Общественное положение мужчины повышается с возрастом, с переходом его из одной возрастной группы в другую, сопряженным с правом делать и владеть все новыми орудиями труда, т. е. в связи со все более увеличивающимся участием в общественном производстве. Общественное положение австралийской женщины определяется рождением ею детей. Оно возрастает сразу после рождения ею первого ребенка и достигает наибольшей высоты после рождения троих детей.²⁷

В буржуазном австраловедении говорится часто о геронтократии, «власти стариков». Термин этот неудачен, потому что в австралийском обществе отсутствуют отношения господства и подчинения. Кроме того, раскрытие экономической сущности этого явления приводит к выводу, что руководящее положение в общине занимают люди не в силу их возраста самого по себе, а благодаря накопленным с годами знаниям, опыту, способностям, дающим им возможность более заметного участия в общественном производстве. Поэтому-то люди, которые находятся в расцвете своих сил и способностей как полезные члены трудовой общины, и пользуются в ней влиянием. Наряду с ними пользуются влиянием и старики, как хранители производственного опыта. На это явление обратил внимание М. О. Косвен, который отметил, что у австралийцев производство оружия и магических предметов сосредоточено в руках людей старшего возраста. Именно они «являются специалистами в области примитивного ремесленного искусства». Более того, они «оказываются и монополистами этого дела». «Таким образом, — резюмирует Косвен, — сохраняя за собой руководящую роль в организации средств к существованию, старики к тому же еще как бы держат в своих руках «производство орудий производства», уступая их молодежи и получая от них пищу. С другой стороны, пуская свои изделия в обмен, старики оказываются накопителями новых благ и ценностей».²⁸

Одним из следствий руководящего положения взрослых мужчин в общественной жизни является «монополизация» ими женщин. На о-ве Гроте Эйладт, например, 74% всех женщин были женами мужчин

²⁴ E. M. Curr, *ук. соч.*, т. 1, стр. 65.

²⁵ W. E. Roth, *North Queensland ethnography. Bulletin № 18. Social and individual nomenclature. Records of the Australian Museum, v. 8, Sydney, № 1, 1910, p. 97.*

²⁶ F. D. McCarthy and M. McArthur. *The food quest and the time factor in aboriginal economic life. Records of the American-Australian scientific expedition to Arnhem Land, v. 2. Melbourne, 1960, pp. 148, 151, 153, 178—181.*

²⁷ C. P. Mountford and Alison Harvey. *Women of the Adnjamatana tribe of the Northern Flinders Ranges, South Australia. Oceania, v. 12, № 2, 1941, p. 156; R. Piddington. Karadjeri initiation. Oceania, v. 3, № 1, 1932, p. 46.*

²⁸ М. О. Косвен. Первобытная власть. Революция права, 1929, № 2, стр. 89.

в возрасте от 30 до 50 лет.²⁹ Авторитет и руководящая роль на Гроуте Эйландт, — по словам Ф. Роза, — «принадлежали не старикам-геронтам, но мужчинам в возрасте 30—50 лет».³⁰ Есть основания полагать, что так было и в других частях Австралии. Именно эта возрастная группа является наиболее трудоспособной, и на ее труде основывается экономическая жизнь общины.

Следует отметить, что специализация людей преклонного возраста в изготовлении орудий была нередко результатом неспособности их к продуктивному, систематическому участию в охоте или рыбной ловле. Говоря о руководящей роли взрослых полнопосвященных мужчин, мы связываем ее с интенсивным участием их в сфере производства в целом, куда входит наряду с изготовлением и распоряжением основными орудиями труда, в первую очередь каменными, участие и в других отраслях производства, прежде всего в охоте.

б) Каменные орудия и возрастное разделение труда

Возрастное разделение труда, закрепленное обрядами посвящения (посвящения), подобно половому разделению труда отражено в изготовлении каменных орудий, в частности наконечников из Кимберли.

С изготовлением наконечников связаны некоторые ограничения. В племени ворора мальчикам и юношам, еще не прошедшим обрядов посвящения, не разрешается делать эти ценные орудия, которыми австралийцы так гордятся.³¹ «Хотя искусству изготовления каменных наконечников аборигены учатся уже в ранней юности, — пишет А. Ломмель, исследователь племени вуамбаль, живущего севернее ворора, — однако производить законченную отделку наконечников разрешается им только после прохождения церемонии посвящения».³² О том же сообщает в описи переданных им в МАЭ предметов и собиратель колл. № 2159 И. Ляурель.

Петри рассказывает, что в племени уггариппин, соседнем с ворора, каждый охотник уже в ранней юности учился делать наконечники, однако только немногие славились своим умением делать особенно тонкие и красивые.³³ Не только различие в материалах, но и различие в навыках, умении — причина того, что ни один наконечник не похож на другой.

Все, кто наблюдал применение этих наконечников, единодушно отмечают их хрупкость и недолговечность. «Нужно удивляться трудолюбию этих людей, когда убеждаешься, что наконечник копы в девяносто девяти случаях из ста пригоден только для одного броска, потому что хрупкий камень ломается немедленно, стоит только ему удариться о что-либо твердое, как например о кость животного или землю».³⁴ «Удивительно, что так много труда затрачивается на предмет, которому суждена такая короткая жизнь», — пишет другой автор.³⁵ Австралийцам приходится все время изготавливать новые и новые наконечники.³⁶

Чем же объяснить, что, несмотря на такую хрупкость и недолговечность каменных наконечников, племена Кимберли так упорно занимались их изготовлением, посвящая этому так много времени и труда, совершенствуя свою технику, доводя ее до ювелирной точности? Почему

²⁹ F. Rose. Classification of kin, age structure and marriage amongst the Groote Eylandt aborigines. Berlin, 1960, pp. 91 и 100.

³⁰ Там же, стр. 183.

³¹ J. R. B. Love, ук. соч., стр. 74—75.

³² A. Lommel. Die Unambal. Hamburg, 1952, S. 1.

³³ H. Petri, ук. соч., стр. 49.

³⁴ H. Basedow. The Australian aboriginal. Adelaide, 1925, p. 370.

³⁵ J. R. B. Love, ук. соч., стр. 75.

³⁶ A. Lommel, ук. соч., стр. 1.

эти накопечники так ценятся? Прежде всего потому, что они сохраняют свое хозяйственное значение — австралийцы все еще ходят с ними на охоту, иногда отказываясь даже от копий с железными накопечниками на том основании, что они «слишком тяжелы». ³⁷ Наряду с этим имеет значение и тот факт, что выдающееся мастерство, достигнутое в изготовлении накопечников, высоко ценится обществом. Умение делать накопечники лучше других выделяет человека в общине, орудует его общим уважением и почетом. На это обратил внимание С. Портгес. ³⁸

В любой австралийской общине «мы видим не только работу ради работы, а настоящую гордость своим мастерством — любая работа делается хорошо и доводится до конца». ³⁹ Выдающиеся мастера и художники, охотники и знахари занимают влиятельное положение в общине. Их влияние и авторитет австралийцы стремятся закрепить и санкционировать. Заниматься изготовлением каменных орудий, особенно таких, которые требуют большого искусства, разрешено только полноправным мужчинам, а юноши, не прошедшие обрядов посвящения, могут производить только низшую стадию работы — предварительную заготовку орудия. Этой мерой стремились, по-видимому, еще более упрочить влиятельное положение полноправных взрослых мужчин. Обряды посвящения выступают как общественные действия, одна из целей которых — утвердить и оградить влияние взрослых квалифицированных охотников и мастеров в общине.

Приведем другие примеры возрастного разделения труда в изготовлении орудий. Тиндаль рассказывает о том, что в племени ингура (о-в Гроуте Эйландт) старики большую часть своего времени проводили в изготовлении копий — главного оружия этого племени, причем на излишки выменивали в племя материка охру и орудия из кварцита, так как на острове отсутствует камень, пригодный для орудий. Старики сами не добывали пищу, а получали ее от женщин и молодежи. И только когда пищи не хватало, они отправлялись на рыбную ловлю. ⁴⁰ Старики и вообще люди, неспособные из-за болезни или увечья охотиться или ловить рыбу, обычно остаются в становище и занимаются изготовлением орудий и оружия, за что вознаграждаются пищей, одеждой, табаком и другими вещами. ⁴¹ Перед нами, следовательно, пример сотрудничества молодых и стариков, основанного на возрастном разделении труда.

Переход из одной возрастной группы в другую, из группы подростков в группу взрослых мужчин сопровождался обрядами инициации. Посвящаемые, переходя из одной возрастной группы в другую, проходили через несколько степеней посвящения, и в некоторых племенах это продолжалось с детства до седых волос.

Обрядам инициации посвящена большая литература, в которой освещены различные стороны этого сложного общественного явления. ⁴² Здесь, в связи с темой нашей работы, мы хотели бы обратить внимание лишь на одну, но важную сторону этих обрядов — на их экономическое значение в жизни австралийской общины. Одним из следствий перехода из одной

³⁷ Там же, стр. 2.

³⁸ S. D. Porteus. The psychology of a primitive people. New York, 1931, pp. 112—113.

³⁹ L. Sharp. Ritual life and economics of the Yir-Yoront of Cape York Peninsula, Oceania, v. 5, 1934, p. 37; F. D. Mc Carthy. Australia's aborigines. Melbourne, 1957, p. 82.

⁴⁰ N. B. Tindale. Natives of Groote Eylandt and of the West coast of the Gulf of Carpentaria. Records of the South Australian Museum, v. 3, № 1, 1925, pp. 82, 97.

⁴¹ L. Sharp, ук. соч., стр. 37.

⁴² См. например: H. Webster. Primitive secret societies. New York, 1903, pp. 83—86; H. Schurtz. Altersklassen und Männerbünde. Berlin, 1902, pp. 141—151; A. van Gennep. Les rites de passage. Paris, 1909; С. А. Токарев, см. Народы Австралии и Океании, стр. 176 и далее.

возрастной группы в другую было приобщение к более квалифицированному, интенсивному производительному труду. Отсюда и более влиятельное, более привилегированное положение работников. В обрядах инициации этот важный для первобытной общины переход из одной общественной группы в другую осуществлялся ритуально.

Как мы уже сказали, только после обрядов инициации юноши допускаются к изготовлению каменных орудий. Экономическое значение инициации подтверждается и другими фактами.

Воспитание будущего охотника начинается еще в детстве, когда дети упражняются в метании длинных палок, которые заменяют им копья, или пружечных копий и бумерангов, или делают первые опыты в обработке камня. Но только после обрезания, как первой ступени инициации, юноше вручается первое в его жизни настоящее копье и он впервые принимает участие в охоте. Это символизируется торжественным актом — дарением охотничьего оружия во время обряда инициации, о чем рассказывает Б. Смит: «Знахари племени берут каждого мальчика и держат его некоторое время вниз головой над огнем. После этого, с большой торжественностью, мальчику дарят пояс из шкуры opossum и затем каждому дают палицу *нулла нулла*, бумеранг, копье и т. д. В это время другие аборигены выслушивают битву, охоту, ловлю рыбы острогой и другие занятия, для которых служит оружие, вручаемое юношам».⁴³ В западном Кимберли каждый молодой человек, вступающий в число полноправных охотников и мастеров, после прохождения операции обрезания как первой и самой важной ступени инициации, в уединении лесного лагеря, куда не допускаются женщины и дети, посвящается старшими мужчинами в искусство изготовления возвращающихся бумерангов.⁴⁴ «Отец не дает охотничьего оружия мальчику, пока ему не исполнится 15—16 лет. В этом возрасте он получает перья какаду в знак достижения им новой стадии посвящения и его обучают всем мужским техническим приемам».⁴⁵ Подобно тому как мальчики не делают копий до прохождения обрядов посвящения, девочкам не разрешается плетение сумок, — работа, требующая довольно большого искусства, — до достижения ими зрелости.

Религиозно-магический характер инициации, по-видимому, связан с важными общественно-экономическими последствиями перехода из одной возрастной группы в другую. Группа взрослых мужчин, посвятивших себя изготовлению орудий труда и охоте, претендует вследствие этого на ряд общественных привилегий, на обладание известными правами, на руководство общественной жизнью. Это свое положение в общине они закрепляют религиозно-магическими санкциями — обрядами инициации.

Наряду с преподаваемым юношам знаниям и навыкам в период посвящения на них накладывается множество ограничений, особенно в пище; более того, они обязаны слабеть пищей стариков. Конечно, ни о какой «эксплуатации» молодежи стариками здесь не может быть речи. Это система взаимных услуг: старшие мужчины получают эти услуги за те знания и опыт, которые они передают молодежи. Это — система предписанного обычая сотрудничества, способствующая сохранению, преемственности культурного опыта и устойчивости общины.

А. Кнабенхис рассматривал охоту как вид деятельности, основанный на применении сравнительно высокой техники и, вследствие этого, на

⁴³ R. B. Smyth. The aborigines of Victoria. London—Melbourne, 1878, v. 1, стр. 72.

⁴⁴ H. Petri. Geographisches Weltbild und zwischenstammliche Handelsverbindungen nordwestaustralischer Eingeborenen-Gruppen. Wiener Völkerkundliche Mitteilungen, Bd. 2, № 1—4, Wien, 1959, S. 15.

⁴⁵ P. M. Kaberry, ут. соч., стр. 162—163.

традиционных приемах и навыках, которые могут быть переданы из поколения в поколение только путем обучения или подражания.⁴⁶ Этот критерий с полным правом можно применить и к изготовлению орудий — производственной деятельности, основанной на традиционных навыках, которым последующие поколения обучаются у своих отцов. По своему культурному значению изготовление орудий следует поставить выше охоты, ибо, делая орудие, человек преодолевает «косную» материю и создает из нее предмет, в который вложена его творческая мысль. Изготовление орудий — это производство средств производства, основное звено в системе производства.

в) Начатки индивидуальной специализации

Возникновение индивидуальной специализации в изготовлении орудий в Австралии почти не изучено, однако немногочисленные факты все же свидетельствуют о том, что это явление уже возникло и находится в непосредственной связи с половозрастным разделением труда. У оз. Эйр, как сообщают Гори и Эстон, «в старые времена, до появления здесь белых людей, почти все оружие и все каменные орудия делались стариками. Молодые люди и женщины заботились о снабжении всей группы пищей. Старики садились у какого-либо источника, где был запас камня для орудий и дерева для оружия, и посвящали их изготовлению все свое время. Не все были хорошими производителями оружия. Некоторые специализировались в изготовлении каменных изделий и обычно только этим ограничивались. Очень часто работник специализировался в изготовлении только одного вида орудий и не делал ничего больше».⁴⁷

В стойке у Теннант Крик, по свидетельству Б. Спенсера, был один человек средних лет, особенно искусный в изготовлении напеченных каменных топоров; почти все свое время он посвящал этому занятию.⁴⁸ «Каменные топоры, подобно кремневым накопечникам, — пишет Д. Томсон, — делаются из особого камня, который встречается только в некоторых районах; и тогда как любой человек, который пользуется топором, может его наточить, само орудие обычно делается первоначально мастером-специалистом по обработке камня, живущим в той области, где этот камень встречается и откуда изделия из него распространяются посредством системы обрядового обмена».⁴⁹ Своему искусству этот человек учится у отца, а изделия свои он накапливает в качестве *геры*, т. е. предметов, предназначенных для будущих обменных операций. В группе, живущей у карьера вблизи р. Уолкер, в восточном Архемленде, «только один или два человека» умели делать наконечники *леулира*, которые так ценятся австралийцами.⁵⁰ Косвенным признаком специализации являются сорти великоколпно обработанных каменных орудий, обнаруживаемые археологами в некоторых стойках. Более многочисленны сведения о специализации в других областях производства.⁵¹

Специализация была одним из факторов прогресса, источником новых изобретений. Изобретение же новых форм, усовершенствование и модифи-

⁴⁶ A. Knabenhans, ук. соч., стр. 105—106.

⁴⁷ G. Horne and G. Aiston. Savage life in Central Australia. London, 1924, pp. 105—106.

⁴⁸ B. Spencer. Wanderings in wild Australia, v. 2. London, 1928, p. 496.

⁴⁹ D. Thomson. Economic structure and the ceremonial exchange cycle in Arnhem Land. Melbourne, 1949, pp. 86—87.

⁵⁰ D. Thomson. Interim general report of preliminary expedition to Arnhem Land, Northern Territory of Australia. 1935—1936. Canberra, 1936, p. 37.

⁵¹ Н. А. Бутинов. Разделение труда в первобытном обществе. Сб. «Проблемы истории первобытного общества». Тр. Инст. этнограф. им. П. П. Мажухо-Мажула, т. 54, М.—Л., 1960, стр. 124—125.

кация старых — одна из главных причин того разнообразия, того обилия локальных особенностей, которые так характерны для австралийской материальной культуры и в частности для каменных орудий. Изобретательность австралийцев проявляется в использовании одного предмета (например, копьеметалки) для многообразных целей, в создании орудий, хорошо приспособленных к их образу жизни (например, топор *кодья*) и т. д.

Конечно, специализация внутри австралийской общины далека от тех развитых форм наследственной ремесленной специализации, которые известны, например, в Полинезии. Специализация в австралийской общине — это ранняя форма специализации, характерная для первобытно-общинного строя и основанная на половозрастном разделении труда. В австралийских общинах индивидуальная специализация в отличие от групповой — явление все же сравнительно мало распространенное. Это — лишь высшее развитие тех традиционных навыков, которые каждый молодой член общины усваивает у взрослых, переходя из одной возрастной группы в другую. Такая специализация основана на умении особенно ловко, искусно делать то, что умеют делать почти все люди той же возрастной группы и что все они могут делать после прохождения обрядов посвящения. В некоторых случаях специализация возникает на основе различия природных условий, в местах размещения сырьевых ресурсов. Но это более характерно для происхождения групповой специализации, о чем будет сказано ниже (см. стр. 78).

СОБСТВЕННОСТЬ НА ОРУДИЯ ТРУДА

Проблема собственности на средства производства у австралийцев включает два вопроса: собственность на орудия труда и собственность на землю локальной группы (то есть группы родственничков, владеющих частью племенной территории и сообща ведущих хозяйство). Рассмотрим собственность на орудия труда в австралийском обществе.

Во время как собственность на землю в виде кормовых угодий локальных групп выступает в австралийском обществе как собственность коллективная (групповая), орудия труда, как правило, являются объектом индивидуальной (личной) собственности. «Оружие, орудия, украшения и так далее... составляют, как правило, личную собственность».⁵² Д. Томсон пишет о «безусловном признании прав человека пользоваться и распоряжаться своей собственностью... Никому и в голову не придет воспользоваться чужим оружием или иными предметами, находящимися в личной собственности другого, без особого разрешения».⁵³

Правда, имеются сообщения, которые показывают, что в действительной жизни дело обстоит не всегда так прямолинейно. Так, миссионер Тэплин писал: «Внутри рода нет личной собственности, — все орудия, оружие и т. д. принадлежат всем членам рода коллективно; каждый рассматривает их как собственность его рода... Если у него есть какое-либо оружие, или сеть, или лодка, которые в известном смысле являются его собственными, он знает, что его собственность на эти предметы подчинена верховным правам его рода».⁵⁴ В этом случае выступает двойственный характер собственности: вещи находятся одновременно и в личной, и в групповой, общественной собственности.⁵⁵ Следовательно, не существует неограниченного права личной собственности на какие-либо пред-

⁵² E. M. Gurr, ук. соч., т. 1, стр. 66.

⁵³ D. Thomson. Economic structure and the ceremonial exchange cycle in Arnhem Land, pp. 54—55.

⁵⁴ G. Taplin. The folklore, manners, customs and languages of the South Australian aborigines. Adelaide, 1879, p. 11.

⁵⁵ W. Mannzen. Die Eingeborenen Australiens. Berlin, 1949, S. 51—52.

меты. И все же личная собственность «в известном смысле», по выражению Тэплина, является фактом, как это видно из сообщений корреспондентов Тэплина и даже его собственных в других местах его книги. Беглый каторжник У. Бэккл, например, был принят австралийцами за их умершего вождя не только потому, что он был белый («как мертвец» или «как дух»), что его рост соответствовал росту покойного, но и потому, что в его руке было копье умершего вождя, которое в их глазах ассоциировалось с личностью последнего, было непосредственно связано с нею. «Оружие иногда погребается вместе с мертвым», — пишет Хольден о племени мароура (Нижний Дарлинг).⁵⁶ «Право собственности переходит по наследству от отца к сыну или ближайшим мужским родственникам, если нет сыновей», — пишет Тэплин о племени париньери.⁵⁷ «Имущество, составляющее собственность умершего, наследуется самими влиятельными родственниками», — говорит Гэсон о диери.⁵⁸ В племени нимбалда «имущество умершего сжигается»,⁵⁹ в племени аптакеринья «собственное имущество покойного, будь то мужчина или женщина, или сжигается, или выбрасывается». ⁶⁰ У вараманга и других племен Северной Территории личное имущество умершего человека переходило в собственность других мужчин — братьев матери или мужей его дочерей.⁶¹ В Квинсленде имущество умершего — бумеранги, копья и т. д. — погребалось вместе с ним или сжигалось, или, очень редко, делилось между его братьями.⁶² В юго-восточной Австралии орудия, оружие и другие вещи, за немногими исключениями, сопровождали мертвых в могилу или уничтожались.⁶³ Сохранялись только самые ценные орудия — каменные топоры. У курнап каменные топоры не закапывались в землю с мертвыми, а наследовались по мужской линии.⁶⁴ У юго-западных кулпи и буандик почти все, что принадлежало человеку при жизни, погребалось вместе с ним, за исключением каменных топоров, которые наследовались ближайшими родственниками.⁶⁵ Имущество умершего мужчины, если оно не уничтожилось, наследовалось его братьями или сыновьями, а умершей женщины — ее сестрами и дочерьми или же детьми ее сестры.

В родовом обществе в основе личной собственности на орудия лежит индивидуальность их изготовления (соответственно вложенный в орудия труд) и использования. «Каждый является собственником изготовленных и употребляемых им орудий», — говорит Ф. Энгельс об индейцах северной Америки, — мужчина — собственник оружия, охотничьих и рыболовных принадлежностей, женщина — домашней утвари.⁶⁶ «То, что делается и используется сообщца, — пишет Энгельс далее, — составляет общую собственность: дом, огород, лодка».⁶⁷ То же мы наблюдаем и у австралийцев. О личной собственности мужчин и женщин на многие предметы, которые, в случае необходимости, женщины заимствуют у мужчин, или наоборот, пишет Л. Шарп.⁶⁸ У муригин орудия пахотятся в личной собствен-

⁵⁶ G. T a p l i n, ук. соч., стр. 27.

⁵⁷ Там же, стр. 37.

⁵⁸ Там же, стр. 72.

⁵⁹ Там же, стр. 88.

⁶⁰ Там же, стр. 90.

⁶¹ B. S p e n c e r and F. J. G i l l e n. The Northern tribes of Central Australia. London, 1904, p. 617.

⁶² W. E. R o t h. Ethnological studies among the North-West-Central Queensland aborigines. Brisbane—London, 1897, p. 164.

⁶³ W. S c h m i d t. Das Eigentum in den Urkulturen. Münster, 1937, S. 260—261.

⁶⁴ A. W. H o w i t t. The native tribes of South-East Australia. London, 1904, p. 249.

⁶⁵ J. D a w s o n. Australian aborigines. Melbourne, 1881, стр. 63.

⁶⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1953, стр. 164.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ L. S h a r p, ук. соч., стр. 38.

ности мужчин или женщин; но предмет, сделанный трудом нескольких человек, составляет коллективную собственность.⁶⁹ В восточной и северной Австралии каждая семья владела одной или несколькими лодками из коры, так как их нетрудно сделать силами каждой семьи, но долбленые лодки на и-ове Йорк и в Арихемленде принадлежали нескольким братьям, или братьям и их отцу, или всей локальной группе, потому что их изготовление требовало большого труда и умения, помощи мастера-специалиста, а последний вознаграждался за свой труд из общих средств.⁷⁰

Работа каменными орудиями, изготовленные с их помощью других орудий требовали иногда объединения трудовых усилий, т. е. простой трудовой кооперации, и разделения труда (молодежь производила одну стадию обработки, а взрослые следующую; сырье заготавливалось и поставлялось одной локальной группой, а орудия производились другими группами). Орудия, как правило, находились или в собственности их производителей, полнопосвященных мужчин, или в собственности тех, к кому они поступили в силу родственных (внутрисемейных и внутригрупповых) отношений (от мужа к жене, от взрослых членов группы ее молодым членам) или межгрупповых обменных отношений.

Б. Спенсер пишет, что, за очень редкими исключениями, женщины известных ему австралийских племен не делают, не владеют и не пользуются каменными орудиями, кроме зернотерок. Единственное исключение — племена вараманга и кайтитж, где очень немногие женщины владеют прубыми каменными ножами, употребляемыми главным образом для свеживания животных. В личной собственности женщин находятся только копательные палки, боевые палицы и заостренные обломки дерева и кости, которые используются как шилья и иглы.

Камень для размалывания растительной пищи и затачивания топоров обычно принадлежит всей локальной группе или отдельным входящим в нее семьям.⁷¹ Вероятно, семейная собственность на эти орудия связана с тем, что пользуются ими и женщины, и мужчины. У всех групп Северной Территории жернова принадлежали не каждой женщине в отдельности, но в совокупности обитателям каждой *миа миа*, т. е. хижин.⁷² В австралийской хижине обычно обитала отдельная семья. То же наблюдалось и в юго-восточной Австралии: «Жернова передаются от поколения к поколению, сохраняясь в той семье, которой они впервые принадлежали».⁷³

Не все мужчины имели одинаковые права собственности на орудия. Различия были сопряжены с прохождением определенных стадий посвящения (интервалы между которыми растягивались на годы). Выше было приведено интересное сообщение Эйра, который обратил внимание на то, что «с каждым жизненным этапом» мужчины получают право «носить» новые виды орудий и оружия и что самыми важными орудиями располагают старшие. В группах, где хороших каменных орудий было мало, они принадлежали тем, кто занимал руководящее положение в группе. Книг обратил внимание на то, что за поясами из шкуры опоссума, — а этими поясами обладали только немногие люди, занимавшие, по его наблюдению, особое положение в группе, — находились топоры и ножи.⁷⁴ «Каменный топор — орудие настолько ценное и редкое, что он обычно нахо-

⁶⁹ W. L. Warner, ук. соч., стр. 146—147.

⁷⁰ F. D. McCarthy. Australia's aborigines, p. 104.

⁷¹ P. M. Kaberry, ук. соч., стр. 162—165.

⁷² B. Spencer. Wanderings in wild Australia, v. 2, pp. 495—496.

⁷³ K. Langloh Parker. The Euahlayi tribe. London, 1905, p. 117.

⁷⁴ P. P. King. Narrative of a survey of the intertropical and Western coasts of Australia, v. 2. London, 1827, p. 144.

дится в собственности вождя племени».⁷⁵ Последний, по словам Даусона, снабжает топором «лучших верхолазов», которые пользуются им для того, чтобы взбираться на деревья. Если и внести в сообщение Даусона необходимую, с нашей точки зрения, поправку, которая заключается в том, что следует, очевидно, говорить не о «вожде племени», так как австралийские племена никогда вождей не имели, а о главе локальной группы, — смысл сообщения, во всяком случае, от этого не изменится.

Рассмотрим случаи групповой собственности на разработки камня. В собственности групп находятся места добычи камня в Архемленде, где выделяются клинки *лэилера*. По сообщению Спенсера и Гиллена, каменоломни, где добывали камень для топоров люди из племени араида, находились в собственности мужчин отдельных локальных групп, и без разрешения собственников никто не мог взять оттуда камень.⁷⁶ Местоположение каменоломни, снабжавшей камнем обширную область Квинсленда, держалась одной из локальных групп в тайне, так как камень представлял очень ценный предмет обмена.⁷⁷ В групповой собственности находились каменоломни и в других местах Австралии. «Эти запасы, — пишет Г. Базедов, — обычно принадлежали не всему племени, но находились в собственности ограниченного числа мужчин, которым они достались по наследству».⁷⁸ А. Хаунтт сообщает, что карьер у горы Вильям в Виктории находился в наследственной собственности семьи, которая занималась разработкой камня.⁷⁹ Хаунтт сообщает и о другом случае семейной собственности на каменный карьер, тоже в Виктории.⁸⁰ Соседние общины, приходившие за камнем, приносили что-нибудь в обмен за него, в противном случае это приводило к конфликтам. Об одном из таких конфликтов рассказывает Хаунтт.⁸¹ Собственники карьера обвинили одного из членов соседней общины в том, что он взял камень без разрешения, и добавили, что когда какой-либо общине необходим камень, старики должны уведомить об этом собственников карьера. Преступления против племенных прав судит совет старейшин. На этом совете и был улажен инцидент.

В собственности на разработки камня мы находим полную аналогию групповой собственности на промысловые охотничье-собираТЕЛЬСКИЕ территории австралийских локальных групп. Охотиться на этих территориях может только та локальная группа, которой данная область принадлежит, а соседние группы — только с разрешения или по приглашению коллективного собственника земли. Собственность на землю у австралийцев — это в сущности собственность на те объекты на ней, которые обладают в их глазах потребительной ценностью: на охотничью дичь, рыбу в водоемах, полезные растения, на охру и камень для орудий.⁸²

То, что Хаунтт в приведенных выше сообщениях называет «семьей», в действительности, по-видимому, является небольшой локальной группой. «Локальная группа собирателей пищи и охотников состоит из нескольких семей, связанных узлами кровного родства», — пишет Элкин.⁸³ Локальная группа, — «важнейшая хозяйственная единица», по словам Маккарти, — состоит, как правило, из двух-четырех родственных семей,

⁷⁵ J. Dawson, ук. соч., стр. 24.

⁷⁶ B. Spencer and F. J. Gillen. The native tribes of Central Australia. London, 1899, p. 590.

⁷⁷ N. W. Thomas. Natives of Australia. London, 1906, p. 50.

⁷⁸ H. Bazedov, ук. соч., стр. 362—363.

⁷⁹ A. W. Howitt, ук. соч., стр. 311—312.

⁸⁰ Там же, стр. 689.

⁸¹ Там же, стр. 340 и сл.

⁸² Г. Ф. Хрустов. К вопросу об отношениях собственности в первобытном обществе. Сов. этнограф., № 6, 1959.

⁸³ A. P. Elkin. The Australian Encyclopaedia, v. 1, p. 14.

владеющих своей территорией со всеми ее ресурсами.⁸⁴ Неудивительно, что такая группа может показаться постороннему наблюдателю одной семьей, да и фактически это иногда бывало. В центральной Австралии, например, с ее крайне скудными природными ресурсами, группы, бродящие по своей территории в поисках пищи, состояли иногда из одной или двух семей.⁸⁵ Все это объясняет, с какого рода собственностью мы здесь имеем дело и кто выступает здесь субъектом собственности. Сырье для орудий труда находилось, таким образом, в собственности основных производственных коллективов — локальных групп. Распорядителем этой собственности выступало взрослое мужское население этих групп.

Обнажения каменного сырья для орудий (так же как и охры) служили для локальной группы важным источником предметов обмена, и контроль над ними принадлежал старшим мужчинам и главам групп.⁸⁶ Глава группы — *primus inter pares*, «первый среди равных» в обществе старших полнопосвященных мужчин, но самый влиятельный, способный и авторитетный. Его влиянию и авторитету в общине иногда способствует еще и то, что он бывает и знахарем.⁸⁷ Он распоряжается каменоломней и контролирует межгрупповой обмен, магически воздействует на произрастание основных источников пищи и «вызывает» дождь, руководит обрядами посвящения, короче, все жизненно важные для группы функции оказываются сосредоточенными в его руках. Влияние такого человека, как пишет Хаунт, имеет тенденцию становиться наследственным.⁸⁸ Хаунт отмечает, что глава делил внутри своей группы вещи, полученные от других племен, и что мужчины его группы были обязаны снабжать его пищей и «делать ему подарки» в виде каменных топоров, ножей и т. д.⁸⁹ Мне кажется правильным рассматривать это сообщение как свидетельство того, что главы групп не только распоряжались основными орудиями труда, но и что они как бы находились в центре межгруппового обмена и через их руки проходили основные материальные ценности.⁹⁰

ГРУППОВАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ И МЕЖГРУППОВОЙ ОБМЕН

Каменные орудия, как показывают факты, далеко не всегда делает каждый для себя, и они очень часто находятся в собственности не тех, кто их сделал. Причина этого — разделение труда как внутри локальных групп, так и особенно между ними. Следствием такого разделения труда является обмен.

Обмен имел для австралийцев важное экономическое значение. Благодаря обмену готовые изделия и сырье распространялись на сотни километров, пересекая иногда весь континент. В обмен были втянуты все австралийские племена. Большую роль в нем всегда играли каменные орудия, а позднее их место заняли металлические орудия, заимствованные сначала у индонезийцев, а затем у европейцев.⁹¹

⁸⁴ F. D. McCarthy. 1) The Australian Encyclopaedia, v. 1, p. 30; 2) Australia's aborigines, p. 33.

⁸⁵ B. Spencer and F. J. Gillen. The native tribes of Central Australia, p. 16.

⁸⁶ A. W. Howitt, ук. соч., стр. 311—312, 689—690; F. D. McCarthy, см.: The Australian Encyclopaedia, v. 1, p. 32.

⁸⁷ A. W. Howitt, ук. соч., стр. 298—303.

⁸⁸ Там же, гл. VI.

⁸⁹ Там же, стр. 306.

⁹⁰ Это видно и из других сообщений Хаунта, например, на стр. 298. Так же трактовал эти факты Ф. Шомло: F. Somló. Der Güterverkehr in der Urgesellschaft. Bruxelles, 1909, S. 39.

⁹¹ F. D. McCarthy. «Trade» in aboriginal Australia, and «Trade» relationships with Torres Strait, New Guinea and Malaya. Oceania, v. 9, 1939, № 4; v. 10, № 1—2; F. Somló, ук. соч., по поводу.

Разделение труда между локальными группами происходит из тесных связей хозяйства с особенностями различных географических районов, с распределением сырьевых ресурсов. Поэтому такое разделение труда можно назвать географическим. Однако неоднократно наблюдалась специализация в изготовлении некоторых видов изделий, которые не производятся другими группами несмотря на то, что последние довольно часто располагают необходимым для их производства сырьем. По-видимому, первоначально имела место реальная географическая обусловленность, действительное наличие необходимого сырья на территории одного племени и отсутствие его у другого, а в дальнейшем этот реальный фактор был закреплен традицией, благодаря чему специализация глубоко укоренилась, несмотря на перемещения племен. Как ни сильна привязанность австралийцев к своей земле, они перемещались по континенту в процессе его заселения, и пути племенных миграций стали впоследствии путями традиционного обмена. Возможно также, что традиционные межплеменные связи возникли не только в результате различия географических условий, но и вследствие родственных и этнических связей (например, принадлежности разных групп к одному племени в прошлом), выражением чего является ритуальный межгрупповой обмен и традиционный обмен между дальними родственниками из разных племен.

Следовательно, можно говорить о существовании у австралийцев относительно развитого общественного разделения труда. Выше приводились примеры половозрастного, или естественного разделения труда — исходной фазы общественного разделения труда, которая возникает на ранних ступенях развития человеческого общества в соответствии с потребностями общественного производства, но в зависимости от естественных — половых и возрастных — различий между людьми. Теперь перед нами следующая фаза в развитии общественного разделения труда — межгрупповое и межплеменное разделение труда, связанное с производственной специализацией локальных групп и племен и обусловленное главным образом географическими различиями.

«Различные общины находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Здесь общественное разделение труда возникает посредством обмена между первоначально различными, но не зависящими друг от друга сферами производства».⁹²

«Разделение труда в целом обществе, — указывает Маркс далее, — совершается ли оно при посредстве товарного обмена или независимо от него — свойственно самым различным общественно-экономическим формациям»,⁹³ в том числе, значит, и первобытнообщинному строю, когда различные общины заняты разными видами производственной деятельности, как это имеет место в Австралии.

Изделия австралийцев производятся в основном для потребления внутри племени, внутри локальной группы и лишь при известных условиях становятся достоянием других племен, попадая туда посредством обмена. Но известно производство и специально для обмена, например, массовое изготовление каменных наконечников в месте добычи камня в Арнхемленде⁹⁴ или изготовление стариками копий в количестве, превышающем непосредственные потребности племени, на о-ве Гроуте Эйландт.

⁹² К. Маркс. Капитал, т. I. М., 1955, стр. 359.

⁹³ Там же, стр. 366—367.

⁹⁴ D. Thomson. Economic structure and the ceremonial exchange cycle in Arnhem Land, p. 70.

Будучи обрядовым по форме, межгрупповой обмен имеет важное экономическое содержание. А то обстоятельство, что предмет сделан в другой местности, увеличивает его ценность в глазах австралийцев.

Межгрупповое разделение труда проявляется также в том, что одна группа производит одну часть работы, а другая — другую часть, заканчивая изготовление изделия. Так, например, одна группа производит незаконченные изделия, полуфабрикаты (например, заготовки для топоров), которые затем попадают посредством обмена в другие группы, где производится окончательное изготовление орудий. На западе Арихемленда такое разделение труда проявлялось в изготовлении бамбуковых копий с каменными наконечниками. Бамбук заготавлился людьми, живущими в районе Энпелли, и посредством обмена попадал в другую группу, в собственности которой находились разработки железа, и там изготовленные копии с каменными наконечниками доводилось до конца. Затем готовые копия широко распространились между остальными группами.⁹⁵

Каменные орудия и сырье для их изготовления занимают важное место в системе австралийского обмена.

В числе разнообразных предметов, распространявшихся посредством системы обрядового обмена подарками (*мербок*) между родственниками по р. Дейли, в западном Арихемленде, были каменные топоры и ножи, наряду с металлическими ножами и иными предметами европейского происхождения. Так, племя нангумпери, на территории которого были выходы красного гранита, снабжало сделанными из него массивными наконечниками все племена, живущие к северу и северо-востоку.⁹⁶ Жернова и точильные камни, изготавливаемые на некоторых островах у берегов Арихемленда, встречаются на всем полуострове.⁹⁷ Широко распространены также куски стекла, которые очень ценятся как скребки для изготовления деревянного оружия.⁹⁸ На Гроуте Эйландт отсутствует камень, пригодный для изготовления орудий, поэтому ножи и наконечники жители острова заимствуют от населения побережья зал. Карпентария, а оно в свою очередь получает их от группы, живущих в глубине п-ова Арихемленд. Все каменные орудия на о-ве Гроуте Эйландт прошли через руки многих групп Арихемленда.⁹⁹

В юго-восточной Австралии среди других предметов межплеменного обмена были куски камня для топоров и каменные песты для растирания шпца.¹⁰⁰ Карта в работе Маккарти,¹⁰¹ на которой изображены центры и направления обмена в юго-восточной Австралии, показывает, что каменные топоры служили одним из важнейших предметов обмена. «Места, где делались каменные орудия или где добывалось сырье для них, были центрами обмена».¹⁰² Б. Смит сообщает, что отдаленные племена обменивали большие связки копий на диорит из каменоломни у горы Вильям.¹⁰³ Диоритовые топоры из материала, добытого у г. Вильям, встречались за много миль отсюда. Камень меняли на шкуры, щиты, копыя.¹⁰⁴ Юго-восточные племена Южной Австралии получали свои топоры от горных племен Викториа,¹⁰⁵ а копыя с каменными наконечниками из центральной

⁹⁵ W. E. H a r n e y. Content to lie in the sun. London, 1958, pp. 153—154

⁹⁶ W. E. H. S t a n n e r. Ceremonial economics of the Mulluk Mulluk and Madngella tribes of the Daly River, North Australia. A preliminary paper. Oceania, v. 4, № 2, 1933, pp. 456—475; v. 4, № 4, 1934, pp. 458—471.

⁹⁷ D. T h o m s o n. Economic structure., pp. 67, 71.

⁹⁸ Там же, стр. 72.

⁹⁹ N. B. T i n d a l e, ук. соч., стр. 98.

¹⁰⁰ A. W. H o w i t t, ук. соч., стр. 717—720.

¹⁰¹ F. D. M c C a r t h y. «Trade» in aboriginal Australia., v. 9, p. 407.

¹⁰² Там же, стр. 409.

¹⁰³ R. B. S m y t h, ук. соч., т. 1, стр. 181.

¹⁰⁴ Там же, стр. 359.

¹⁰⁵ H. B a s e d o w, ук. соч., стр. 362.

Австралии можно было встретить по Муррею.¹⁰⁶ Центрами межплеменного обмена в Южной Австралии было знаменитое место добычи охры в Парачилье и карьер, где делались жернова, близ горной цепи Флиндера.¹⁰⁷ Через Парачилью проходили главные обменные пути Южной Австралии, по которым распространились топоры из Виктории и других отдаленных мест.¹⁰⁸ О большой роли, какую каменные топоры играли в обмене в Южной Австралии, «где диорит встречается редко», пишет и Эйльманн.¹⁰⁹

О распространении копий с каменными наконечниками в Квинсленде сообщает Рот.¹¹⁰ Столь же широко, от одного племени к другому, распространялись в Квинсленде жернова, камень для которых добывался и отсылався только в двух местах — Уалайя и Токо.¹¹¹ Не менее широко распространялись ножи и топоры.¹¹² Из Квинсленда они достигали отдаленные племена области оз. Эйр и Нового Южного Уэльса, двигаясь вдоль тех путей, по которым шли легендарные предки Мура мура, т. е. преимущественно вдоль рек, текущих из Квинсленда в юго-западном направлении, в сторону оз. Эйр. Этими путями в древности происходило, по-видимому, заселение бассейна озера. Одним из важнейших центров обмена была Копермана. Сюда приносили для обмена каменные плиты с юга и запада, топоры из Квинсленда шли с юга.¹¹³ Вдобавок к ножам, которые делались в самом Квинсленде, «невероятно большое» количество их, как пишет Рот, попадало сюда с Северной Территории.¹¹⁴

Вдоль путей обмена, пересекающих центральную Австралию с севера на юг, распространялись кварцитовые клинки, которые делались северными племенами — вараманга и другими.¹¹⁵ Вообще лучшие каменные орудия делались в центральной Австралии северными и северо-западными племенами, отсюда они распространялись на юг.¹¹⁶ Диери, вонкагуру, игамени и другие племена по р. Купер получали свои каменные топоры как из Квинсленда, так и из Нового Южного Уэльса.¹¹⁷ Повсюду в Западной Австралии пользовались жерновами, хотя пригодный для них материал имелся далеко не везде — их передавали от племени к племени. Шлифованные топоры производились на севере штата, откуда распространялись далеко к югу. Каменные топоры и наконечники были предметами межплеменного обмена и в Кимберли.¹¹⁸ В Западной Австралии имели место постоянные обменные отношения между племенами, живущими очень далеко одно от другого. Пути обмена пересекали всю Западную Австралию вплоть до побережья Большого Австралийского залива. Один из центров обмена находился в округе Юриа, где не было запасов камня, но каменные ножи в большом количестве приносили сюда для обмена люди из дальних племен. Другой традиционный центр обмена был в Ульдеа, куда собирались издалека для совершения инципаций и других

¹⁰⁶ B. B. Smyth, ук. соч., т. 1, стр. 309.

¹⁰⁷ F. D. McCarthy. «Trade» in aboriginal Australia, v. 9, p. 410.

¹⁰⁸ Там же, стр. 427—428.

¹⁰⁹ E. Eyllmann. Die Eingeborenen der Kolonie Südaustralien. Berlin, 1908, S. 367.

¹¹⁰ F. D. McCarthy. «Trade» in aboriginal Australia, v. 9, p. 411.

¹¹¹ W. E. Roth. Ethnological studies among the North-West-Central Queensland aborigines, p. 104.

¹¹² F. D. McCarthy. «Trade» in aboriginal Australia, v. 9, pp. 413—414.

¹¹³ A. W. Howitt, ук. соч., стр. 715—716; G. Hornø and G. Aiston, ук. соч., стр. 21, 34—35, 99, 104; B. B. Smyth, ук. соч., т. 1, стр. 378.

¹¹⁴ F. D. McCarthy. «Trade» in aboriginal Australia, v. 9, p. 422.

¹¹⁵ B. Spencer and F. J. Gillon. The native tribes of Central Australia, p. 592.

¹¹⁶ B. Spencer and F. J. Gillon. The Northern tribes of Central Australia, p. 635.

¹¹⁷ H. Basedow, ук. соч., стр. 362.

¹¹⁸ F. D. McCarthy. «Trade» in aboriginal Australia .., v. 9, pp. 434—436.

обрядов многочисленными группы австралийцев. Здесь, в местности, где нет своего кремня, песчаные холмы усеяны «миллионами» кремневых ножей и резцов.¹¹⁹ Керр указывал, что любые предметы можно встретить за сотни миль от места их изготовления.¹²⁰ Даусон сообщает, что в местах, где встречались живущие далеко друг от друга племена Виктории, люди из области Пилонг обменивали, наряду с добываемым ими диоритом для топоров, также и смолу для укрепления их в рукояти. Смола, столь необходимая для изготовления орудий, распространялась в виде больших комьев по всей западной Виктории. Из области Дункельд па эти порноди-ческие встречки приносили вулканическое стекло (обсидиан).¹²¹ Каменные наконечники, которые делались в Архемленде в нескольких карьерах-мастерских, распространялись, по свидетельству Томсона, по всему полуострову за сотни миль от места их изготовления. Они обменивались на железо для наконечников и железные топоры.¹²² Массивные каменные жернова распространялись в Квинсленде от места изготовления на расстоянии до 500 километров. Кажется почти невероятным, — говорит Рот, — что эти тяжелые каменные плиты доставлялись так далеко. Он добавляет, что их переносили на себе женщины.¹²³ Широкая сеть обмена уже в начале XX в. привела к тому, что по всему материку распространились железные европейские топоры и начали быстро исчезать каменные.¹²⁴

Пути обмена, проходящие через пустыни Западной Австралии, связывали юго-западные племена с племенами, живущими за сотни миль к северу от них. Один из авторов пишет: «Я знал, что аборигены Юго-Запада получали твердый камень из какой-то очень далекой местности, но не знал точно, откуда именно и как далеко отсюда. Но когда я был на верхнем Мёрчисоне, я увидел здесь тот же самый камень. Камни с очень острыми краями ценились аборигенами совершенно так же, как мы ценим золото, и поэтому племена, живущие далеко к югу от рек Мёрчисон и Гаскойн, стремились получить этот камень любой ценой. Однако они не знали, из какой далекой страны пришел он к ним».¹²⁵ В свою очередь северяне получали с юга копыя и смолу.

Ценность материала и изделий из него, отсутствие запасов сырья в одном месте и наличие его в другом, умение людей из какой-либо местности делать вещи особенно хорошо, потребность или заинтересованность специально в каких-либо предметах — все это стимулило столь развитого в Австралии обмена. Иногда вещи ценятся именно потому, что они пришли издалека и с ними ассоциируются представления об их особых магических свойствах.¹²⁶ При этом нужно отметить, что некоторые племена участвуют в обмене только в качестве посредников. Обмен способствует укреплению социальных связей, постоянному и мирному общению соседних племен.

То, что каменные орудия занимают в системе межплеменного обмена в Австралии большое место, объясняется экономическим значением этих орудий. Распространение посредством обмена каменного сырья и готовых изделий, в свою очередь, является важнейшим фактором, способствующим экономическому развитию австралийских общин. Благодаря обмену ба-

¹¹⁹ D. Bates. The passing of the aborigines. London, 1938, pp. 119, 159—160, 167.

¹²⁰ E. M. Curr. The Australian race, v. 1, p. 78.

¹²¹ J. Dawson, ук. соч., стр. 78.

¹²² D. Thomson. Interim general report of preliminary expedition to Arnhem Land, pp. 37—38.

¹²³ W. E. Roth. Ethnological studies among the North-West-Central Queensland aborigines, p. 104.

¹²⁴ R. Spencer and F. J. Gillen. The Arunta, v. 2. London, 1927, p. 521.

¹²⁵ F. D. McCarthy. «Trade» in aboriginal Australia. ... v. 10, p. 103.

¹²⁶ Там же, стр. 173—174.

дансруется хозяйство общин, лишенных сырья или опытных работников.

Широкое распространение каменных орудий из центров их производства до известной степени стирает локальные различия в орудиях труда. Обнаружение на территории какого-либо племени определенных орудий не всегда указывает на их принадлежность этому племени. Данные австралийской этнографии могут оказать помощь археологам в решении вопроса о том, в какой мере орудия каменного века служат этническим признаком.¹²⁷

«Благодаря системе обмена, в который вовлечены все племена, аборигены любой области могут оказаться обладателями орудий и других вещей, сделанных людьми, живущими, быть может, за сотни миль от них. Интересно также отметить, что, по-видимому, ни одно племя не пытается в своих изделиях подражать формам орудий, полученных от другого племени, даже когда необходимый для этого материал имеется под руками. Если они не могут получить эти инструменты путем обмена, они просто обходятся без них».¹²⁸ В. Спенсер не пытается объяснить этот факт, свидетельствующий, казалось бы, о каком-то страшном консерватизме. Не следует, однако, делать преждевременные выводы. Ниже, говоря об устойчивости технологических традиций у австралийцев, попытаемся понять отмеченное Спенсером явление.

ПРИЧИНЫ УСТОЙЧИВОСТИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

Относительная устойчивость технологических традиций, форм и типов орудий составляет одну из особенностей первобытной культуры. Известно, как медленно развивалась материальная культура первобытных эпох, как на протяжении тысячелетий сохранялись, несмотря на различия в материалах, стандартные, серийные формы орудий, как из поколения в поколение передавались сложившиеся формы и навыки. Развитие производственных отношений, рост общественных потребностей стимулировали развитие производительных сил, развитие материального производства. Однако технологический прогресс в то время совершался крайне медленно, новое пробивало себе дорогу с большим трудом.

Известно, как стойки технологические традиции и у современных экономически отсталых народов. На это обратил внимание Н. Н. Миклухо-Маклай, находясь среди папуасов Новой Гвинеи. О том же говорят и многочисленные данные об изготовлении орудий и их употреблении у австралийцев. Даже появление в их быту новых материалов не сразу ведет к радикальным переменам в технике изготовления орудий. Так, например, стеклянные или фарфоровые наконечники делаются в той же традиционной технике, теми же приемами, что и каменные. Известны металлические копии традиционных каменных топоров и наконечников, изготовленные отсталым способом холоднойковки. Копье с железным или стеклянным наконечником или палица, снабженная металлическим топором, почти не изменили технику охоты и способы применения охотничьего оружия,¹²⁹ хотя в результате появления металлических орудий труд стал более производительным. Поверхностные наблюдатели обычно говорят о «консерватизме» отсталых народов, об их боязни нового и т. д. Иногда может показаться даже, что общественный строй и духовная культура этих народов, в том числе австралийцев, развиваются быстрее, чем это происходит с их техникой. Чем же все это объяснить?

¹²⁷ А. А. Формозов. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? Сов. археолог. № 4. 1957, стр. 66—74.

¹²⁸ В. Спенсер. Wanderings in wild Australia, v. 2, pp. 495—496.

¹²⁹ Н. Petri, ук. соч., стр. 17.

Одно из объяснений принадлежало Л. Леви-Брюлю. Ссылаясь на Кэ-шпига, исследователя индейцев зуны, он писал о том, что первобытные люди приписывают изготовленным ими предметам мистические свойства, вследствие которых эти предметы ставятся то благодетельными, то опасными. Их функции находятся в соответствии с приданной им формой, и поэтому «„способности“ любого орудия, — пишет Леви-Брюль, — тесно связаны с каждой деталью их формы: вот почему эти детали неизменно воспроизводятся с величайшей точностью». Кроме того, формы предметов не только наделяют их „способностями“, но и ограничивают природу и силу этих способностей. Если предметы сделаны как следует, т. е. изготовлены по тому образцу, по которому всегда делались предметы того же рода, то ими можно пользоваться спокойно». С новой формой возникают новые «способности», новые таинственные свойства предметов. «Этим объясняется, — пишет далее Леви-Брюль, — необычайная устойчивость этих форм у первобытных народов... Индейцы английской Гвианы, например, обнаруживают паразитическую ловкость в изготовлении некоторых предметов: они, однако, никогда их не улучшают. Они делают их точно так же, как делали их предки до них. Мы имеем здесь перед собою отнюдь не простой результат, как это думали раньше, верности обычая и консерватизма, свойственных этим народам. Пред нами здесь непосредственный результат веры в мистические свойства предметов, связанные с их формой, свойства, которыми можно овладеть при помощи определенной формы, но которые ускользают от контроля человека, если изменить в этой форме хотя бы малейшую деталь. Самое незначительное на вид новшество открывает доступ опасностям, оно может развязать враждебные силы, вызвать гибель самого новатора и тех, кто с ним связан».¹³⁰

В действительности, первобытные люди вовсе не страдают такой боязнью нового, какую приписывает им Леви-Брюль. Они изобретают новые формы, хотя чем ниже уровень культурного развития, тем реже они делают это. Но, главное, Леви-Брюль не отвечает на вопрос, почему же люди наделяют мистическими свойствами предметы, сделанные их руками?

Устойчивость культурных достижений, особенно заметно проявляющаяся в сохранении техники и форм орудий на протяжении многих столетий, даже тысячелетий (как было в эпоху палеолита), традиционность и передача от поколения к поколению найденных и закрепленных технических приемов — одно из важнейших достижений культуры, одна из ее защитных функций, благодаря которой сохраняется и вызывает то, что найдено, открыто и санкционировано коллективным опытом поколений. Чем ниже уровень материального производства, тем ярче проявляется указанная тенденция, свойственная и культуре современных экономически отсталых народов. Однако новое, жизнеспособное непрестанно пробивает себе дорогу. Даже в элькнем палеолите отклонение форм от родящихся типов было велико. Ни в палеолите, ни позднее не было такой приверженности форме, как полагал Леви-Брюль, но было настойчивое воспроизведение *технологически эффективного типа*. В этом все дело. А воспроизведение форм изделий возможно как результат персистиентности в сознании первобытного человека технологического эффекта и деталей формы, даже орнамента. Но все это сочеталось с коллективными поисками (сознательными или бессознательными) все более производственных, целесообразных форм и типов. Найденным новым, технологически более эффективным формам необходимо было закрепиться в поколениях; должна была возникнуть «серийная повторяемость» для того, чтобы технологическая эффективность орудий приобрела общественное

¹³⁰ Л. Леви-Брюль. Первобытное мышление. М., 1930, стр. 23—24.

значению, стала фактором общественного производства и технического прогресса.

Это нелегкий процесс, но только так могли сохраниться в первобытном обществе все его культурные достижения. Сознание первобытных людей способствует этому тем, что наделяет найденные им формы и технические приемы мистическими, магическими свойствами. Следовательно, то, о чем писали Кэшинг и Леви-Брюль, это нечто вторичное, производное; это то, к чему прибегает идеология, чтобы помочь сохранению, устойчивости достижений культуры. С дальнейшим развитием производительных сил эта система идей превращается в их оковы, затрудняющие движение вперед. И, быть может, отсюда же происходит один из древнейших элементов первобытной религии — фетишизм, приписывание сверхъестественных свойств материальным предметам и почитание их.

Итак, тенденция к сохранению старых форм, с одной стороны, и постоянные поиски нового, с другой, — такова диалектика развития материального производства в первобытном обществе. Ибо культура — хранительница коллективного опыта, и это всегда было одной из важнейших ее особенностей.

Вспомним приведенное выше сообщение Б. Спенсера о том, что австралийцы не пытаются подражать формам чужих изделий, не делают их даже если необходимый материал имеется под руками. Одним из идеологических препятствий развитию материальной культуры, творчеству новых форм, новых видов орудий у австралийцев были мифологические санкции, как следствие той тенденции к сохранению культурных достижений, о которой мы только что говорили. Эти мифологические санкции нередко ограничивали производство тех или иных предметов одной локальной группой или племенем, или группой племен, несмотря на то что необходимое сырье имелось и в других местах, на территории тех племен, которые получали эти изделия посредством обмена. И далеко не всегда они заимствовали эти вещи у других только потому, что не знали, как они делаются. В центральной Австралии предметы ассоциировались с мифическими культурными героями. Например, дерево для изготовления корыт *питчи* росло здесь почти всюду и однако *питчи* получали от западных групп, потому что, согласно мифу, их делал там еще мифический человек — бандикут.¹³¹ Легенда, вероятно, указывает на весьма древнее происхождение этого вида разделения труда. «Главное основание для локализации производства в центральной Австралии — то, что *питчи*, копье-металки и т. д. были впервые сделаны или введены культурными героями в соответствующих местах; эти места были впоследствии освящены и было признано, что отсюда и надлежит получать эти предметы, наделенные магическими и сверхъестественными качествами самих культурных героев».¹³² Эта мифологизация труда, наделение средств производства сверхъестественными свойствами — все это, по-видимому, ни что иное как проявление все той же тенденции к сохранению культурных достижений.

V. КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА АВСТРАЛИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Факты австралийской этнографии, как видно из изложенного выше, свидетельствуют об относительно высоком развитии у австралийцев логического, рационального мышления. Австралийцы стремятся к позна-

¹³¹ B. Spencer and F. J. Gillen. The native tribes of Central Australia, pp. 586—587.

¹³² F. D. McCarthy. Aboriginal Australian material culture: causative factors in its composition. Mankind, v. 2, 1940, p. 247.

нию мира и практическому овладению им, к достижению сознательно поставленной цели. Относительно высокое развитие их мышления выражается, однако, не только в изготовлении орудий труда как таковых, удовлетворяющих только утилитарную потребность, но и в том, что создание орудий становится элементом художественного творчества и что орудия занимают определенное место в религиозных верованиях и мифологии.

СОЗДАНИЕ ОРУДИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Австралиец является не только конструктором, творцом эффективных орудий, но и ваятелем, о чем свидетельствует и его деревянная пластика, и его замечательные каменные орудия. Острия типа Кимберли и *пирри*, клинки *леилара* и некоторые другие орудия представляют настоящие произведения прикладного пластического искусства, в которых воплощена не только техническая мысль мастера, но и эстетический идеал художника. Творцом этих изделий руководило желание создать не только эффективное орудие труда, но и предмет совершенной, законченной формы. Эти два стремления идут рука об руку, так как эффективность орудия труда неотделима от совершенства и законченности его формы.

Достоинства каменных орудий — симметрия, уравновешенность, пропорциональность, совершенная простота форм и линий, тщательность отделки — все это эстетически удовлетворяет и мастера, и других общинников. Следует отметить при этом, что у австралийцев (как, вероятно, и в палеолите) специфической чертой искусства была дифференцированность художника и зрителя (или потребителя искусства) в тех случаях, когда специализация в данном виде искусства (или производства) еще только возникала и каждый мог творить с известным успехом.

Художественное совершенство каменных орудий является, таким образом, результатом не только технических, но и эстетических требований. Изготовление лучших (в техническом и эстетическом отношениях) наконечников увеличивает авторитет мастеров, украшение рукоятей мужских ножей подчеркивает общественное положение их обладателей и т. д., следовательно, социальные факторы тоже способствуют художественному совершенствованию орудий.

Такие орудия, как двусторонние зубчатые наконечники из Кимберли или односторонние острия *пирри* и *бонди*, сделаны значительно лучше, законченнее, чем это необходимо для технических, утилитарных целей. Наконечники из Кимберли, — эти шедевры обработки камня, — сделаны настолько тонко и изящно, что перестают быть практически целесообразными, так как вследствие своей хрупкости пригодны только для одного броска.

Оценивая эстетические достоинства своего изделия, красоту его формы, правильность очертаний, точность и тонкость зубцов и острия, мастер-художник подолгу и внимательно рассматривает готовый наконечник. Если наконечник сделан из прозрачного камня, он рассматривает его на свет, оценивая особенности его окраски, — для своих наконечников австралийцы предпочитают красиво окрашенные камни.¹ Мастер тонко чувствует ритм, гармонию, пропорциональное соотношение частей, живописную красочность предмета.

Эстетическое отношение к действительности формировалось в творческом освоении и преобразовании человеком материального мира, в том числе и в производстве орудий труда. Орудия труда, каменные и дере-

¹ J. R. B. Love. Stone-age bushmen of to-day. London, 1936, p. 75.

винные, были, вероятно, первыми произведениями прикладного пластического искусства. Их роль и значение в развитии искусства непосредственно связаны с их главной, производственной функцией.

Чувство красоты возникло и развивалось у человека исторически, в труде, в процессе развития его производственной деятельности, которая предшествует эстетической деятельности и является условием ее формирования. Для области становления и формирования эстетического действительности тезис Маркса, что, изменяя природу, человек изменяет свою собственную природу.

Создателем верхнепалеолитических и неолитических орудий рукоделие и эстетическое чувство, воспитанное в нем тысячелетиями творческого освоения природы, изменения ее форм в процессе труда. Порою кажется, что тончайшая ретушь, покрывающая поверхность некоторых орудий этой эпохи, лишена утилитарного, практического значения. Приходят на ум австралийские аналогии, подтверждаемые находками верхнепалеолитических тайников, состоящих из тонко ретушированных орудий, по-видимому, никогда не бывших в употреблении. По мере того как было достигнуто виртуозное мастерство в обработке камня, возникло и развилось чувство эстетического удовлетворения результатами труда. Совершенствуя технику обработки орудий, с целью сделать их более эффективными, человек, может быть, незаметно для себя перешел от «практического» искусства к искусству скульптуры. Совершенствуясь в своей практической целесообразности, орудия труда приобретали и эстетическую ценность, становились все более красивыми.²

Производственная деятельность — это не только средство удовлетворения узкоутилитарной потребности. Говоря словами К. Маркса, «человек формирует материю также и по законам красоты».³

Австралийское изобразительное искусство, включая все его разнообразные формы — пластику, живопись, резьбу, — предстает перед нами в двух основных видах: примитивно-реалистическое искусство, связанное главным образом с изображениями на скалах и стенах пещер, наблюдаемое также в деревянной пластике и рисунках на коре, и условно-символическое искусство, которое встречается иногда на скалах, но чаще всего на орудиях труда (в резьбе и живописи на деревянных и каменных орудиях) и на предметах магико-вещевой культуры, например, на чурингах. У австралийцев орудие делается предметом искусства не только вследствие высокой степени мастерства, которым достигается совершенство его пластических свойств, но и в некоторых случаях вследствие ornamentации и украшения (живопись на рукоятках ножей и древках копий, иногда на топорах, особенно в Архемленде, резьба на листовидных копьёметаллах из Западной Австралии и т. д.).

Для австралийцев орудия труда были не только предметом, но и сюжетом изобразительного искусства. В Австралии известны многочисленные изображения орудий: бумерангов, копий, копьёметаллов, гарпунов, наконечников — в петроглифах и живописи на скалах и на коре. Топоры, главное орудие австралийцев, можно видеть на очень многих наскальных и пещерных рисунках в разных местах Австралии. В пещерных рисунках о-вов Гроуте Эйлендт и Кэзм, например, среди других изображений найдены также изображения каменных и металлических топоров и каменного ножа *леиллра*.⁴

² См. А. Спиркии. Происхождение сознания. М., 1960, стр. 259.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. М., 1957, т. 1, стр. 158.

⁴ F. D. McCarthy. The cave paintings of Groote Eylandt and Chasm Island. Records of the American. Australian scientific expedition to Arnhem Land, 1960, v. 2, Melbourne, pp. 389, 404.

В верхнепалеолитическом монументальном искусстве хорошо известны силуэты рук на белом фоне — очень архаичный, возможно, ритуальный мотив или «подпись», свидетельствующая о пребывании человека или группы людей в данном месте. Этот сюжет, наряду с силуэтами каменных и стальных топоров, очень часто встречается и в австралийском искусстве.⁵ Руки, топоры или бумеранги прижимались к стене и окружающее пространство покрывалось краской — получались так называемые «отрицательные» отпечатки предметов. Иногда изображалась рука, держащая топор.⁶

Жители Арихемленда славятся своими рисунками на коре. На одном из них они изобразили знаменательное для них событие — находку во время раскопок нескольких хорошо отшлифованных древних каменных топоров. Один из этих топоров был насажен ими на топорнице, украшенное разноцветными поперечными полосами.⁷ Он стал, таким образом, и предметом, и сюжетом австралийского искусства.

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ КАК ПРЕДМЕТЫ КУЛЬТА И МАГИИ

Непосредственное отражение производственной деятельности в формах религиозной идеологии проявляется, во-первых, в специфической связи культа и магических обрядов с трудом (охотничья магия, обряды умножения производящих сил природы — штициума, магическое вызывание дождя); во-вторых, в превращении объектов культа в «орудия труда» (например, использование охотником, наряду с копьём и бумерангом, деревянной гуделки, предназначенной оказывать магическую помощь на охоте); в-третьих, в превращении орудий труда в объекты культа и орудия магии.

Превращение орудий труда в предметы культа или употребление их в магических обрядах можно назвать «функциональным сдвигом». Его специфика состоит в том, что орудие труда приобретает новую функцию, которая в некоторых случаях вытесняет прежнюю — по эта исходная, производственная функция является условием и причиной сдвига. Культ орудий, превращение полезного в священное широко наблюдается у австралийцев. Каменные топоры и наконечники, бумеранги и щиты, копьё и копьёметалки выступают подчас не только в своей основной, трудовой функции, но сверх того еще и в обрядовой. Окружение орудия труда — например, каменного топора — культовым ореолом способствует тому, что австралийцы рассматривают это важнейшее свое орудие в мифологическом аспекте. Оно ассоциируется с небесными существами их мифологии — олицетворенными молнией и громом.⁸ Все это подтверждает тезис о том, что на ранних ступенях общественного развития религиозные верования и обряды тесно переплетены с процессом производства.⁹

Роль каменных покоей в церемониально-обрядовой жизни состоит, главным образом, в том, что ножи употребляются в обрядах посвящения юношей и девушек. Ножами производится такие операции, как скарификация (посещение рубцов на теле), обрезание, подрезание и др. Таковы, например, каменные ножи, воспевающие особые названия и до сих пор употребляемые в религиозно-обрядовой жизни мужчинами и женщинами

⁵ F. D. McCarthy. Australian aboriginal rock art. Sydney, 1958, pp. 36—37. fig. 17. 30.

⁶ Г. Обермайер. Доисторический человек. СПб., 1913, стр. 296, рис. 170.

⁷ L. A. d. m. Primitive art. Melbourne—London, 1954, table 31.

⁸ С. Р. Mouniford. The Lightning man in Australian mythology. Man, v. 55. 1955, pp. 129—130.

⁹ В. Р. Кабо. Некоторые проблемы культуры австралийских аборигенов. Вестник истории мировой культуры, № 6, 1959, стр. 78—79.

Южной и северо-западной Австралии.¹⁰ Ножи для обрезания, употребляемые во время обрядов посвящения, такие же священные и секретные орудия, как и гуделки, применявшиеся в этих обрядах. Они хранились в священных хранилищах. Каменные ножи применялись и в магии (например, в обряде магической мести — *курдайча*).¹¹ Осколок от ножа, который употреблялся для обрезания, клали под изголовье спящего врага так, чтобы тот не заметил этого. Он должен был умереть во сне от ядовитых испарений, якобы исходящих от осколка.¹² Старики одного из племен Западной Австралии делали ножи для обрезания из твердого темного камня. Место, где имелся этот камень, считалось священным и держалось в секрете; только старики имели туда доступ. Ножи назывались *дымари* и были тотемом группы, носящей то же имя. Эти ножи, место изготовления которых столь ревниво охранялось старшими мужчинами, являлись подлинным богатством группы и источником ее могущества. По мнению австралийцев, ножи обладали большой магической силой. Их обменивали на копыя, и они распространялись во всех направлениях вплоть до отдаленных пределов материка.¹³ Севернее, в Кимберли, под тем же названием (*дымари*) известны ножи для обрезания из белого кварцита. Словом *дымари* здесь называют также свойственную знахарям-шаманам магическую силу, благодаря которой они способны быть лекарями, колдунами и пророками.¹⁴ Белоснежный кварц, *кимба*, из которого мужчины племени унгариньин делают наконечники и ножи для обрезания, образовался, как верят австралийцы, из тела змеи-радуги Унгуд. Наконечники из этого минерала, сверкающего цветами радужного спектра, считались лучшими, самыми эффективными. Так естественные свойства белоснежного кварца получают мифологическое объяснение.

В настоящее время в Кимберли каменные орудия выходят, а некоторые уже вышли из употребления. Вместо каменных ножей теперь используются металлическими. Даже для ритуальных операций теперь применяют старые бритвенные лезвия или осколки бутылочного стекла.¹⁵

Магические представления ассоциировались и с копьеметалкой. К помощи копьеметалки прибегали в актах вредоносной магии знахари племени курнап.¹⁶ Посредством копьеметалки знахарь одного из центрально-австралийских племен метал магические кристаллы, якобы извлекаемые им из своего тела, в другого человека и «убивал» его; затем, как рассказывал последний, знахарь удалил из его тела все внутренности, заменил их кристаллами, и он стал после этого таким же знаменитым знахарем.¹⁷

Центральноавстралийское племя каптитж пользовалось в качестве средства действующей на расстоянии вредоносной магии накопечником из кварцита, полученным от племен, живущих «далеко на западе». Основание наконечника было обмазано смолой, к которой был прикреплен

¹⁰ R. and C. Berndt. A preliminary report of field work in the Ooldea region, Western South Australia. Oceania, v. 15, № 2, 1944, p. 157; R. Piddington. Karadjeri initiation. Oceania, v. 3, № 1, 1932, pp. 49, 71; S. D. Porteus. The psychology of a primitive people. New York, 1931, table 16.

¹¹ B. Spencer. Guide to the Australian ethnological collection. Melbourne, 1915, p. 109.

¹² E. Worms. Die Goranara-Feler im Australischen Kimberley. Annali Lateranensi, Bd. 6, 1942, S. 216.

¹³ D. Bates. The passing of the aborigines. London, 1938, pp. 110—111.

¹⁴ H. Petri. Der australische Medizinnmann. Annali Lateranensi, Bd. 16, 1952, S. 255—256.

¹⁵ H. Petri. Sterbende Weit in Nordwest-Australien. Braunschweig, 1954, pp. 67—68.

¹⁶ A. W. Howitt. The native tribes of South-East Australia. London, 1904, pp. 361—362.

¹⁷ S. Spencer and F. J. Gillen. The Northern tribes of Central Australia. London, 1904, pp. 480—481.

длинный шнур из человеческих волос.¹⁸ В глазах австралийцев наконец-ник обладал большой магической силой — его достаточно было только «нацелить», чтобы убить врага. Судя по рисунку, наконецник происходил из Кимберли, и та страшная магическая сила, которая приписывалась ему, объясняется тем, что он пришел из далекой, чужой страны, где его сделали люди, с которыми, как со всем чужим и неизвестным, связываются представления о принадлежащей им враждебной, таинственной магической силе. «Условия жизни обособленных, замкнутых в себе родоплеменных групп — вот та социальная почва, на которой возникла и развилась вера во вредоносную магию».¹⁹

С представлением о магических свойствах вещей, полученных от чужих племен, мы нередко встречаемся у австралийцев. Попадая в другое племя, предмет как будто испытывает какое-то волшебное превращение — там, где он сделан, он был орудием труда, а здесь превратился в орудие магии. Бумеранги из западного Кимберли, попадая в центральный и северный Кимберли, рассматриваются как предметы, обладающие магической силой. И наоборот, каменные, стеклянные или фарфоровые наконецники из центрального Кимберли, попадая на запад, утрачивают свое прежнее хозяйственное значение и приобретают совершенно новое. Жители Кимберли видят в них предметы, наделенные разрушительной магической силой, которая обеспечивает их обладателям могущество и влияние среди соплеменников.²⁰

Люди, живущие в отдаленных областях и не поддерживающие тесных связей с населением Кимберли, смотрят на их действительно замечательные наконецники как на что-то необыкновенное, пришедшее из чужой страны, о которой они имеют неясные и фантастические представления. Вот почему эти наконецники утрачивают свои прежние функции и превращаются в предметы, полные таинственной, опасной силы. Так происходит не только у племени центральной Австралии, как, например, канитж, но даже в самом Кимберли. У племен юго-западного Кимберли (карадьери и других), где каменные наконецники не производятся, они становятся, как и в центральной Австралии, орудиями магии. С их помощью можно на большом расстоянии убить человека, произнося при этом заклинания.²¹ То же происходит и с другими орудиями. Большое количество бумерангов разнообразных видов, попавших в центральный Кимберли из разных областей Австралии, от далеких, чужих племен, хранятся здесь как предметы, наделенные таинственными свойствами, наряду с другими предметами культа, в секретных местах, известных только полно посвященным мужчинам.

Поверья, связанные с чужим, необычной формы оружием, в основе которых лежит страх перед новым, странным, неизвестным, были широко распространены. Даусон сообщает, что жители Виктории избегали прикасаться к чужим, необычным для них копьям и другому оружию, так как были убеждены, что это может причинить им болезнь и даже смерть.²² Долгое время австралийцы думали, что ствол европейского ружья сделан из тростника, одаренного какой-то сверхъестественной силой. Огнестрель-

¹⁸ B. Spencer and F. J. Gillen. 1) The Northern tribes of Central Australia, p. 463, fig. 129; 2) Across Australia, v. 2. London, 1912, p. 350, fig. 183.

¹⁹ С. А. Токарев. Сущность и происхождение магии. Сб. «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований». Тр. Инст. этнограф. им. Н. Н. Миклухо-Маклая, т. 51, М., 1959, стр. 36.

²⁰ H. Petri. Geographisches Weltbild und Zwischenstammliche Handelsverbindungen nordwestaustralischer Eingeborenen-Gruppen. Wiener Völkerkundliche Mitteilungen. Wien, Bd. 2, № 1—4, 1959, S. 16—17.

²¹ H. Petri. Sterbende Welt in Nordwest-Australien, p. 53; A. Lommel, Die Unambal. Hamburg, 1952, S. 78.

²² J. Dawson. Australian aborigines. Melbourne, 1881, p. 53.

ное оружие белых превращалось для плохо знакомых с ним аборигенов и предмет культа, одухотворенный и требующий жертв.²³ Все это примеры функционального сдвига, превращения полезного в священное.

«Многие необычные, вызывающие особенный интерес предметы, — говорит Керр, — как, например, щиты, пришедшие издалека, стальные топоры белых людей и т. д., не употребляются как орудия, а переходят от племени к племени и распространяются на огромные расстояния как предметы священные».²⁴ Особенно ценились древние щиты, которые «одержали много побед». В глазах австралийцев эти щиты были наделены магическими, сверхъестественными свойствами — они переходили из рук в руки, от одного племени к другому.²⁵ В восточном Арихемленде бумеранги, полученные посредством обмена, так же как и в Кимберли, рассматривались как могущественные магические орудия.²⁶ Магическая сила, приписываемая чужим орудиям, — «важный фактор в развитии обмена», — говорит Ф. Маккарти.²⁷

Аналогичное превращение орудий труда в орудия магии происходило и с каменными топорами. В XIX в. это наблюдалось на юге Австралии, где топоры употреблялись подобно известным костяным магическим инструментам для «порчи», которыми «нацеливались» на жертву, чтобы погубить ее. Для этой цели служили также каменные топоры: произнося заклинания, лезвиями насылали «порчу» на мужчин, а обухом — на женщин.²⁸ Объясняется это, как я думаю, тем, что топор был эффективным, универсальным орудием труда. На него могли смотреть поэтому как на предмет, обладающий сверхъестественными качествами, может быть даже одухотворенный. Но была еще и другая причина. В то время каменные наточенные и насаженные на рукоять топоры были очень редки к югу от гор Макдоннелл, а у многих племен вообще отсутствовали.²⁹ Редкие экземпляры топоров, может быть попавших сюда с севера, от далеких, чужих племен, рассматривались как орудия, обладающие таинственными, магическими свойствами, как происходило в Австралии со многими другими орудиями, как нередко бывало и у других народов мира с орудиями чужих племен или прошлых эпох. В Австралийском музее в Сиднее хранятся наточенные топоры из Кимберли, куда они попали посредством обмена и где использовались как орудия магии колдунами и знахарями.³⁰ Имеются предположения о ритуальном использовании некоторых видов топоров и в юго-восточной Австралии.³¹

Изображения топоров в пещерах и на скалах о-ва Гроуте Эйлапдт, как выяснил Ф. Роз, связаны с тотемическими представлениями и имеют магическое значение. Здесь изображены топоры австралийские, камолпые, которые являются тотемами местных групп, индонезийские и, наконец, европейские. Лезвие индонезийского топора на одном из рисунков было вновь окрашено свежей краской для того, чтобы сделать его «острым» и, тем самым, магически сделать острым также настоящий топор австра-

²³ П. Дарк. У австралийских дикарей. СПб., 1876, стр. 183—184.

²⁴ E. M. Curr. The Australian race, v. 3. Melbourne, 1887, p. 271.

²⁵ F. D. McCarthy. «Trade» in aboriginal Australia. Oceania, v. 10, № 2, 1930, p. 173.

²⁶ D. S. Davidson. Australian throwing-sticks, throwing-clubs and boomerangs. American Anthropologist, v. 38, № 1, 1936, p. 97.

²⁷ F. D. McCarthy. «Trade» in aboriginal Australia, v. 10, № 2, p. 174.

²⁸ H. E. A. Meyer. Manners and customs of the aborigines of the Encounter Bay tribe, South Australia. См.: J. Woods. The native tribes of South Australia. Adelaide, 1879, стр. 196.

²⁹ E. C. Stirling. Report on the work of the Horn scientific expedition to Central Australia, part 4. London—Melbourne, 1896, p. 98.

³⁰ F. D. McCarthy. «Trade» in aboriginal Australia, v. 10, № 2, p. 174.

³¹ A. P. Elkin. The origin and interpretation of petroglyphs in South-East Australia. Oceania, v. 20, № 2, 1949, p. 147.

лийца-художника.³² В связи с этим интересно отметить, что австралийцы нередко окрашивали свои каменные орудия, особенно топоры, красной охрой. Так, например, топор № 921—20 из колл. МАЭ окрашен целиком, включая и лезвие. С красной охрой связывались представления о ее животворной силе — вот почему, вероятно, ее употребляли не только в обрядах погребения, но и окрашивали ею топоры. Это делалось для того, чтобы «оживить» их, сделать их более эффективными, прочными, острыми.

Наделение орудий труда сверхъестественными свойствами было распространено в Австралии настолько широко, что, как сообщает Л. Паркер, даже каменным зернотеркам приписывались качества живых существ: способность передвигаться и говорить.³³

Среди различных камней, которые, согласно поверьям жителей Ульдеа, изображают мифических предков или принадлежащие им вещи, имелись любопытные каменные предметы — ритуальные имитации деревянных орудий: каменный щит, каменный бумеранг и каменное блюдо. Эти предметы в представлении австралийцев были тесно связаны с тотемическими предками и употреблялись в посвященных им обрядах.³⁴

Сравнительный материал по деревянным орудиям показывает, что в Австралии существовал такой же культ деревянных орудий, как и каменных. Обыкновенный боевой бумеранг *кира* — «универсальное орудие и оружие», по словам Горна, «Трудно даже представить себе, для чего только аборигены его не используют».³⁵ Неудивительно, что такое полезное орудие, подобно каменному топору, окружено всевозможными поверьями и легендами, которые «вызывают в памяти мечи древних норвежских саг».³⁶ О мифах, связанных с бумерангами, пишут и другие авторы.³⁷ На щитах Северной Территории изображались тотемические рыбы и мифическая змея-радуга Воллунква, тотем племени вараманга — эти щиты употреблялись в посвященных ей тотемических обрядах.³⁸ В землекопалках, посвященных мифическим сестрам Ваувелак, культурным героям Арихемленда, мы видим функциональное перенесение самого важного и характерного женского орудия труда в область культа и ритуала.

Култ орудий хорошо известен и за пределами Австралии у многих народов мира в различные эпохи. Интересный сравнительный материал мы находим у папуасов горных районов Новой Гвинеи, где, кроме обычных топоров, употребляемых в повседневном труде, имеются еще особые хорошо отшлифованные топоры, используемые только в обрядовом обмене, для платы за невест и т. д. Эти обрядовые орудия не являются рабочими инструментами и бережно хранятся наряду со стальными европейскими топорами.³⁹ В отличие от австралийских топоров, которые меняют свои функции в зависимости от обстоятельств, папуасские обрядовые топоры намеренно изготавливаются такими. Обрядовые или «священные»

³² F. Rose. Paintings of the Groote Eylandt aborigines. Oceania, v. 13, № 2, 1942, p. 175.

³³ K. L. Parker. The Euahlayi tribe. London, 1905, p. 117.

³⁴ R. A. C. Berndt. A preliminary report of field work in the Ooldea region, Western South Australia. Oceania, v. 14, № 1, 1943, p. 32—38.

³⁵ G. Horne and G. Aiston. Savage life in Central Australia. London, 1924, стр. 75.

³⁶ Там же, стр. 76—77.

³⁷ См. добавление к статье: E. A. Worms. Mythologische Selbstbiographie eines Australischen Ureinwohners. Wiener Völkrekundliche Mitteilungen, Bd. 5, № 2, Wien, 1957, S. 40—48.

³⁸ F. D. McCarthy. Australian aboriginal decorative art. Sydney, 1956, p. 27, fig. 15.

³⁹ L. G. Vial. Stone axes of Mount Hagen, New Guinea. Oceania, v. 11, № 2, 1940, pp. 158—163; G. Höltker. Zeremonial-Steinbeil von den Korugu im Wagi-Tal im östlichen Zentral-Neuguinea. Ethnos, Bd. 7, № 2—3, 1942, S. 79—83.

топоры известны в Меланезии, например церемониальные нефритовые топоры Новой Каледонии, в Центральной Полинезии,⁴⁰ Микронезии.⁴¹ Здесь, на более высоких уровнях развития общества и племенных вождей, меняется — они нередко служат символом авторитета племенных вождей. Известны они и за пределами Океании. Например, собрания МАЭ (колл. Фрича № 1378 и 1379) содержат церемониальные и обрядовые топоры индейцев Южной Америки, в том числе древние каменные топоры, обнаруженные в могилках, и их современные деревянные имитации. Культ каменных топоров существовал и на Востоке, и в античном мире, и в средние века.⁴² С каждой новой исторической эпохой менялось его социальное содержание, но в основе своей он восходил к древним, первобытным верованиям. В эпоху металлических орудий много поверий было связано с древними каменными топорами, причем особенно часто их рассматривали как атрибуты божества грозы. Эти представления удивительно близки представлениям австралийцев. Вероятно, истоки культа топоров восходят к каким-то очень ранним ассоциациям каменных орудий с огнем и грозой.

Многочисленные этнографические и археологические факты показывают, что культ орудий был широко распространенным явлением на различных стадиях культурно-исторического процесса — и в эпоху каменных, и в эпоху металлических орудий. Различаясь по своему конкретно-историческому содержанию, отражая социальные сдвиги, происходящие внутри данных обществ, это явление всегда и везде возникает на одной и той же основе, из одних и тех же предпосылок и является в конечном счете отражением социально-экономической функции орудий.

Несмотря на то что накоплен обширный фактический материал, буржуазная наука не уделяет достаточного внимания изучению культа орудий — этому важному явлению в идеологической жизни первобытных и современных народов. Надо отметить, что и в советской науке оно почти не изучалось.

Д. К. Зеленин сводит магическую функцию первобытных орудий к функции орудий как амулетов, или оберегов. Вследствие такого сужения проблемы магическая функция примитивных орудий выводится Зелениным из их оборонительной функции как средств самозащиты.⁴³ Между тем функции первобытных орудий не сводились только к оборонительной функции, поэтому и магические их функции не сводились только к функции их как оберегов. Примитивные орудия труда имели широкое и разнообразное производственное назначение, в соответствии с этим они широко и разнообразно употреблялись в культах и магии. Культурная (в том числе магическая) функция примитивных орудий является отражением прежде всего их социально-экономического значения. Культурная функция австралийских орудий — ножей и накопечников, коньметалок и копий, топоров и бумерангов — связана с их производственной и общественной функцией и в целом является идеологическим отражением экономического значения орудий. То обстоятельство, что во многих (но далеко не во всех) случаях культурная (магическая) функция орудий связана с тем, что они сделаны чужими племенами, усложняет это

⁴⁰ Колл. МАЭ № 402—411. См. также: H. Stolpe. *Collected essays in ornamental art*. Stockholm, 1927, pp. 34—36.

⁴¹ E. Sarfert und H. Damm. *Iuangina und Nukumanu. Ergebnisse der Südsee-Expedition 1908—1910*, hsg. von G. Thilenius. Hamburg, Bd. 12, 1931, S. 347.

⁴² Например: G. M. Scurdy. *The cult of the ax*. Washington, 1916; Г. Обермиллер. *Доисторический человек*, стр. 6—11.

⁴³ Д. К. Зеленин. *Магическая функция примитивных орудий*. Изв. АН СССР. Отд. общ. наук, № 6, 1931, стр. 713—754.

явление, однако его основным условием остается то, что рассматриваемые орудия являются орудиями труда.

Иногда обращают внимание на то, что в основе культа орудий лежит воззрение первобытного человека на орудия как на существа, одаренные собственной волей.⁴⁴ Однако в основе такого воззрения заключена сконцентрированная в орудиях творческая мысль и воля человека. Поэтому и мифологический аспект орудий, воззрение на них как на что-то «данное свыше», ведущее свое происхождение от культурных героев, тотемических предков и т. д. — все это в конечном счете объясняется социально-экономическим значением первобытных орудий. В основе субъективного стремления обуздать «свободную» волю орудия и навязать ему волю человека, закрепив за орудием неизменную форму, придав ему постоянные, неизменные качества, находится объективное стремление общества сохранить свои культурные достижения, в том числе и наиболее целесообразные формы орудий.

Этнографические факты, относящиеся к верованиям культурно-отсталых народов, свидетельствуют о том, что там, где сильна зависимость человека от материальной среды, где он чувствует неуверенность в своих силах, там объекты материального мира, существенно необходимые для экономического благосостояния общества, имеют тенденцию становиться предметами почитания, орудиями или объектами религиозно-магических обрядов, сюжетом мифотворчества. Такое превращение свойственно было орудиям труда. Перенесение человеком-творцом на орудия труда своей зависимости от них, наделение их самостоятельной волей, взгляд на орудия как на одухотворенные существа, следовательно превращение орудий в фетиши, в объекты культа возникает очень рано и сохраняется очень стойко. Это «проецирование» хорошо выражено в одном источнике XVI в., в котором говорится о лопарях: «Аще ипогда камнем зверя ублет — камень почитает, и аще палицею поразит ловимое — палицу боготворит».⁴⁵

Стремление понять сущность и происхождение культа орудий связано с проблемой происхождения фетишизма — одного из древнейших элементов первобытной религии, специфика которого заключается в приписывании сверхъестественных свойств материальным предметам и в почитании их.⁴⁶ Культ орудий можно рассматривать как частный случай фетишизма. «Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом», — говорит К. Маркс о фетишизме.⁴⁷ Одна из особенностей фетишизма состоит в вовлечении предметов-фетишей в сложную систему магии.

Рассматривая проблему ранних форм религии в связи с общественным трудом, нельзя пройти и мимо австралийского этнографического материала. Фетишизация и культ орудий — составная часть комплекса представлений, характерных для австралийской культуры. Изучение культа орудий и его истоков — одна из насущных задач материалистической науки о религии.

В топоре, превращенном из орудия производства или орудия смерти в предмет культа, мы видим замечательный образец изменения функций предметов материальной культуры. То же, например, произошло с нефритом. В неолите он имел большое значение и очень ценился как преоб-

⁴⁴ См. например E. Cassirer. Sprache und Mythos. Leipzig, 1925, S. 49—50.

⁴⁵ Н. Харузи и. Русские лопари, М., 1890, стр. 137.

⁴⁶ Проблему фетишизма на большом сравнительном материале рассматривают Ю. П. Францев (У истоков религии и свободомыслия. М.—Л., 1959) и А. Спиркин (Происхождение сознания, М., 1960).

⁴⁷ К. Маркс. Капитал, т. 1. М., 1955, стр. 79.

чайно прочный материал для изготовления орудий; до недавнего времени его употребляли для тех же целей маори Новой Зеландии. В древней Греции он применялся для лечения почек (одна из болезней почек и теперь называется «нефрит»). В странах Востока он издавна играл особую роль культового камня. В Китае он известен под названием «Священный Юй». Из него вырезались ритуальные сосуды, фетиши, священные музыкальные инструменты и т. д. Это значение нефрита, как можно полагать, связано с той производственной ролью, какую он играл в неолите. Позднейшая культовая функция берет свое начало в более древней хозяйственной функции. Постепенно утратив ее, нефрит сохранил свое значение как материал для предметов культа, он стал «священным» камнем. Рассмотрев все, что связывалось с этим камнем в разные исторические эпохи, мы получаем картину преобразования практически полезного и ценного в священное. История культуры дает много примеров такого рода. Очень многое в религиозном ритуале является функционально преобразованным, перенесенным из материальной действительности в царство мистики. В основе многих религиозных действий, или «священподействий», можно обнаружить практически полезную деятельность человека на пройденных этапах его развития.

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ И МИФОТВОРЧЕСТВО

Во время своих экспедиций в северную Австралию Ч. Маунтфорд обнаружил мифы и иллюстрирующие их рисунки на коре, посвященные «песбесным существам», ассоциируемым с молнией, громом и каменным топором.⁴⁸ Рисунок на коре из Западного Арnhemленда изображает Мамарагана, «человека-молнию». В течение сухого времени года Мамараган спокойно живет на дне глубокого водоема Гудьяманди. Австралийцы избегают этот водоем, потому что стóит им напиться из него или даже только потревожить его спокойную поверхность, Мамараган поднимается на небо, устроит ужасную грозу, и потоки воды зальют землю и людей. Как только наступает сезон дождей, Мамараган покидает свое обиталище под водой и переселяется на грозовые тучи, на которых бродит по небу. Это он производит молнию и гром и своими каменными топорами сокрушает деревья, наносит удары по земле, убивает людей.⁴⁹

Миф о «человеке-молнии» записан в западном Арnhemленде и Р. Робинсон. Имя «человека-молнии» в записи Робинсона — Маргон, а в записи Маунтфорда — Мамараган, но это, очевидно, одно и то же существо. Маргон — «отец молнии» и сын Великой матери плодородия, радуги-змеи, в которой мы узнаем Уггуд из Кимберли. Своим неизменным орудием, каменным топором, Маргон расщепляет деревья и дробит скалы, мстит и карает за преступления.⁵⁰

На о-ве Мелвилл хозяйкой грозы является «женщина-молния» Бумерали, которая в течение сухого времени года живет в верхнем мире, над небом. Когда приближается сезон дождей, она, подобно Мамарагану, переселяется на грозовые тучи и своими каменными топорами, которые она держит в каждой руке, наносит удары по земле, уничтожая деревья и наводя ужас на людей. Ее неотшлифованные каменные топоры, прикрепленные к длинным кривым древкам, как говорят австралийцы, сделаны из белого кварца, обнажения которого имеются на о-ве Батерст. Другие

⁴⁸ C. P. Mountford. The Lightning man in Australian mythology, pp. 129—130.

⁴⁹ C. P. Mountford. Art, myth and symbolism. Records of the American-Australian scientific expedition to Arnhem Land, v. 1. Melbourne, 1956, p. 208.

⁵⁰ R. Robinson. The feathered serpent. Sydney, 1956, p. 59.

утверждают, что белый камень для топоров она достала в верхнем мире, Тунгруна.⁵¹

Во всех этих фактах особенно интересно то, что австралийцы имеют мифы и верования, сходные с мифами и поверьями многих других народов мира. И в самом деле, у народов Европы, Азии, Африки, Индонезии широко бытовало убеждение, что древние каменные топоры, находящиеся в земле, произведены ударами молнии. Поэтому их называли «громовыми топорами» и считали, что они упали с неба во время грозы: если сверкнула молния, то это блеснул падающий топор, ударил гром — это удар топора о землю. «Громовые топоры» рассматривались как средства-обереги против молнии. Положить «громовой топор» в ступу дома или под крышу — это верное средство сохранить дом от удара молнии. Эти древние орудия употреблялись в народной медицине, они охраняли скот от заблуждений, а молоко — от скисания и т. д.

Ассоциация каменного топора и грозы в мифологии народов Скандинавии и других стран северной Европы выразилась в образе Тора или Доннера, бога грома и молнии, покровителя земледелия, который победил олицетворявших холод и мрак великанов при помощи своего топора. Каменный топор — древний атрибут божества небесного огня. Одним из древнейших способов добывания огня было высекание его ударами камня о камень. Когда камнем оббивали другой камень, чтобы сделать топор, вылетали искры, вызывая у первобытного человека представление о молнии, грозе, огне, которым люди побеждали холод и мрак. Огонь и топор были условиями возникновения подсечно-огневого земледелия в лесах Северной Европы.

Тор не одинок в мифологии народов мира. Его собратом является Ронго (на Гавайских о-вах — Лоо) — один из главнейших богов полинезийского пантеона — бог молнии, грома и дождя, покровитель культурных растений и земледельческого труда. Рядом с ними можно поставить Шангб — божество (ориша) негров йоруба, бога молнии и грома, атрибутами которого считались метеориты и каменные топоры. Рядом с ними можно поставить и австралийского Мамарагана. Его место здесь принадлежит ему по праву, хотя стадially он неизмеримо старше их. Да и остальные, казалось бы, тоже стадially и культурно несопоставимы. И все же столь заметно выступающие в них общие черты показывают, что эти образы, на которые в ходе развития культуры наслаивались все новые и новые черты, генетически восходят к древнему прототипу, аналогичному австралийскому Мамарагану, а, может быть, и к еще более первобытному.

Ассоциация топоров с грозой и молнией, с двумя противоположными стихиями — водой и огнем — возникла, вероятно, в глубине тысячелетий. С огнем и грозой ассоциировались не только каменные топоры и рубила, но и необработанные кампы, которые поэтому широко применялись в магии дождя. Явление столь же хорошо известное у австралийцев, как и у других народов мира.

Каменным топором вооружены не только хозяева грозы австралийской мифологии — Мамараган и Бумерали, но и небесный культурный герой — демиург юго-восточной Австралии — Байаме. На севере Нового Южного Уэльса, близ г. Байрок, имеются обнажения гранита. В конце XIX в. в окрестностях еще жили остатки племени нгемба. Главный герой мифологии, Байаме, по их верованиям, когда-то жил на этих скалах. Своим каменным топором он выкопал волоем. Когда топор тупился, он точил его о поверхность скалы. Замысловатые красные пятна,

⁵¹ С. P. Mountford. The Tiwi, their art, myth and ceremony. London, 1958, p. 44, table 22a.

образованные на скале окисью железа, остались, по мнению австралийцев, там, где Байаме положил свой топор и другие магические орудия. Повсюду на скале видны борозды — следы того, что многие поколения затачивали здесь свои топоры, подобно тому, как это делал Байаме. Уходя охотиться в дальние края, австралийцы клали в свои сумки обломки гранита — *givaai*, чтобы и там оттачивать топоры. В некоторых местах на скале видны углубления, сделанные, по словам местных жителей, Байаме, когда он колол орехи и размалывал зерна.⁵² Байаме выступает в мифологии как хранитель гранитного карьера, создатель каменного топора и покровитель искусства его изготовления и шлифования. В знак этого он и сам вооружен топором.

Ценное указание мы находим у Д. Мэтью. Он пишет: «У камиларои и соседних племен на севере Нового Южного Уэльса весьма развит образ благотельного божества, Байаме. Его имя, согласно У. Ридли, происходит от слова *байа* 'делать или создавать что-либо рубкой, ударами топора или рубила (by chopping)'. Байаме — творец и хранитель».⁵³ Сложный образ Байаме имеет, следовательно, и черты первомастера, хранителя карьера, где производились, а с появлением неолитической техники и шлифовались каменные топоры, покровителя мастеров, культурного героя, который научил людей делать каменные орудия и пользоваться ими. К XIX в. этот образ вырос в гигантскую, могущественную фигуру создателя всех вещей, покровителя обрядов инициации. Происхождение образа Байаме недостаточно ясно. Возможно, что вооруженный каменным топором Байаме был создан «по своему образу и подобию» древним мастером каменных орудий. В чертах бога-мастера (*Deus faber*) явственно проступают черты его создателя, человека-мастера (*Homo faber*).

Если демург юго-восточной Австралии вооружен каменным топором, то в руках демургов центральной Австралии имеются каменные ножи *леиура*. Многочисленные мифы племени аранда рассказывают о героях древности, живших в давно минувшие времена *алчера*, о том, что эти существа были вооружены каменными ножами. Согласно одному из наиболее ранних мифов аранда, в те начальные времена, когда не было еще людей, землю населяли рудиментарные существа *инапатуа* (или *инапергеа*). У них еще не было ясно различных человеческих органов, и все их тело представляло собою какую-то аморфную массу. И тогда из своего жилища на западном бебе спустились два великих творца по имени Нумбакулла, вооруженных длинными кварцитовыми ножами *леиура*. Беря *инапатуа* одного за другим, они при помощи своих пожей сделали из них людей, мужчин и женщин, превратив бесформенную массу их тел в руки, ноги, пальцы, головы с носами, ртами и глазами. В этот начальный период истории мужчины и женщины сходились беспорядочно, игнорируя тотемы. Обрезание мужчин производилось с помощью головиш. Это продолжалось до тех пор, пока с севера не пришли люди-ястребы по имени Уллагубера. У них тоже были острые каменные ножи *леиура*, они первые ввели названия брачных классов и стали производить обрезание мужчин с помощью пожей. Однако в южной группе племени аранда рассказывают, что впервые обрезание пожами было введено по настоянию одной старой женщины из тотема лягушки.⁵⁴

В мифе об *инапатуа* можно видеть отражение инициации, где посвящаемые представляются еще не вполне готовыми человеческими суще-

⁵² R. H. Matthews. Ethnological notes on the aboriginal tribes of New South Wales and Victoria. Sydney, 1905, pp. 138—140; J. Fraser. The aborigines of New South Wales. Sydney, 1892, p. 76.

⁵³ J. Matthews. Eaglehawk and Crow. London, 1899, p. 147.

⁵⁴ B. Spencer and F. J. Gillen. 1) The native tribes of Central Australia. London, 1899, pp. 387—422; 2) The Arunta, v. 1. London, 1927, pp. 304—323.

ствами, из которых делают «настоящих людей». Обряды инициации понимаются мифом как воспроизведение акта творения, символизированного обрезанием. Как в самом акте творения, так и в обрядах инициации каменный нож играет существенную роль в качестве орудия, с помощью которого делаются люди.

Нож, мужское орудие, такое же орудие творения в руках первотворцев, выступающих в образах тотемических предков, как и женское орудие, копательная палка. С ее помощью сестры Дьюнгао, героини мифологии восточного Арихемленда, проходили по стране, создавали водоемы тотемических родов. Поэтому украшенные копательные палки (колл. МАЭ №№ 6254—6256) играют большую роль в обрядах, посвященных двум парам сестер — культурным героиням Арихемленда — Дьюнгао и Ваувелак. Орудия труда стали орудиями ритуала, орудиями героев мифологии, орудиями первотворчества.

VI. ВНЕДРЕНИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ОРУДИЙ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Металлические орудия начали проникать в быт аборигенов вскоре после того, как в Австралии появилось европейское население. Одно из ранних сообщений, свидетельствующих об этом, принадлежит Д. Оксли, который встретил в одном из малоисследованных в то время районов Нового Южного Уэльса старика-аборигена с железным топором. Последний он приладил к рукоятке так же, как австралийцы привыкли делать это со своими каменными топорами.¹ Австралийцы очень скоро оценили свойства не только металлических орудий, но и железа как материала для орудий. Ф. Кинг обнаружил в Кимберли кусок железного обруча, прикрепленный к деревянной рукоятке, которым, по-видимому, пользовались для выкапывания корней.² Железные топоры распространялись посредством межплеменного обмена быстро и далеко. Уже в середине XIX в. Т. Митчелл обнаружил железный топор в одной из отдаленных областей Австралии, которую до него не посетил ни один белый человек. Этот топор как редкое и ценное орудие принадлежал, по словам Митчелла, «вождю».³

Во второй половине XIX в., по свидетельству Даусона, многие каменные орудия были почти уже вытеснены металлическими из обихода аборигенов Виктории.⁴ По словам Спенсера и Гиллена, металлические топоры и ножи, которые со времени появления белых в центральной Австралии начали быстро вытеснять каменные, к концу XIX в. проникли и в те области, где аборигены никогда еще не видели белых людей.⁵ «В настоящее время каменные орудия очень редки, — писали Спенсер и Гиллен в 1912 г. — Отшлифованный каменный топор почти исчез во всей центральной области и совершенно исчез на территории племени арапта».⁶ «Производство каменных орудий быстро становится явлением прошлого в большей части центральной Австралии. Даже у племен, которые имеют крайне ограниченные сношения с белыми, железо начинает замещать

¹ J. Oxley. Journals of two expeditions into the interior of New South Wales. London, 1820, pp. 220—221.

² P. P. King. Narrative of a survey of the intertropical and Western coasts of Australia, v. 2. London, 1827, p. 68.

³ T. L. Mitchell. Journal of an expedition into the interior of tropical Australia. London, 1848, p. 325.

⁴ J. Dawson. Australian aborigines. Melbourne, 1881, pp. 24—25.

⁵ B. Spencer and F. J. Gillen. 1) The native tribes of Central Australia. London, 1889, p. 570; 2) The Northern tribes of Central Australia. London, 1904, pp. 634—635.

⁶ B. Spencer and F. J. Gillen. Across Australia, v. 1. London, 1912, p. 234.

камень и изготовление каменных пожей и топоров, вероятно, прекратится в течение нескольких лет. Железные топоры переходят от племени к племени. Куски железных обручей с бочек тщательно затачиваются по краю и пачпают заменять каменные топоры и наконечники копий. Острыя из толстой проволоки занимают место прежних деревянных зубцов и каменных наконечников на копьях. Эти нововведения распространяются от группы к группе с поразительной быстротой».⁷ Керр отмечает, что железные топоры и пожи имелись в некоторых племенах уже за тридцать лет до того, как в эти места впервые пришли сквотеры.⁸ Подобно ценным каменным орудиям или каменному сырью, железо и железные орудия были включены в систему межплеменного обмена. По словам Керра, железные топоры и железо с кораблей, потерпевших кораблекрушение у берегов Австралии, можно было встретить в глубине материка в нескольких сотнях миль от побережья или от ближайшего поселения белых.⁹ «Даже в далеком Арnhemленде, — пишет Т. Уэбб, — железо стало уже широко известно, каменный топор или кремневый нож в употреблении встречаются редко, хотя каменные наконечники для копий все еще производятся и употребляются в большом количестве».¹⁰ Это объясняется, вероятно, тем, что производственное значение их по-прежнему велико, так как характер охоты не изменился. С этим связано общественно-экономическое значение накопчиков, их роль в обрядовом обмене, групповой специализации и межгрупповом разделении труда.

Ранние металлические орудия на севере Австралии обязаны своим появлением индонезийцам. По словам Д. Томсона, железные топоры, паряду с деревянными долблеными лодками, были впервые введены в Арnhemленде индонезийцами, которые издавна посещали северные берега Австралии для ловли трепангов. Железные топоры были необходимы для изготовления лодок, так как каменные топоры австралийцев и их скребки из раковин мало пригодны для такой работы.¹¹

Несмотря на большое хозяйственное и общественно-церемониальное значение каменных накопчиков, в Арnhemленде становится все больше наконечников, сделанных из железа способом холоднойковки. С железными наконечниками происходит то же, что и с каменными — в их изготовлении наблюдается групповая специализация, распространяются они посредством межгруппового обрядового обмена. В их изготовлении специализируются группы, живущие на севере вдоль побережья зал. Карпентария. При этом наблюдается парадоксальное явление. Наконечники делаются в местах, где нет поселений белых, железо поэтому очень ценится, а распространяются наконечники на юг, в районы, где имеются скотоводческие фермы и железо нетрудно достать. Объяснение может быть только одно — железные наконечники стали предметом обмена еще задолго до того, как в южном Арnhemленде появились поселения белых и железо стало доступно аборигенам. Это произошло в то время, когда железо было доступно только населению побережья, получавшему его от индонезийских мориков.¹² Групповая специализация и обменные отношения между группами севера и юга все еще сохраняются, несмотря на то, что экономическая обусловленность традиционного разделения труда уже исчезла. Общественные и ритуальные явления, возникшие на основе экономических потребностей, оказываются иногда очень стойкими и переживают

⁷ B. Spencer and F. J. Gillen. The Arunta, v. 2. London, 1927, p. 537—538.

⁸ E. M. Cuff. The Australian race. Melbourne, 1886, v. 2, p. 375.

⁹ Там же, т. 1, стр. 78.

¹⁰ T. T. Webb. Spears to spades. Melbourne, 1944, p. 19.

¹¹ D. Thomson. Economic structure and the ceremonial exchange cycle in Arnhem Land. Melbourne, 1949, p. 58.

¹² Там же, стр. 71—72.

создавшие их условия, тем более что благодаря системе традиционного обмена взаимно обогащается культурный опыт различных групп и поддерживаются связи между ними.

Копья с железными наконечниками в Архемелде производятся двух типов. Помимо них, посредством обрядового обмена распространяется проволока для изготовления остриг, металлические рыболовные крючки, железные полосы и прутья используемые для копания или для изготовления клычков.¹³

Известен нож с побережья зал. Карпетария с клинком, сделанным из куска железного обруча, прочно прикрепленного к деревянной рукоятке бечевкой и смолой.¹⁴ С тех пор как в 1907 г. прекратились посещения индонезийцев, жители Архемелда продолжали делать ножи из железного лома и рыболовные крючки из гвоздей.

Гарпуны на о-ве Мелвилл делаются теперь с железными наконечниками-трезубцами.¹⁵ Племя ворора (Кимберли) для своих копий на рыбу в дюгоней предпочитает железные наконечники, выкованные в кузнице при миссии.¹⁶ Железо используется разнообразно, однако преимущественно в целях улучшения уже существующих орудий. Новые типы орудий создаются редко, и они очень примитивны.

Женщины из племени вокапугу в начале XX в. продолжали пользоваться деревянной землекопалкой для выкапывания корней и разрывания пор в мягкой почве, но для твердого грунта предпочитали использовать железный лом. Почти каждый мужчина имел кусок острой стали от сломанных стргальных ножей, рессоры или лопаты. Они привязывали их сухожилиями к древкам и получались долота. Кусок заостренной рессоры был очень эффективным долотом. Он даже назывался по-старому — *тула*. Резьбу по дереву производили гвоздем, прикрепленным к куску дерева. Однако оставались еще немногие старпки, хранители производственного опыта, которые отказывались от железных топоров и стальных долот и предпочитали им каменные орудия.¹⁷

Во время путешествия в центральную Австралию Стирлинг обнаружил копьемееталки-долота с плоскими кусками железа от колесных ободьев, вместо каменных инструментов. Как и в области оз. Эйр, у вокапугу, железо не просто вставлялось в смолу, как это делали с камнем, а привязывалось к древку сухожилиями кенгуру, а затем место соединения обмазывалось смолой.¹⁸

Племена, обладающие самой примитивной материальной культурой, тоже пытались сделать более эффективными свои немногочисленные орудия или даже создать новые, когда в их распоряжение попадали случайные куски железа. В горах Масгрейв (Южная Австралия) Базедов обнаружил составное орудие — древко, к концу которого был привязан сухожилиями кенгуру грубо заточенный кусок железа, обруч от бочки. Орудие использовалось для различных целей, оно было полифункциональным, как многие каменные орудия — им рыли землю, заостряли копья и т. д.¹⁹ В западной пустыне, с ее очень редким коренным населением и полным

¹³ Там же, стр. 73—74.

¹⁴ Catalogue of the objects of ethnotypical art in the National Gallery of Victoria. Melbourne, 1878, p. 41.

¹⁵ A. Maluzier. Au pays des kangourous. Paris, 1956, p. 202.

¹⁶ J. R. B. Love. Stone-age bushmen of to-day. London, 1936, p. 8.

¹⁷ G. Hoggie and G. Aiston. Savage life in Central Australia. London, 1924, pp. 11, 107—108.

¹⁸ E. C. Stirling. Report on the work of the Horn scientific expedition to Central Australia, part 4. London, 1896, p. 95.

¹⁹ H. B. B. Sedow. Anthropological notes made on the South Austr. Gov. North-West Prospect. expedition. Trans. a. Proceed. of the Roy. Society of South Australia, v. 28, 1904, p. 26, table 3, fig. 6.

отсутствием белых, случайные куски железа — подковы, куски ободьев и т. д. — передавались от племени к племени и распространялись на многие сотни километров, как ценный материал для орудий. Из заточенных обломков подков, например, делали топоры, укрепляя их в согнутых ветках при помощи смолы эвкалипта — совершенно так же, как укреплялись каменные топоры.²⁰

Металлические топоры в северном Квинсленде, подобно каменным, употреблялись для влезания на деревья и были объектом межплеменного обмена.²¹ В Кимберли в последние годы появились охотничьи копья с наконечниками из листового железа, а железные топоры употребляются иногда вместо ударных охотничьих палиц. Однако техника охоты и способы пользования оружием не изменились.²²

Орудия для изготовления каменных и стеклянных наконечников, которое делалось раньше из кости кенгуру, теперь заменяется гвоздем или куском толстой проволоки. Железные наконечники завоевали признание благодаря своей прочности, и теперь в Кимберли встречаются копья как с железными, так и каменными наконечниками. Железный наконечник, сделанный холодной ковкой с помощью камня или топора, затачивают на плите песчаника и укрепляют на древке так же, как и каменный.²³ Ворора все еще делают и ценят свои прекрасные каменные наконечники, но в повседневном обиходе все более предпочитают им копья с железными наконечниками. Железные наконечники используются, так же как ножи, для резки мяса. Из старой брошенной лопаты австралийцы могут сделать два, а то и три наконечника, старательно выкованных и выгнутых с помощью тяжелого камня. Молодые люди, обученные в миссии кузнечному ремеслу, выделывают железные наконечники с помощью огня и инструментов белого человека.²⁴ К сожалению, мы не узнаем из этого сообщения, какое влияние участие молодежи в производстве орудий оказывает на общественные отношения у ворора. Но работать в кузнице удастся очень немногим аборигенам. Большинство вынуждено применять самые примитивные приемы обработки железа. «Я видел аборигенов, — пишет У. Харпей, — делающих почти невозможное голыми руками. Однажды на Гроуте Эйландт я наблюдал, как они делали совкообразные наконечники для копий из бака, сделанного из закаленной стали». Их единственными орудиями были каменные молоты. Освобожденный от заклепок кусок стали был перерублен камнем с острым краем. Чтобы сделать несколько наконечников, восемь мужчин должны были работать в течение пяти дней. Когда они закончили, угловой кусок железа от бака был перерублен и заточен женщинами, которые сделали из него копию каменного топора.²⁵ Это — один из редчайших случаев, когда женщины принимают участие в том, что обычно рассматривается как исключительно мужской труд. Тем больший интерес представляет это сообщение.

Экспедиция 1948 г. в Арnhemленд обнаружила, что хотя австралийцы располагают теперь железными топорами и ножами, железными наконечниками копий и гарпунов, железными рыболовными крючками и даже землекопалками из железных прутьев, несмотря на это техника охоты, рыболовства и собирательства не претерпела существенных изменений.

²⁰ D. W. Carnegie. Spinifex and sand. London, 1898, p. 342.

²¹ W. E. Roth. North Queensland ethnography. Bulletin № 14, pp. 17—19; Bulletin № 17. Records of the Australian Museum, v. 8. № 1. Sydney, 1910, pp. 72—73.

²² H. Petri. Sterbende Welt in Nordwest-Australien. Braunschweig, 1954, p. 17.

²³ Там же, стр. 53—54.

²⁴ J. R. B. Love, ук. соч., стр. 81—82.

²⁵ W. E. H a r n e y. Life among the aborigines. London, 1957, p. 66—67.

Однако время, затрачиваемое на изготовление и ремонт хозяйственного инвентаря, теперь значительно сократилось, и труд стал более производительным. Интересно отметить в связи с этим, что и металлургические орудия в условиях примитивного полукочевого охотничье-собирательского хозяйства приобретают полифункциональный характер. Так, например, железные накопечники используются мужчинами как ножи — ими разделяют туши животных, вырезают из дерева курительные трубки и т. д. Железные землекопалки используются женщинами для того, чтобы достать из дупла дерева бандикута, ящерицу и для многих других целей. Железные орудия затачиваются на скалах, как прежде — каменные; железный накопечник выравнивают, положив на камень и ударяя по нему обухом топора.²⁶ Проявляется известная стойкость технологических традиций. Обработка железа производится крайне примитивно, преимущественно каменными орудиями, а составные металлургические орудия делаются по образцу каменных.

Употребление металлургических орудий привело даже, как говорят некоторые этнографы, к понижению уровня традиционного мастерства в изготовлении оружия и утвари. «Наблюдается заметная разница между предметами, сделанными каменными орудиями, и предметами, сделанными европейскими инструментами: последние сделаны гораздо хуже... Никто не показывает аборигенам, как нужно пользоваться металлургическими орудиями, и они до сих пор употребляют совершенно так же, как и каменные».²⁷ Дело, конечно, не только в неумении пользоваться европейскими орудиями — наблюдается общий упадок самобытной культуры коренного населения, как это отметил еще в конце XIX в. Стюарт: «Чем больше соприкасаются аборигены с белыми, тем заметнее повсюду в Австралии вырождение производства их собственных изделий и даже полный отказ от них в пользу европейских».²⁸

По мнению Ч. Маунтфорда, металлургические орудия, напротив, способствовали развитию изобразительного искусства группы тиви, населяющей о-ва Мелвилл и Батерст. На этих островах известны замечательные по своей изощренности резьбе и другим достоинствам произведения пластики — так называемые погребальные столбы и антропоморфные деревянные скульптуры. Развитие этого искусства Маунтфорд связывает с появлением в распоряжении австралийцев железных топоров. Прежде они пользовались только каменными топорами и острыми раковинами, поэтому погребальные столбы, по словам местных жителей, тогда еще не были так тщательно обработаны, как теперь.²⁹ Хорошо известно, однако, что пластика меланезийцев Новой Ирландии (с которой Маунтфорд связывает влияние на искусство тиви, не говоря уже о виртуозной резьбе по дереву полинезийцев — все это достигло высокого совершенства на основе только каменных, раковинных и костяных орудий, без участия металлургических.

В противоположность Л. Уорнеру, который считал, что появление железного топора, принесенного впервые полинезийцами, не оказало существенного влияния на жизнь аборигенов Арихемленда,³⁰ Д. Томсон, на-

²⁶ F. D. McCarthy and M. McArthur. The food quest and the time factor in aboriginal economic life. Records of the American-Australian scientific expedition to Arnhem Land, v. 2. Melbourne, 1960, *passim*.

²⁷ R. and C. Berndt. A preliminary report of field work in the Ooldea region. Oceania, v. 15, № 2, 1944, p. 156.

²⁸ E. C. Stirling, *ук. соч.*, стр. 41.

²⁹ C. P. Mountford. The Tiwi, their art, myth and ceremony. London, 1958, pp. 108—110, 118—119.

³⁰ W. L. Warner. A black civilization. New York, 1937, p. 458 и сл.

оборот, склонен приписывать железу большую роль в развитии обрядового обмена, следовательно, в общественной и экономической жизни австралийцев.³¹ Железные топоры особенно ценились племенами побережья, которые делали с их помощью долбленые лодки. Несмотря на это, жители побережья передавали их своим партнерам по обмену, живущим на юге. Материальные ценности, получаемые от индонезийцев и европейцев, являются стимулом экстенсивного обмена, потому что все племена желают обладать этими ценностями. Значение металлических орудий поэтому состоит не только в том, что с их появлением труд стал более производительным, но и в том, что они оказали известное влияние на экономическую, общественную и обрядовую жизнь аборигенов.

О переменах в общественной жизни, происшедших в связи с вытеснением каменных топоров металлическими в племени йир-йоронт (п-ов Йорк), рассказывает этнограф Л. Шарп.³² Вся хозяйственная деятельность йир-йоронт, разделенных на небольшие группы, странствующие по обширной области, сосредоточена вокруг охоты и сбора урожая дикорастущих растений. Топор — самое важное орудие из всего их примитивного инвентаря. Он необходим для добывания пищи, топлива, сооружения хижины и проч. Топор — не только орудие *par excellence*, но также фактор социальных связей. Йир-йоронт не располагают на собственной территории необходимым для изготовления топоров камнем. Они получали его из других районов в обмен на копыя. Производством копий, наконечники которых состояли из хвостовой иглы ската, занимались племена побережья. Так были установлены связи между областями, где производились эти различные предметы. Йир-йоронт как посредники принимали в этих связях самое активное участие. Во время межплеменных встреч, приуроченных к церемониям инициации, участники их обменивали каменные топоры на копыя, а копыя на камень для топоров. В результате этого обмена каждая группа получала то, что ей было нужно. Собственниками топоров были мужчины. Однако пользовались топорами главным образом женщины, которые заимствовали их у своих мужей, отцов или дядьев в соответствии с установленными правилами и обычаями. Молодые люди, которые также в соответствии с обычаями не принимали участия в обменных операциях, должны были обращаться к старшим, когда им бывали нужны топоры. Топор был символом мужества и авторитета.

В последнее время у йир-йоронт появилось большое количество железных топоров. Они получили их или в качестве платы за работу в миссиях, или как подарки, которые давались миссионерами с целью завоевать расположение аборигенов. Группы, живущие вдали от европейских поселений, приобретали железные топоры путем обмена. Каменные топоры быстро исчезли. Железные топоры хотя и облегчили труд, но они, по словам Шарпа, подорвали самые основы общественных отношений у йир-йоронт. Система обмена, которая раньше связывала и объединяла различные группы, была полностью дезорганизована. Дружеские связи между локальными группами оказались теперь неуживкими, и материальные ценности перестали обращаться между побережьем и внутренними районами. Австралийцы утратили свою независимость и сделались данниками миссионеров. Последние распределяли материальные блага согласно правилам, которые казались австралийцам непонятными и чуж-

³¹ D. Thomson, ук. соч., стр. 82—94.

³² L. Sharp. Steel axes for the stone age Australians. Human problems in technological change. New York, 1952; A. Métraux. The revolution of the ax. *Dio-genes*, № 25, 1959, pp. 28—40.

дыми. Женщины и юпоши стали владельцами топоров и пользовались отныне тем же правами, что и взрослые мужчины, включая право собственности на топоры, т. е. то, что до сих пор было исключительной прерогативой взрослых мужчин. В особенности это было жестоким ударом для стариков и их общественного положения. Их возраст более не был их преимуществом перед молодежью. Молодежь теперь шла за топорами не к ним, а к миссионерам, которым она оказывала те или иные услуги. Старики, пользовавшиеся прежде уважением, стали теперь зависеть от женщин и молодежи. Авторитет их подорван. Торжества, связанные с обрядами посвящения, померкли, так как они больше не привлекают тех, кто прежде приходил на них, чтобы принять участие в обмене. Вся система старых моральных устоев поколеблена вследствие того, что изменились отношения между возрастными группами. Ослабло уважение к чужой собственности, участились случаи воровства и других нарушений норм морали, чего почти не бывало прежде.

Каменные и металлические орудия, конечно, оказывали и оказывают воздействие на жизнь австралийцев — на их хозяйство, общественные отношения, культуру. Однако их роль не следует преувеличивать. В разрушении культуры аборигенов «повинов» не железный топор, как представляется Шарпу, в этом виноваты условия жизни аборигенов в современной Австралии. Ведь переход австралийцев из «каменного века» в «железный» происходит в условиях колониального порабощения и расовой дискриминации. Колонизация Австралии в целом имела разрушительные последствия для культуры аборигенов, более того, она продолжает угрожать самому их существованию. В условиях капиталистического строя хозяйство и культура коренного населения не имеют возможности для нормального развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги.

До распространения металла каменные орудия имели ведущее значение в хозяйстве австралийцев, они употреблялись почти во всех видах производственной деятельности. Деревянные орудия охоты, рыболовства, собирательства изготовлялись орудиями из камня.

Австралийские каменные орудия дают образцы высокой техники обработки камня (острия *леулира*, *пирри* и особенно Кимберли 1 и 2, в том числе из стекла и фарфора).

Большинству австралийских орудий свойственна полифункциональность, т. е. использование орудий для многих, иногда весьма различных производственных функций.

При изготовлении и употреблении орудий иногда наблюдались ранние формы кооперации. Преобладала, однако, индивидуальность производства и применения орудий, что и служило основой личной собственности на них.

Иногда имело место внутригрупповое разделение труда в изготовлении орудий: а) молодежь, не прошедшая обрядов посвящения, выполняла одну часть работы, взрослые мужчины — другую часть, б) в очень редких случаях женщины помогали мужчинам и делали часть работы.

Поскольку хозяйство австралийцев в значительной мере основывалось на каменных орудиях, эти орудия имели важное экономическое значение. Естественное разделение труда в обществе имело результатом наиболее высокую техническую оснащенность взрослых полноправных мужчин. Каменные орудия производились мужчинами и находились преимущественно в их распоряжении, и это, в свою очередь, было одним из

условий, способствовавших усилению их общественного положения. Такое же значение имел другой вид хозяйственной деятельности — охота.

Половозрастное разделение труда отражено в различиях между мужскими и женскими орудиями, в их изготовлении и применении.

В изготовлении каменных орудий и в других отраслях производства прослеживается возникновение индивидуальной специализации. В связи с разделением труда в изготовлении орудий и других видах хозяйственной деятельности выясняется экономическое значение возрастных инципиаций.

Характер орудий в сочетании с местными природными условиями оказывает влияние на организацию труда и его производительность.

Личная собственность на орудия подчинялась нормам общинного права. В результате половозрастного и межобщинного разделения труда орудия далеко не всегда находились в собственности их производителей. В формах собственности на орудия проявлялись различия между мужчинами и женщинами, между полноповсященными и непосвященными мужчинами, очень редко — между руководителями общины и прочими общинниками. Источники сырья — каменоломни — находились в групповой собственности общины.

Групповая специализация в изготовлении орудий — основа межгруппового обмена, имевшего большое экономическое значение. Примеры межгруппового разделения труда в изготовлении орудий: а) различные локальные группы специализировались в изготовлении различных видов орудий и обменивались ими, б) сырье заготавливалось одними локальными группами, а орудия делались другими группами, в) заготовки производились одними локальными группами, а окончательное изготовление орудий осуществлялось другими группами, г) каменные орудия (например, наконечники) делались одними группами, а составные орудия (копья) — другими.

В результате обмена орудия распространялись из мест производства на значительные расстояния. Известно производство орудий специально для обмена. Каменные орудия и сырье для их изготовления имели большое значение в обмене. Наличие межгруппового разделения труда в условиях охотничье-собирающего хозяйства свидетельствует о сравнительно высоком развитии производительных сил.

Относительная устойчивость технологических традиций, форм орудий и технических приемов, а наряду с этим вера в мистические свойства предметов объясняются стремлением общества сохранить достигнутый уровень техники, технологически эффективные типы орудий. Все это сочетается с коллективными поисками более целесообразных и прогрессивных форм и приемов.

В производстве орудий, в выборе материалов проявляется относительно высокое развитие рационального, практического мышления австралийцев. При этом австралиец стремится не только к созданию практически целесообразного орудия, но и к увеличению его эстетической ценности. Тем самым изготовление орудий становится элементом художественного творчества. Каменные и деревянные орудия нередко являются предметами культа и магии. Это явление обусловлено производственным значением орудий, а также обособленностью родоплеменных групп — фактором, способствующим ассоциации магических представлений с орудиями чужих общин. Сравнительный материал показывает универсальность и распространенность культа, фетишизации орудий. Каменные орудия отражены и в мифологии австралийцев. Ассоциация каменных орудий с огнем и грозой имеет очень древнее происхождение.

Внедрение металлических орудий приводит к постепенному вытеснению каменных. В связи с появлением орудий из металла труд становится

более производительным и происходят изменения в быту и во внутри-
групповых отношениях аборигенов. В целом, однако, общественно-полити-
ческие условия, в которых живут аборигены, оказывают разрушительное
влияние на их хозяйство и культуру. В существующих условиях един-
ственный выход для аборигенов — это борьба вместе со всем рабочим
классом Австралии за освобождение их от преследований, расовой дискри-
минации и нищеты, за предоставление им гражданских прав, за свободное
национальное развитие. Большую помощь в этой борьбе оказывают або-
ригенам коммунистическая партия Австралии, австралийские профсоюзы,
прогрессивные силы всего мира. Аборигены не одиноки. И, сознавая это,
они все в большем числе вступают в ряды борцов за лучшее будущее
своего народа.
